Т. ЛУКРЕЦІЙ КАРЪ.

ЭТА КНИГА НАПЕЧАТАНА ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 400 НУМЕРОВАННЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ № 163

ТИТЪ ЛУКРЕЦІЙ КАРЪ
О ПРИРОДѢ ВЕЩЕЙ

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА ИВАНЪ РАЧИНСКІЙ

Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
non radii solis neque lucida tela diei
discutiant, sed naturae species ratioque.

Lucret. III, 91-3.

Книгоиздательство Скорпіонъ
Москва MCMIX

256/790

ТИПОГР. О-ВА РАСПР. ПОЛ. КНИГЪ, АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ.
МОСКВА, МОХОВАЯ, ПРОТИВЪ МАНЕЖА, Д. КН. ГАГАРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду замѣчательнѣйшихъ обломковъ классической древности человѣчество унаслѣдовало ученіе Эпикура. Какъ и всякое другое крупное проявленіе духа, этотъ драгоцѣнный камень мысли отразилъ въ своихъ граняхъ не только основныя черты современной ему эпохи, но и нѣкоторые образы и понятія, скрытые въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ сознанья, независимо отъ мѣста и времени. Вотъ почему наука, тщательно собравъ отовсюду остатки Эпикурова ученія, должна принять одну его часть какъ незыблемую истину, другую же часть признать неудавшейся, но все же геніальной и чреватой благодатными послѣдствіями попыткой проникнуть въ черную тайну бытія.

Было бы ошибочно непосредственно связывать новѣйшія завоеванія науки съ древне-греческимъ атомизмомъ и предполагать, что Эпикуровы **συμπτώματα** или Лукреціевы primordia имѣютъ почему-то болѣе близкое отношеніе къ клѣточкѣ Дарвина, чѣмъ напр. къ монадамъ Лейбница. Разумѣется, результаты современнаго знанія добыты не благодаря Эпикуру, а благодаря микроскопу и точному наблюденію, и если бы Бэконъ формулировкой индуктивнаго метода не раздвинулъ горизонтовъ человѣческой мысли, то ни Эпикуръ ни другіе философы древности не могли бы вдохновить къ новѣйшимъ открытіямъ въ области естествознанія. Попытка ввести древнюю атомистическую доктрину какъ звено въ ряду послѣдовательныхъ завоеваній науки едва ли будетъ успѣшной. Не провѣренная опытными данными, основанная исключительно на остроумной, но мало доказательной спекуляціи, эта доктрина въ цѣломъ никогда не возвышалась до значенія точной истины, а всегда представляла великолѣпную гипотезу, слишкомъ шаткую для того, чтобъ на ней что-либо построить. Зато древній атомизмъ имѣетъ первостепенное, исключительное пропедевтическое значеніе. Прежде чѣмъ начать свое побѣдоносное дви-

женіе опытная наука должна была очистить пути въ человѣческихъ умахъ, должна была, если не уничтожить, то смягчить въ нихъ косность и склонность къ суевѣрію. Такая задача выпала на долю Эпикура. Блестящимъ и безповоротнымъ разрѣшеніемъ ея онъ завоевалъ себѣ мѣсто среди сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ борцовъ просвѣщенія. Если ученіе его было поверхностно въ смыслѣ содержанія и несовершенно въ смыслѣ научнаго метода, то оно открывало людямъ свободу критики и давало рѣшимость заглядывать въ тѣ тайны природы, куда, казалось, не было доступа человѣческой мысли. Вмѣстѣ съ сумбуромъ древняго атомизма, вмѣстѣ съ введеніемъ въ науку чувственнаго воспріятія какъ единственнаго достовѣрнаго мѣрила истины античному міровоззрѣнію открывался небывалый просторъ. Сухая догматика смѣнивалась живымъ обсужденіемъ реальной дѣйствительности. Характерный анекдотъ мы находимъ у Секста Эмпирика. Во дни юности Эпикура нѣкій грамматикъ или толкователь словъ прочелъ въ его присутствіи слова Гезіода: „Прежде всѣхъ вещей былъ созданъ Хаосъ". Эпикуръ спросилъ грамматика, *откуда могъ взяться* Хаосъ прежде всѣхъ вещей. „Это не мое дѣло", отвѣчалъ послѣдній, „это дѣло философовъ".—Тогда я пойду къ философамъ,—рѣшительно сказалъ Эпикуръ,—такъ какъ они одни знаютъ истину. То, что случилось съ Эпикуромъ, *должно было случиться со всѣмъ* человѣчествомъ. Оно отвернулось отъ тѣхъ, которые старались прикрыть свое невѣжество перетасовкою словъ и понятій, и повѣрило тому, кто давалъ наиболѣе ясное, правдоподобное объясненіе.

Собственно атомистическая теорія была разработана Демокритомъ и Левкиппомъ, идея же этики основанной на чувственномъ наслажденіи всецѣло заимствованна у Аристиппа. Заслуга Эпикура въ томъ, что онъ сумѣлъ направить гипотезы своихъ предшественниковъ къ самымъ чувствительнымъ центрамъ человѣческаго сознанія, сумѣлъ накрѣпко связать свою доктрину съ самыми существенными и животрепещущими запросами духа въ человѣкѣ всѣхъ странъ и вѣковъ.

Эпоха Македонскаго владычества въ Греціи менѣе всего была пригодна для возникновенія крупныхъ философскихъ системъ. Времена возвышенной діалектики Платона и гражданскихъ идеаловъ Ѳемистокла и Перикла миновали, и греки, утомленные домашними распрями, постояннымъ политическимъ неустройствомъ тяготились своею независимостью и прошлымъ величіемъ. Тотъ, кто звалъ къ борьбѣ, къ дѣятельности, къ идеаламъ, не имѣлъ успѣха,—могучее краснорѣчіе Демосѳена только на короткое время возбуждало послѣднія вспышки эллинскаго свѣта;—симпатіи были скорѣе на сторонѣ того, кто предлагалъ выходъ изъ спутаннаго

положенія и сулилъ успокоеніе. Примѣняясь къ такому настроенію, философія приняла соотвѣтствующее направленіе.

Въ исходѣ четвертаго столѣтія до Р. Х. мы застаемъ въ Аѳинахъ четыре главныя философскія школы: академію, развивавшую разныя начала предыдущей эпохи и не имѣвшую опредѣленной физіономіи, школу пирроников или скептиковъ, портикъ или школу стоиковъ и наконецъ школу Эпикура. Послѣднія двѣ не были философскими школами въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ чистое умозрѣніе и самостоятельная выработка міровой системы не входили въ кругъ ихъ прямыхъ задачъ. Ихъ можно было скорѣе назвать школами житейской мудрости, имѣвшими главною цѣлью разсмотрѣніе нравственныхъ вопросовъ. Въ періодъ упадка, когда общество менѣе всего склонно къ чистому знанію и къ занятіямъ высшими вопросами бытія, такое низведеніе философіи къ утилитарнымъ цѣлямъ было кстати, а потому обѣ школы пользовались наибольшимъ вліяніемъ. Особенно широко распространилось Эпикурово ученіе. Общедоступность его основоположеній, простота и ясность конструкціи, возможность суммировать главные выводы въ одномъ словѣ „счастіе", снисходительность требованій, прямолинейность каноники (ученія о познаваніи), полагавшей главное мѣрило истины въ чувственномъ воспріятіи—все это завлекательно дѣйствовало на воображеніе и содѣйствовало широкому распространенію ученія далеко за предѣлами Греціи.

Эпикуръ изложилъ свои воззрѣнія въ огромномъ количествѣ сочиненій, часть которыхъ перечислена въ 10-й книгѣ Діогена Лаэртійскаго, и которыя распадались на три большихъ отдѣла: *Канонику* или ученіе объ источникахъ познанія и мѣрилахъ достовѣрности, *Физику* или ученіе о происхожденіи и устройствѣ міра и *Этику* или ученіе о нравственности. Всѣ эти сочиненія до насъ не дошли. Три письма и нѣсколько изреченій, приводимыхъ у Діогена Лаэртійскаго и неразобранный еще вполнѣ Геркуланскій отрывокъ изъ трактата *περὶ φύσεως*—вотъ все, что сохранилось въ подлинникѣ отъ Эпикура, и его философія возстановляется главнымъ образомъ изъ сочиненій Лукреція, Цицерона, Плутарха и Секста Эмпирика.

Заимствованное у Демокрита атомистическое ученіе сводится приблизительно къ слѣдующему. Міръ, познаваемый нами путемъ чувствъ и исходящихъ изъ нихъ представленій, состоитъ изъ двухъ сущностей: изъ безконечно малыхъ, безусловно плотныхъ и твердыхъ, безцвѣтныхъ и недѣлимыхъ атомовъ и пустоты. Въ силу своего тяготѣнія *книзу* и взаимныхъ столкновеній, безконечное количество атомовъ, въ ограниченномъ однако количествѣ формъ, вѣчно безцѣльно и безсознательно носилось въ безконечной пустотѣ міроваго пространства. Испытавъ на себѣ множество

вліяній и перепробовавъ въ своемъ вѣчномъ движеніи несмѣтное количество сочетаній, атомы совершенно случайно стали въ такое положеніе, что должны были образовать міръ помимо воли какихъ-либо сверхъестественныхъ существъ — боговъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ міра въ немъ установились его свойства и закономѣрныя движенія, которыми обусловлены всѣ явленія природы. Если, такимъ образомъ, вся природа управляется на основаніи неизмѣнныхъ законовъ рожденія, роста и смерти, то и человѣкъ, какъ часть этой природы, подлежитъ тѣмъ же законамъ. Нѣтъ никакого основанія допускать по отношенію къ людямъ вмѣшательства божественной силы или допускать изъятіе въ томъ смыслѣ, что душа ихъ безсмертна. Духъ, пребывающій въ сердцѣ, и душа, разлитая по всему тѣлу, состоятъ изъ такой же плоти какъ и тѣло, а потому подлежатъ послѣ смерти разложенію на составныя частицы. Въ сознаніи и принятіи этой истины коренится залогъ земного благополучія—отсутствіе страха предъ смертью, такъ какъ смерть есть отрицаніе всякаго ощущенія (**στέρησίς ἐστιν αἰσθήσεως ὁ θάνατος** Diog. Laert. X, 124). Внѣ боязни какихъ-либо загробныхъ мукъ, внѣ страха, чтобы какое нибудь враждебное божество не вмѣшалось въ судьбу, человѣкъ долженъ достигать высшей и единственной цѣли своего существованія—счастія, или точнѣе того состоянія, которое у Эпикура отмѣчено непереводимымъ на русскій языкъ словомъ **ἡδονή**.

Все зло эпикуризма, всѣ безчисленные нападки на него вытекаютъ изъ растяжимости понятія о наслажденіи, о счастьи какъ верховной цѣли существованія. Счастіе—понятіе безъ рѣзкихъ очертаній, безъ контуровъ. Оно—какъ дымъ, какъ морскія волны. Сколько волнъ—столько очертаній, сколько людей—столько и отдѣльныхъ понятій о счастьи. Вотъ почему въ теченіи всей исторіи подъ понятіе эпикуризма подводилось все, что угодно; вотъ почему эпикуризмъ уже на зарѣ своего существованія по свидѣтельству Діогена Лаэртійскаго наравнѣ съ боготвореніемъ вызывалъ фанатическую ненависть и клеветы. Такая ненависть росла въ теченіи вѣковъ вплоть до Монтескьё, потратившаго столько прекраснаго и напраснаго краснорѣчія на доказательство того, что главной причиной упадка римлянъ было Эпикурово ученіе. На самомъ дѣлѣ идеалъ, къ которому Эпикуръ влечетъ людей, рѣзко и опредѣленно очерченъ. Его **ἡδονή** есть состояніе, въ которомъ человѣкъ не ощущаетъ физической и душевной боли, состояніе покоя, обусловленное гармоніей физическихъ и душевныхъ силъ, причемъ наслажденія душевныя выше и дѣйствительнѣй, чѣмъ наслажденія плоти (Diog. Laert. X. 137). У существъ совершенныхъ это состояніе достигаетъ высшаго предѣла (*ἀταραξία*), человѣкъ же, под-

верженный всевозможнымъ житейскимъ вліяніямъ можетъ только приближаться къ такому идеалу. Наслажденіе должно быть чувственнымъ, такъ какъ внѣ чувства нѣтъ дѣйствительности, но это не значитъ, чтобы всякое потворство чувственнымъ потребностямъ было наслажденіемъ. Счастье обусловлено всею суммою воспринятыхъ наслажденій, а потому излишества жизни и страсти, могущія вызвать страданіе, не должны допускаться съ точки зрѣнія Эпикура. Скорѣй должно допустить извѣстную долю страданія съ цѣлью достигнуть въ будущемъ наслажденія. Лукрецій въ удивительныхъ стихахъ излагаетъ программу Эпикурова счастья.

. . . . nonne videre
Nil aliud sibi naturam latrare, nisi ut, cui
Corpore seiunctus dolor absit, menti fruatur
Jucundo sensu, cura semotu' metuque? et cet.

(Lucr. II, 16).

Изъ такого понятія о наслажденіи вытекаетъ отношеніе Эпикура къ религіи, къ наукѣ, къ нравственности и къ взаимной связи между людьми. Боги существуютъ несомнѣнно, иначе откуда бы въ умѣ людей могли возникнуть тѣ образы боговъ, которые являются иногда во снѣ. Но эти боги не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нашему міру. Чуждые горя и заботъ, равнодушные къ добру и злу они живутъ гдѣ-то *) внѣ міра, какъ идеалы высшаго блаженства. Они не могутъ причинить вреда или принести счастія, но какъ образцы того, къ чему должно стремиться, они заслуживаютъ почтенія.

Человѣкъ долженъ знать то, что его окружаетъ, для того, чтобъ избѣгать зла и не стать жертвой напрасныхъ страховъ. Созерцая разныя явленія природы и особенно небесныя явленія, люди за неимѣніемъ другихъ объясненій склонны приписывать ихъ дѣйствію сверхъестественныхъ силъ. Надо изучать природу постольку, чтобъ увѣриться въ естественности всѣхъ окружающихъ явленій и въ отсутствіи враждебнаго произвола боговъ, иначе въ жизни, полной страховъ и тревогъ, нельзя обезпечить себѣ безмятежныхъ наслажденій. Безъ такой цѣли знаніе, наука не имѣютъ цѣны. Знаніе не должно быть слишкомъ глубоко и подробно. Излишнія разсужденія способны скорѣе смутить духъ. Достаточно, чтобъ человѣкъ дошелъ до сознанія, что изслѣдуемое явленіе можетъ возникнуть отъ какой-либо естественной причины, а отъ какой именно—это не важно.

---

*) Цицеронъ старается ближе опредѣлить мѣстопребываніе боговъ: tanquam inter duos lucos sic inter duos mundos. De divin. II. 17. 40.

Для того, чтобы пользоваться дарами жизни, человѣкъ долженъ быть добръ и благожелателенъ, иначе его блаженство будетъ отравлено боязнью противодѣйствія со стороны другихъ людей. Зависть къ богатству и высокой власти—опаснѣйшій врагъ человѣка, а потому безуменъ тотъ, кто стремится стяжать и властвовать. Пять сократическихъ добродѣтелей—мудрость, справедливость, умѣренность, храбрость и благочестіе—не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны, но какъ единственный, надежный путь къ счастію, онѣ обязательны для эпикурейца. Человѣкъ находитъ блаженство въ себѣ самомъ независимо отъ его отношенія къ другимъ, но такъ какъ онъ призванъ жить въ обществѣ, то и при такихъ условіяхъ онъ можетъ добыть радости особаго свойства, высшимъ выраженіемъ которыхъ является дружба. Понятіе о дружбѣ съ обаятельною силою изложено въ X-ой книгѣ у Діогена Лаэртійскаго. Человѣкъ долженъ раздѣлять со своими друзьями имущество, радость и горе. Въ случаѣ нужды онъ долженъ пострадать за друга и даже принять за него смерть, такъ какъ оказывать благодѣянія гораздо пріятнѣе, чѣмъ ихъ получать. Историкъ Давидъ Штраусъ, пересматривая античныя ученія поскольку они подготовили распространеніе христіанской идеи, находитъ, что мягкая, благодушная и снисходительная къ человѣческимъ слабостямъ мораль эпикурейцевъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ суровая, непреклонная, не знающая пощады добродѣтель стоиковъ.

Понятію права Эпикуръ не придавалъ значенія. Онъ признавалъ только законы, установленнные соглашеніемъ людей и обязательные для всякаго, кто не желаетъ испытать на себѣ кары. Пассивное повиновеніе должно предпочитаться власти. Несправедливость сама по себѣ не представляетъ ничего худого, но сопряженная съ дурными послѣдствіями, наказаніемъ и угрызеніемъ совѣсти, она не одобряется. Эпикуръ рекомендовалъ равнодушіе къ популярности и къ участію въ дѣлахъ государства и въ этомъ отчасти сходился со стоиками. Извѣстны слова Сенеки: Nunquam volui populo placere. Nam quae ego scio non probat populus, quae probat populus ego nescio. Epist. 29, 9.

Въ общемъ жизнь должна быть благопристойна и умѣрена, такъ какъ даже на одномъ хлѣбѣ и водѣ можно пользоваться благополучіемъ. Diog. Laert. X, 11.

Таково въ краткихъ словахъ ученіе Эпикура. Въ исторіи развитія народовъ ему принадлежитъ неоспариваемое никѣмъ, первостепенное значеніе. Властными, рѣзко опредѣленными тезисами оно очистило міросозерцаніе языческихъ народовъ отъ суевѣрій, не дававшихъ мысли простора, а душѣ отдохновенья, а при своемъ возрожденіи легло въ основу

главенствующаго въ наши дни позитивизма. Въ эпохи глубокаго упадка и народныхъ бѣдствій оно ободряло человѣчество, устанавливая истинную цѣну жизни, давая невысокій, положимъ, ясный и но отчетливый идеалъ спасенія и предлагая людямъ вмѣсто мистическаго безсмертія, безсмертіе реальное на лонѣ вселенной, по законамъ вѣчной, незыблемой и неистребимой матеріи.

Эпоха, предшествовавшая въ Римѣ единовластію Августа, отчасти повторяетъ время Македонскаго завоеванія въ Греціи. Столѣтняя революція, начавшаяся съ Гракховъ, прошедшая чрезъ ужасы Марія и Суллы и завершившаяся трагическою смертью Цезаря, характеризуется глубокимъ упадкомъ нравовъ и охлажденіемъ къ высокимъ гражданскимъ идеаламъ древности. Подъ вліяніемъ распрей, кроваваго произвола партій и полнаго смѣшенія этическихъ понятій, римская республика неудержимо стремилась къ абсолютизму цезарей, какъ къ единственному выходу изъ запутаннаго положенія. Главное различіе между міровоззрѣніями обѣихъ сравниваемыхъ эпохъ коренилось въ свойствахъ римскаго племени. Исключительно практическое направленіе умовъ въ Римѣ, способствовавшее завоеванію міра и точной формулировкѣ вопросовъ быта, было рѣшительно чуждо чистому умозрѣнію и стремленію опредѣлить свое отношеніе къ сверхчувственной сторонѣ жизни. Римъ не имѣлъ ни собственнаго эпоса, ни коренной національной религіи и втеченіи всей своей многолѣтней исторіи не создалъ ни одного самостоятельнаго философа. Религіи всего міра стекались сюда вмѣстѣ съ обрывками греческой философіи, въ безпорядкѣ усваивались здѣсь и осѣдали, принимая специфическую практическую окраску. Такое положеніе вещей открывало широкій путь самому химерическому суевѣрію, противъ котораго въ годы народныхъ бѣдствій бываютъ безсильны доводы философіи. Общество, не находя ни защиты своей личной безопасности, ни отвѣта на внутренніе запросы духа, кидалось въ объятія чужеземныхъ культовъ. „Римляне сбились съ толку, говоритъ Моммзенъ, не только въ томъ, что касалось ихъ старинной религіи, но и въ томъ, что касалось ихъ самихъ; страшныя потрясенія, которыя пришлось переживать во время пятидесятилѣтней революціи, и инстинктивное сознаніе, что междоусобная война еще далеко не кончена, усиливали тревожное и мрачное настроеніе духа народной толпы. Блуждавшая въ тревогѣ человѣческая мысль взбиралась на всякую высоту и спускалась во всякую бездну, гдѣ могла найти новыя предохранительныя средства отъ угрожавшихъ опасностей, новыя надежды въ своей отчаянной борьбѣ съ велѣніями судьбы или, быть можетъ, только новыя причины заботъ. Уродливый мистицизмъ находилъ благопріятную для себя почву во всеобщемъ упадкѣ—политическомъ,

экономическомъ, и нравственномъ и религіозномъ и распространялся съ ужасающей быстротой". (Рим. Ист. Русскій перев. изд., Солдатенкова. II, стр. 431).

Супротивъ такого страннаго направленія мысли ополчались обѣ философскія школы (стоиковъ и эпикурейцевъ), мало-по-малу проникшія сюда изъ Греціи. Во время Сципіона, Эмиліана и Гракховъ преобладали стойки. Суровый догматизмъ портика съ требованіемъ борьбы и мужественной добродѣтели казался болѣе заманчивымъ и притомъ имѣлъ такихъ видныхъ представителей, какъ Гай Блоссій и Панэтій, тогда какъ эпикуризму въ Италіи предшествовала дурная слава. У Плутарха сохранился разсказъ о томъ, что когда посолъ Пирра Кинеасъ излагалъ передъ римлянами Эпикурово ученіе, то Фабрицій насмѣшливо воскликнулъ: „Да ниспошлютъ боги, чтобъ Пирръ и самниты руководствовались такими воззрѣніями, пока они ведутъ съ нами войну!" Но съ приближеніемъ къ вѣку Августа перевѣсъ мало-по-малу переходилъ на сторону эпикурейцевъ. Доктрина личнаго благополучія, какъ цѣли жизни, сдѣлалась не только наиболѣе понятной, но и наиболѣе пригодной оправдать всякое эгоистическое побужденіе. Несмотря на то, что эпикуризмъ покоился на незыблемыхъ, безспорныхъ и неизмѣнныхъ правилахъ, напоминая скорѣе догму религіозной секты, чѣмъ эволюціонирующую философскую систему, онъ болѣе другихъ ученій, насажденныхъ въ Италіи, подвергался искаженіямъ. Греческіе учителя частью изъ угодливости передъ своими знатными воспитанниками, частью въ видѣ уступки духу времени ловко подгоняли свое ученіе подъ разные вкусы и совершенно извращали его смыслъ. Пороки, стяжаніе, излишество, властолюбіе охотно рядились въ эластичныя одежды эпикуризма и Цицеронъ справедливо ополчался противъ такого рода злоупотребленій. (In Pisonem. 28).

Въ первой половинѣ перваго вѣка до Р. Х. Эпикурово ученіе нашло своего истиннаго и строгаго толкователя въ лицѣ геніальнаго римскаго поэта Т. Лукреція Кара. Біографическія свѣдѣнія о немъ совершенно ничтожны. Извѣстно, что онъ родился въ 95 или 94 году до Р. Х., принадлежалъ къ сословію всадниковъ и никогда не выступалъ на общественномъ поприщѣ, по крайней мѣрѣ въ замѣтныхъ должностяхъ. Всѣ остальныя свѣдѣнія о Лукреціи,—о томъ, будто онъ принадлежалъ къ знаменитому роду древняго патріота Спурія Лукреція, будто онъ учился въ Греціи и вмѣстѣ съ Катулломъ сопровождалъ своего друга Меммія въ Виѳинію,—только предположительны и не имѣютъ подъ собою твердыхъ основаній. Въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. о Лукреціи писалъ блаженный Іеронимъ. Въ приложеніи къ хроникѣ Евсевія подъ годомъ 1924 отъ Авраама (т.-е. приблизительно въ 94 году до христіанской эры) значится: T. Lucre-

tius Carus poeta nascitur. Postea a maturio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset, quos postea Cicero emendavit; propria se manu interfecit anno aetatis XLIIII. Первые христіанскіе писатели должны были относиться съ понятной враждой къ эпикурейскому матеріализму, а потому эти свѣдѣнія, передаваемыя къ тому же 300 лѣтъ спустя, не могутъ заслуживать полнаго довѣрія. Басня о томъ будто Лукрецій выпилъ какой-то любовный напитокъ, отъ котораго умеръ, ни на чемъ не основана, хотя Martha въ своей обстоятельной монографіи (Le poëme de Lucrèce) допускаетъ возможность такого факта, находя подтвержденіе свѣдѣній о любовныхъ увлеченіяхъ поэта въ страстныхъ и язвительныхъ нападкахъ на женщинъ въ концѣ четвертой книги поэмы о природѣ. Тотъ же писатель выражаетъ удивленіе по поводу того, что поэты Августовскаго времени, кромѣ Овидія, не обмолвились ни однимъ словомъ о своемъ предшественникѣ. Martha приписываетъ это зависти. Легко возможно и то, что поэма о природѣ, оскорблявшая національную религію, была подъ извѣстнымъ запретомъ, такъ какъ литературныя гоненія практиковались уже тогда, какъ видно на примѣрѣ Овидія.

Вотъ въ какомъ тускломъ видѣ сохранила исторія внѣшній обликъ великаго поэта; зато нравственный обликъ, выступающій въ его твореніи, выростаетъ на фонѣ того суроваго времени въ одинокую, могучую фигуру борца за просвѣщеніе, за высокую идею гуманности, за счастіе человѣчества. Дидактическая поэма „О Природѣ вещей“ возстановляетъ Эпикурову физику и отчасти канонику (въ четвертой книгѣ). Что касается этики, то ей не отведено отдѣльнаго мѣста; она разсѣяна по всему произведенію, какъ главная его цѣль и выступаетъ эпизодически тамъ, гдѣ поэтъ считаетъ возможнымъ связать ее съ общимъ ученіемъ Эпикура. Гордое и прекрасное вступленіе въ четвертую книгу ясно показываетъ, что поэма разсчитана на широкій кругъ читателей, а не обращена только къ одному Меммію. Очень доказательно объ этомъ высказывался I. Bruns (въ Lucrez-Studien. Freiburg und Tübingen 1884). Выборъ такого необыкновеннаго сюжета объясняется двойственностью натуры автора. Прежде всего Лукрецій—настоящій, природный поэтъ, одаренный чрезвычайно продуктивнымъ воображеніемъ и исключительною способностью облекать самое отвлеченное представленіе въ ясный и конкретный образъ. Профессоръ Модестовъ находитъ, что въ смыслѣ глубины и проникновенности вдохновенія Лукрецій не только не имѣетъ соперниковъ среди римскихъ поэтовъ, но вообще во всей міровой литературѣ можетъ сравниться развѣ только съ Байрономъ и отчасти Лермонтовымъ. Но авторъ поэмы о природѣ не только поэтъ, но и мыслитель. Его фантазія, какъ переполнен-

ная рѣка стремится покинуть русло чистой поэзіи, стремится разлиться въ ширину и обнять весь міръ. Поэзія въ началѣ перваго вѣка до Р. Х. переживала періодъ широкаго любительства. Стихи сочинялъ всякій, кто только умѣлъ писать, начиная съ Гортензія, Цезаря и Цицерона, кончая рабами и вольноотпущенниками. Развелось великое множество поэтовъ, подражавшихъ греческимъ образцамъ, и сочинявшихъ идилліи, эпиграммы, эклоги и всякаго рода антологическія стихотворенія, содержаніемъ которыхъ кромѣ миѳологіи были мелкіе факты жизни, любовныя приключенія, модныя сплетни и сатиры, направленныя противъ событій и героевъ дня. Эти пустяки находили себѣ иногда красивую форму, а лирическія настроенія Катулла достигали высшаго художественнаго выраженія *). Такія рамки были слишкомъ узки для автора поэмы о природѣ. Увлеченный личностью Эпикура и непоколебимо убѣжденный въ истинѣ его ученія Лукрецій беретъ это ученіе какъ средство для выраженія всѣхъ сторонъ своего творческаго генія и проявляетъ себя, какъ пѣвецъ природы, представляющій въ яркихъ образахъ красоту мірозданія, какъ философъ, толкующій незыблемые законы бытія, какъ моралистъ, указующій настоящую цѣль жизни и, наконецъ, какъ поэтъ-гражданинъ, скорбящій о недугующемъ человѣчествѣ и открывающій вѣрный путь къ спасенію. Между учеными возникъ и до сихъ поръ не рѣшенъ споръ о томъ: передаетъ ли поэма о природѣ дословно ученіе Эпикура или же авторъ ея отступаетъ отъ него и вводитъ нѣкія новыя начала. H. Ritter придерживается послѣдняго мнѣнія и доказываетъ, что поэма содержитъ много такого, о чемъ въ Эпикурову эпоху не могло быть и рѣчи. Нельзя, однако, не согласиться съ доводами извѣстнаго историка Целлера (Die Philosophie d. Griechen. III, S. 498 etc.), что Лукрецій строго придерживается греческой доктрины и передаетъ ее безъ существенныхъ измѣненій. Дѣйствительно, Лукрецію, какъ настоящему эпикурейцу, должна быть присуща консервативность этого ученія, и развѣ только въ пятой и шестой книгахъ необузданная фантазія увлекаетъ его къ ничтожнымъ, несущественнымъ отступленіямъ. Не вдаваясь въ детали этого спора, едва ли разрѣшимаго за полной почти утратой подлинныхъ сочиненій Эпикура, нельзя однако же не отмѣтить разницы между греческимъ философомъ и римскимъ поэтомъ,

---

*) Состояніе поэзіи въ это время хорошо обрисовано помимо общеизвѣстнаго сочиненія Teuffel. (Gesch. d. Römish; Litteratur) 1872. въ живыхъ, увлекательныхъ лекціяхъ Patin: Etudes sur la poésie latine. Paris 1900. v. I, 47 etc.

коренящейся въ индивидуальныхъ особенностяхъ того и другого и въ характерѣ сравниваемыхъ эпохъ.

Македонское завоеваніе подготовлялось задолго до Филиппа и греки исподволь привыкали къ мысли о владычествѣ сѣвернаго богатыря. Борьба болѣе сказывалась въ пламенномъ краснорѣчіи Демосѳена, чѣмъ на дѣлѣ, такъ что Херонейская битва, рѣшившая будто бы утрату греческой независимости, едва ли была особенно кровопролитна. Ко времени, когда Эпикуръ открылъ въ Аѳинахъ школу, греки примирились со своимъ подчиненнымъ, но не тягостнымъ положеніемъ. Они политиканствовали какъ и прежде, но вражда между партіями рѣдко доходила до кровавой расправы; такой же мягкій характеръ имѣла и философія. Эпикурова школа въ особенности отличалась спокойнымъ и величавымъ достоинствомъ, а благодушная, нѣжная какъ Пентеликонскій мраморъ личность учителя, по описанію Діогена Лаэртійскаго, очаровывала всѣхъ привѣтливостью, снисходительностью и тихою невозмутимостью души.

Не то мы видимъ во время Лукреція, когда огромное тѣло римскаго государства трепетало въ судорогахъ кровавой революціи. Борьба, страсти, дикія, необузданныя вожделѣнія проявлялись здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ и съ напряженной силой. Самъ Лукреції по натурѣ—настоящій бронзовый римлянинъ, съ огненнымъ темпераментомъ, стремительными порывами, рѣзкими и властными движеніями воли. Онъ скорбитъ о человѣчествѣ, но ненавидитъ жгучею ненавистью своихъ согражданъ, причемъ не щадитъ даже своего возлюбленнаго Меммія (III, 1036).

Какъ истинный эпикуреецъ, Лукреції не смѣетъ еще совершенно отрицать боговъ. Поэма о природѣ допускаетъ боговъ, какъ нѣкіе идеалы внѣ пространства и времени, но тутъ уже сказывается духъ того скептическаго времени. Во взглядѣ на боговъ Лукреції безсознательно вплотную подходитъ къ основному догмату Огюста Конта, что объектомъ изслѣдованія можетъ быть только явленіе и это ярко и опредѣленно выражено въ пятой книгѣ (ст. 147—155); зато къ суевѣріямъ, къ вмѣшательству религіознаго культа въ научную область онъ относится съ непримиримой враждой и ѣдкимъ сарказмомъ, менѣе всего свойственнымъ Эпикуру. Разница выступитъ еще яснѣе, если мы сопоставимъ спокойное, осторожное ученіе о смертности духа и души въ письмѣ Эпикура къ Геродоту у Діогена Лаэртійскаго съ третьей книгой поэмы, гдѣ Лукреції съ такимъ страстнымъ напряженіемъ и подчасъ даже вопреки здравому смыслу старается разрѣшить мучительную загадку загробной жизни.

Энтузіазмъ и боевое настроеніе—качества менѣе всего присущія чистому эпикуризму—составляютъ едва ли не главную красоту въ поэмѣ

о природѣ. Они, какъ бы восполняютъ недостатокъ и слабость научной аргументаціи. При незнакомствѣ съ методами точныхъ наблюденій и отсутствіи орудій науки, доводы древняго атомизма не могли быть доказаны, а представляли не болѣе какъ догадки, опирающіяся частью на поверхностное изслѣдованіе природы, частью на произвольныя построенія мысли. Любое явленіе повседневной жизни, всякое мало-мальски подходящее свидѣтельство ученыхъ, всякій выводъ или случайное совпаденіе словъ, принимались наскоро и безъ строгой критики, какъ доказательство того или другого основоположенія. Самъ Лукрецій, этотъ непримиримый врагъ невѣжества и суевѣрія, приводитъ какъ научное доказательство явно нелѣпыя сказки о львѣ, боящемся пѣтуха и о глоткѣ воды, спасающемъ отъ угара. Многія доказательства и факты поэмы о природѣ должны были казаться несуразными уже въ то время, и по справедливому указанію Martha астрономическія познанія Лукреція не удовлетворяли даже его современниковъ; но, разумѣется, не по качеству и вѣрности приводимыхъ фактовъ должно оцѣниваться значеніе этого произведенія. Лукрецій самъ сознаетъ свое безсиліе въ добываніи истины и ограничивается только указаніемъ пути къ ней. Онъ разсуждаетъ такъ: „вдали лежитъ трупъ человѣка, умершаго отъ яда, отъ болѣзни, отъ оружія, отъ холода или отъ многихъ другихъ причинъ, среди которыхъ есть одна истинная. Мы не знаемъ истинной причины, да это и не важно; съ насъ довольно сознанья, что человѣкъ умеръ отъ естественной причины, а не былъ убитъ какой-нибудь божественной силой. Точно также и молнія можетъ произойти отъ многихъ причинъ, но для насъ важно сознать, что она есть естественное проявленіе силъ природы, а не стрѣла Юпитера“.

Вѣдь съ достовѣрностью трудно сказать, отчего происходятъ
Эти явленія*). Я объясняю лишь тò, что возможно,
Тò, что бываетъ въ различныхъ мірахъ, сотворенныхъ различно;
И моя цѣль изложить тебѣ много причинъ, по которымъ
Могутъ всегда совершаться движенія звѣздъ по вселенной.
А изъ причинъ многочисленныхъ этихъ одна непремѣнно
Истинной будетъ; вопросъ же, которую выбрать здѣсь нужно,
Не составляетъ задачи идущихъ по вѣрной дорогѣ.

Лукр. V. 527.

Какъ это напоминаетъ ошибку, случившуюся въ XIX вѣкѣ. Ог. Контъ, какъ извѣстно категорически отрицалъ возможность когда-либо

*) Рѣчь идетъ о движеніи звѣздъ.

изслѣдовать химическій составъ звѣздъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти великаго мыслителя былъ найденъ спектральный анализъ, дающій вѣрный путь къ разрѣшенію задачи, казавшейся прежде неразрѣшимой. Есть ли основаніе дивиться тому, что эпикуреецъ до-христіанской эпохи не могъ достигнуть міровоззрѣнія Коперника и Ньютона? Лукрецій чувствуетъ свое безсиліе въ объясненіи сложныхъ небесныхъ явленій, но онъ горячо, искренне вѣритъ, что путь его прямъ и эта вѣра, это непреклонное убѣжденіе въ правотѣ своего ученія составляетъ тотъ рычагъ, которымъ онъ старается дать мысли вѣрное направленіе. Сквозь метафизическую пыль Эпикуровыхъ атомовъ, сквозь парадоксальность своихъ спекуляцій поэтъ какъ бы провидитъ грядущее могущество науки и пышное торжество человѣческой мысли!

Поэтическая одежда, облекающая эту несовершенную науку, весьма примѣчательна. Ранняя смерть вырвала изъ рукъ Лукреція стилосъ и преградила ему возможность придать своему величественному созданію полную законченность. Мы не знаемъ, приложилъ ли Цицеронъ свою руку къ поэмѣ, какъ утверждаетъ св. Іеронимъ (и притомъ какой Цицеронъ: знаменитый ли Маркъ или его братъ Квинтъ?); но въ настоящемъ своемъ видѣ она имѣетъ характеръ нѣсколько хаотическій и представляется скорѣе неподражаемымъ, геніальнымъ наброскомъ, чѣмъ законченнымъ, художественнымъ произведеніемъ. Среди истинныхъ поэтическихъ красотъ попадаются утомительныя длинноты, повторенія, непредвидѣнные скачки отъ одного предмета къ другому; попадаются недосказанныя мысли и небрежные стихи, а то̀, что поэма какъ бы обрывается на полусловѣ и не имѣетъ заключенія, какого можно было ожидать послѣ столь роскошнаго вступленія, свидѣтельствуетъ о томъ, что она не кончена. Порою, мы видимъ, какъ Лукрецій безотчетно отдается теченію своей неукротимой фантазіи: достаточно ему произнести слова pabula laeta, чтобы тутъ же мимоходомъ нарисовать роскошнѣйшую пастушескую идиллію; достаточно подумать объ Эмпедоклѣ, чтобы въ звучныхъ стихахъ распространиться о родинѣ философа, Сициліи,—не замѣчая, что такія отступленія, составляя истинное украшеніе поэмы, подчасъ нарушаютъ порядокъ и впечатлѣніе разсужденія. Нѣкоторые толкователи находятъ, что такая незаконченность даетъ произведенію впечатлѣніе первобытной свѣжести и разнообразіе. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Не всѣ части поэмы одинаково обработаны. Наиболѣе отдѣланы третья книга и вторая половина пятой, гдѣ нарисована роскошная картина послѣдовательнаго развитія земли. Разумѣется, если бы остальныя части были обработаны столь же старательно, то онѣ были бы еще лучше.

Языкъ въ поэмѣ о природѣ архаическій, мало отличающійся отъ языка Эннія и Пакувія, поэтовъ предшествующаго періода. Лукрецій жалуется на недостатокъ словъ и выраженій для изложенія сложныхъ греческихъ разсужденій, все же онъ не только выходитъ побѣдителемъ изъ такого затрудненія, но создаетъ множество новыхъ формъ и оборотовъ, служащихъ для позднѣйшихъ поэтовъ. Цицеронъ, Виргилій, Овидій, Горацій, Ювеналъ, даже Марціалъ въ серебряномъ вѣкѣ римской литературы, всѣ черпаютъ тутъ не только характерныя выраженія, но цѣлыя фразы. A. Wohler съ добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго собралъ огромное число такихъ заимствованій. Ueber d. Einfluss des Lucrez auf die Dichter der Augusteischen Zeitalters. Greifswald. 1876. Образцы ихъ есть также и у Martha въ указанной книгѣ, стр. 351.

Старѣйшій списокъ поэмы о природѣ (Archetypus) найденъ во Франціи въ 9-мъ вѣкѣ и сдѣланъ по предположенію Лахмина съ Виргиліанскихъ списковъ 4-го или 5-го вѣка. Всѣ дальнѣйшіе списки могутъ быть отнесены къ тремъ семействамъ, представителями коихъ служатъ: 1) продолговатый лейденскій списокъ, 2) италіанскіе списки флорентинца Поджіо (Poggio) и списокъ Лавретіанской библіотеки, писанный рукою флорентинца Николи Николи и 3) квадратный списокъ (Quadratus) или второй Лейденскій, написанный въ десятомъ столѣтіи повидимому нѣмцемъ. Воспроизведеніе рукописныхъ экземпляровъ поэмы Лукреція вызвало безконечный рядъ ошибокъ и цѣлую литературу комментаріевъ чуть-ли ни къ каждому стиху. Первое печатанное изданіе появилось въ Брешіи въ 1473 году; великолѣпный экземпляръ его имѣется въ Амвросіанской библіотекѣ въ Миланѣ. Первое критическое изданіе съ примѣчаніями, сдѣлано въ Парижѣ 1534 г. Діонисіемъ Ламбиномъ. Изъ научныхъ критическихъ изданій нынѣшняго столѣтія выдѣляется изданіе Forbiger'a Lipsiae 1828. Въ свое время изданіе Форбигера изобилующее массою разсужденій и толкованій считалось лучшимъ. Съ этого изданія сдѣланъ, нѣмецкій переводъ Кнебеля отмѣченный похвалою Гете. Позднѣе однако Карлъ Лахманъ съ ѣдкимъ сарказмомъ указалъ на недостатки своего предшественника и написалъ свой знаменитый трактатъ: In T. Lucretii Cari De rerum natura libros commentarius, четвертое изданіе коего вышло въ Берлинѣ 1882 г. Лахманъ, на основаніи строго научнаго сличенія списковъ, возстановилъ тотъ текстъ, которымъ мы пользуемся въ настоящее время. Самое авторитетное изданіе сдѣлано ученикомъ Лахмана Бернайсомъ. Слѣдуетъ отмѣтить также Кэмбриджское изданіе Мёнро (Munro).

Поэма „De rerum natura“ во всѣ времена имѣла большое просвѣтительное значеніе; еще въ XVIII вѣкѣ на нее ссылались, какъ на научный

источникъ. Нынѣ такое значеніе вполнѣ утрачено. Въ настоящее время некого разубѣждать въ томъ, что громъ есть проявленіе Божьяго гнѣва, а если находятся люди, предполагающіе это, никто не станетъ ихъ просвѣщать путемъ доводовъ древняго атомизма подобно тому, какъ никому не придетъ въ голову устроить изъ Парѳенона желѣзнодорожную станцію, гостиницу, фабрику или другое помѣщеніе, приспособленное для современныхъ потребностей. Но подобно Парѳенону, подобно Гомеровымъ поэмамъ и Праксителеву Гермесу ширококрылая поэзія Лукреція остается однимъ изъ высочайшихъ подвиговъ художественнаго вдохновенія, однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ отжившаго міровоззрѣнія.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о моей попыткѣ впервые перевести сочиненіе Лукреція въ стихотворной формѣ. Приступая къ переводу, мнѣ надлежало предварительно разрѣшить два вопроса. Первый — касался выбора текста. Ознакомившись съ подробнымъ комментаріемъ Лахмана и примѣчаніями Боккенмюлера, я рѣшилъ избрать текстъ Бернайса, пользующійся наибольшимъ довѣріемъ. Но и въ текстѣ Бернайса мнѣ пришлось натолкнуться на затрудненія, непобѣдимыя для моего пониманія, но устранимыя по другимъ текстамъ, а именно: Лахмана 4-ое изданіе, Берлинъ, 1882 г. и Blanchet. Oeuvres comp. d. Lucr. avec la traduction française de Lagrange. Garnier frères (безъ года). Поэтому я рѣшилъ остановиться на сборныхъ текстахъ, причемъ Бернайсовъ текстъ (Teubner, 1886) былъ руководящимъ, а остальные два вспомогательными. Другой вопросъ относился къ самому переводу. Мысль передать стихи Лукреція въ наиболѣе современной формѣ, удовлетворяющей мельчайшимъ требованіямъ современнаго слога и стихосложенія, не мало плѣняла меня Но съ первыхъ же двухсотъ стиховъ я убѣдился, что такой переводъ немыслимъ безъ извѣстнаго искаженія, если не смысла, то духа произведенія. Яркая, но иногда неуклюже выраженная мысль Лукреція теряла первобытную сочность и искренность и становилась блѣдной, маловыразительной. Такой переводъ имѣлъ видъ человѣка, толкующаго серьезнымъ научнымъ языкомъ о дѣтской игрѣ въ лошадки. Тогда я рѣшилъ начать работу сначала и придерживаться строго и точно подлинника, сохраняя въ неприкосновенности смыслъ, обороты, способъ изложенія и по мѣрѣ возможности самую конструкцію и даже порядокъ словъ. Многое тутъ сдѣлано въ ущербъ красотѣ и плавности стиха; я лучше всякаго другого сознаю недочеты чисто литературнаго изложенія, и справедливость упрека

за то, что мнѣ иногда приходится ставить удареніе на предлогахъ, союзахъ и частицахъ отрицанія, напримѣръ:

Свойствомъ мы то называемъ, что бѐзъ разрушенія вещи...

I. 450.

или:

Но также нѐ изъ изогнутыхъ, спутанныхъ между собою...

II. 459.

Главнымъ утѣшеніемъ при такихъ упрекахъ мнѣ будетъ сознаніе, что я приложилъ всѣ силы для передачи мысли Лукреція со всѣми ея тончайшими оттѣнками и намѣреніями.

Въ поэмѣ попадаются стихи, представляющіе плеоназмъ или поставленные не на своемъ мѣстѣ и потому нарушающіе безъ надобности ходъ разсужденія. Такіе стихи включены мною въ скобки, необязательныя для читателя, несогласнаго съ моимъ мнѣніемъ.

Въ моемъ трудѣ мнѣ сопутствовали французскіе переводы: Lagrange (указ. выше), Patin. De la nature. Paris. 1876 и Pongerville. De la nature des choses traduit en vers français, avec un discour preliminaire de la vie de Lucrèce et notes. Paris. Lechevalier 1866; и нѣмецкіе переводы: Knedel. Von der Natur der Dinge. Leipzig. Ph. Reclam, W. Binder. Von der Natur der Dinge. Stuttgart. 1868 и Seydel (Schlierbach) München, 1881. Русскимъ переводомъ Клеванова я менѣе всего пользовался: онъ столь же точенъ, какъ и непонятенъ. Прекрасный стихотворный переводъ второй половины V книги О. Базинера (Вѣстн. Европы 1883. II) и стихотворные отрывки, приводимые въ его статьѣ „Эпикуризмъ и его отношенія къ новѣйшимъ теоріямъ“, послужили мнѣ образцомъ стиля и точности. При переводѣ третьей книги въ широкой мѣрѣ пользовался новѣйшей монографіей: T. Lucr. Carus. De r. n. Drittes Buch erklärt von Richard Heinze. Leipzig. 1897. Vlg. v. Teubner.

Переводчикъ.

О ПРИРОДѢ ВЕЩЕЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Содержаніе.

Воззваніе къ Венерѣ, покровительницѣ Рима, и посвященіе Меммію. Краткое изложеніе теоріи атомовъ или такъ назыв. первичныхъ, основныхъ тѣлецъ. Опроверженіе мнѣнія, будто эта теорія, противурѣчащая отчасти религіи римлянъ, ведетъ къ пороку. Суевѣрія религіи иногда сами способствуютъ преступленію. Жертвоприношеніе Ифигеніи. Препятствіе религіи къ распространенію истинной науки. Главное основоположеніе: Изъ ничего ничего не происходитъ, но все возникаетъ и ростетъ изъ присущихъ каждой вещи зачатковъ (semina rerum). Восемь доказательствъ существованія первичныхъ тѣлъ. Доказательства существованія атомовъ, несмотря на ихъ невидимость (вѣтры, запахи, испареніе влаги, изнашиванье разныхъ предметовъ, ростъ, одряхлѣніе). Другое основоположеніе: Въ мірѣ есть пустота. Доказательства существованія пустоты: доказательство отъ противнаго, проницаемость тѣлъ, удѣльный вѣсъ. Опроверженіе нѣкоторыхъ мнѣній. Все существующее есть или тѣло, или пустота. Третьяго между ними нѣтъ ничего. Опредѣленіе того и другого. О явленіяхъ и свойствахъ вещей. Время. Свойства первичныхъ тѣлъ: плотность, вѣчность, простота, недѣлимость, твердость, постоянство. Малая величина первичныхъ тѣлъ, физическое опредѣленіе безконечно малаго тѣла. Опроверженіе ученій, полагавшихъ въ основѣ міроозданья огонь (Гераклитъ), воду, воздухъ и смѣшеніе стихій (Эмпедоклъ). Опроверженіе теоріи Анаксагора. О безконечности первичныхъ тѣлъ и ихъ вѣчномъ движеньи. О безграничности вселенной. Отсутствіе сознанія въ производящихъ силахъ. Отсутствіе центра во вселенной. Опроверженіе гипотезы объ антиподахъ.

Матерь Энеева племени! радость людей и безсмертныхъ!
Ты, о Венера! благая, что между свѣтилами неба
Свѣтъ проливаешь свой радостный на судоходное море
И плодоносную землю! Всѣ сущія въ мірѣ созданья
Зиждутся только тобою и видятъ лучистое солнце.
Передъ тобой облака разгоняются вѣтромъ богиня!

Гдѣ появляешься ты, тамъ земля вся пестрѣетъ цвѣтами,
Пышнымъ нарядомъ своимъ; улыбается тихое море,
И примиренное небо все блещетъ лучистымъ сіяньемъ.
Какъ только милый свой ликъ открываетъ весна молодая,
И отъ оковъ свобожденный Фавонія духъ оживаетъ,
Въ воздухѣ птицы сперва возвѣщаютъ твое появленье,
Властно объятыя мощью твоею до самаго сердца.
Вслѣдъ же за ними и звѣри бѣгутъ на привольныя пастьбы,
Прыгая черезъ ручьи. И такимъ образомъ твари живыя
Вслѣдъ за тобою идутъ всѣ, куда ты ихъ манишь,
Силою чаръ упоительныхъ и красотою влекомы.
Словомъ повсюду: на морѣ, въ горахъ, въ быстротечныхъ потокахъ,
Въ чащѣ лѣсовъ густолиственныхъ и въ зеленѣющемъ полѣ,
Будишь во всякомъ ты сердцѣ любви сладострастное чувство
Съ тѣмъ, чтобъ оно возродилось въ грядущихъ затѣмъ поколѣньяхъ
Такъ какъ единая ты управляешь природой вещей всѣхъ,
И такъ какъ свѣта ничто на землѣ безъ тебя не увидитъ,
И намъ не мило ничто, и ни въ чемъ безъ тебя нѣтъ отрады,
То объ участьи твоемъ я прошу при созданьи поэмы,
Гдѣ о природѣ вещей говорить я отнынѣ пытаюсь
Нашего Меммія сыну, которому ты, о богиня,
Быть украшеньемъ во всемъ и во всѣ времена повелѣла.
Даруй, богиня, тѣмъ болѣе мнѣ красоты въ выраженьи!
И ниспошли всякимъ подвигамъ дикимъ военнаго дѣла
Тихую дрему во все это время на морѣ и сушѣ!
Ибо одна только ты человѣчеству можешь доставить
Радости мира; тогда какъ дѣлами жестокими брани
Оружевластный Маворъ управляетъ. Къ груди твоей часто
Онъ припадаетъ, сраженный любви вѣковѣчною раной.
Вотъ между тѣмъ какъ стараясь упорство гордыни осилить,
Томно къ тебѣ онъ подъемлетъ любовные, жадные взоры,
Шею склонивъ предъ тобой твоихъ устъ онъ впиваетъ дыханье;
Крѣпче прильни ты къ нему и шепни сладкозвучное слово,
Блага пріятныя мира прося у Мавора для Римлянъ.
Ибо никакъ не могу обсуждать свой предметъ я спокойно,
Зная опасность въ отчизнѣ, а Меммія сынъ благородный

Также не можетъ притомъ отъ общественныхъ дѣлъ уклоняться.
Ухо, однако, ко мнѣ ты склони съ напряженнымъ вниманьемъ,
Бросивъ заботы свои, и правдивому внемли ученью.
Дара того, что изъ преданной дружбы тебѣ предлагаю,
Не отвергай ты, доколѣ его не познаешь подробно,
Такъ какъ съ тобой о богахъ и о неба высокой природѣ
Рѣчь я начну, и открою вещей основное начало,
Коимъ все зиждется, крѣпнетъ, ростетъ и плодится въ природѣ;
Также во что претворяетъ природа всѣ вещи по смерти.
Это начало—*матерія, тѣльца вещей родовыя*,
Какъ позволяю себѣ я назвать то́ въ дальнѣйшемъ ученьи,
Или *зачатки вещей*—подходящее также названье,—
Или же *тѣльца первичныя*, такъ какъ изъ нихъ все возникло.
(Что до природы боговъ, то она въ своемъ самодовлѣньи
Радости вѣчнаго мира и жизни безсмертной вкушаетъ,
Чуждая нашимъ дѣламъ, и отъ насъ удаленная сильно;
Такъ какъ свободна она отъ опасностей всѣхъ и печали,
Собственной силой довольствуясь, въ силахъ людей не нуждаясь,
Не увлекаясь заслугой и вспышекъ не вѣдая гнѣва).

Жизнь человѣка постыдно у всѣхъ на глазахъ пресмыкалась
Здѣсь на землѣ, удрученная бременемъ вѣроученья,
Что изъ владѣній небесныхъ главу простирало и сверху
Взоръ угрожающій свой непрестанно бросало́ на смертныхъ.
Первый изъ смертныхъ, кто взоры поднять къ нему прямо рѣшился,
Родомъ изъ Греціи былъ; онъ ему воспротивился первый.
И ни святыня безсмертныхъ, ни молнья, ни грома раскаты
Съ неба его удержать не могли, но съ тѣмъ большей отвагой
Силы души онъ своей напрягалъ, чтобы ранѣе прочихъ
Крѣпкій замокъ сокрушить у затворенной двери природы.
Такъ животворная сила разсудка стяжала побѣду
И далеко улетѣла изъ граней пылающихъ міра,
И въ безконечность вселенной проникъ онъ разсудкомъ и духомъ.
Побѣдоносно принесъ намъ познанье тотъ грекъ о возможномъ
И невозможномъ въ природѣ, а также о силахъ предѣльныхъ
Въ каждомъ предметѣ, о цѣляхъ конечныхъ, что ставитъ разсудокъ.

Такъ что религіи всѣ сусвѣрья у насъ подъ ногами
Вновь очутились, а мы той побѣдой вознесены къ небу.

Сильно боюсь я, притомъ, чтобы какъ-нибудь ты не подумалъ,
Будто ученья сего нечестивыя свойства къ пороку
Путь указуютъ тебѣ. Между тѣмъ какъ религія эта
Часто сама побуждаетъ къ преступному, грѣшному дѣлу,
Какъ это было въ Авлидѣ. На жертвенникъ Тривіи чистой
Кровь Ифигеніи юной была святотатно пролита
Рати данайской вождями, мужами первѣйшими края.
Какъ только голову дѣва покрыла священной повязкой,
Что по щекамъ ниспадая, лице съ двухъ сторонъ окаймляла,
И увидала отца она, тутъ же стоявшаго въ грусти
У алтаря, и прислужниковъ, скрывшихъ орудіе смерти,
И проливавшихъ при этомъ горячія слезы согражданъ,
Въ страхѣ она онѣмѣла; къ землѣ подогнулись колѣни.
Не послужило несчастной къ спасенью и то̀, что впервые
Именемъ нѣжнымъ отца ею названъ былъ царь Агамемнонъ.
Всю трепетавшую въ мигъ её на руки воины взяли
И на алтарь понесли; но не съ тѣмъ, чтобъ, окончивъ обряды,
Къ свѣтлому богу примкнула она Гименею, но чтобы
Жертвою пала, рукою отца святотатно закланной,
Дѣвственно чистая, въ свѣтлый торжественный день ея брака:
Да ниспошлется удача и счастье въ отплытіи флоту!
Вотъ къ изувѣрству какому религія можетъ понудить.

Ты также, можетъ быть, вслѣдствіе вымысловъ страшныхъ поэтовъ,
Станешь ученье мое избѣгать, какъ всегда то бываетъ.
Въ самомъ же дѣлѣ великое множество можно измыслить
Грезъ и видѣній; которыя, ниспровергая строй жизни,
Смуту внести бы могли въ наше счастье, при помощи страха.
Истинно: еслибы смертные видѣли, что существуетъ
Горестей вѣрный конецъ, то могли бъ они такъ иль иначе
Противустать, какъ религіямъ, такъ и угрозамъ поэтовъ.
Нынѣ же къ этому нѣтъ у нихъ средствъ и прямыхъ основаній,
И вѣковѣчныхъ по смерти мученій всѣ люди страшатся.

Такъ какъ природу души совершенно не вѣдаютъ люди:
Въ чревѣ-ль родится она, иль внѣдряется послѣ рожденья?
Гибнетъ ли наша душа, отдѣлившись отъ тѣла по смерти?
Въ Оркуса мракъ ли нисходитъ, въ пустыхъ ли витаетъ пространствахъ,
Или по волѣ боговъ переходитъ въ различныхъ животныхъ?
Какъ поучаетъ нашъ Энній, который принесъ намъ впервые
Вѣчно зеленый вѣнокъ съ благодатныхъ высотъ Геликона,
Громкою славой почтенный у всѣхъ Италійскихъ народовъ.
Все жъ, хотя Энній въ стихахъ своихъ вѣчно безсмертныхъ толкуетъ
Между всѣмъ прочимъ о томъ, будто есть Ахерузіи пропасть,
Но не тѣла и не души людей въ тѣхъ мѣстахъ пребываютъ,
А лишь поблеклые призраки необычайнаго вида.
Онъ вспоминаетъ, что призракъ цвѣтущаго вѣчно Гомера,
Вставшій оттуда предъ нимъ, проливая соленыя слезы,
Сталъ говорить и природу вещей объяснять ему словомъ.
А потому надлежитъ изучить намъ внимательно вещи
Высшія: то, по какому закону свершаютъ движенье
Солнце и мѣсяцъ, и силой какой управляются вещи
Здѣсь, на землѣ; а затѣмъ мы разсмотримъ внимательнымъ окомъ,
Что изъ себя по природѣ нашъ духъ и душа представляютъ.
Также тѣ вещи, которыя намъ наяву представляясь,
Умъ нашъ пугаютъ во снѣ и въ припадкѣ тяжелой болѣзни,
Такъ что намъ кажется, будто мы явственно видимъ и слышимъ
Мертвыхъ, останки которыхъ давно ужъ пріяты землею.

Я не скрываю въ душѣ:—разсужденія темныя грековъ
Очень мнѣ трудно стихами латинскими выразить точно.
Кромѣ того, въ выраженіяхъ новыхъ сказать я о многомъ
Долженъ, въ виду новизны содержанья и бѣдности рѣчи.
Но твои доблести, Меммій, а также надежда на радость
Сладостной дружбы твоей, все-жъ къ работѣ меня вынуждаютъ,
И заставляютъ меня посвящать ей безсонныя ночи
Въ поискахъ словъ и стиховъ подходящихъ, при помощи коихъ
Мнѣ бъ удалось озарить твою душу познанія свѣтомъ,
Чтобы ты видѣть могъ ясно глубоко сокрытыя вещи.

Нынѣ не стрѣлами дня, не лучами блестящими солнца
Надо разсѣивать ужасы и помраченіе духа,
Но изученіемъ и объясненіемъ вѣрнымъ природы.

Первоначальное правило ставитъ природа такое:
Изъ ничего даже волей боговъ ничего не творится.
Страхъ суевѣрный, однако же, смертныхъ настолько объемлетъ,
Что и въ вещахъ, наблюдаемыхъ здѣсь, на землѣ и на небѣ,
Многое соизволеньемъ боговъ объяснять они склонны,
Главной причины явленій добиться никакъ не умѣя.
Разъ мы увѣрены въ томъ, что ничто создаваться не можетъ
Изъ ничего, то вѣрнѣе поймемъ мы предметъ изученья:
Именно тò, изъ чего могутъ вещи родиться, а также—
Гдѣ, какимъ образомъ зиждется все безъ участья безсмертныхъ.

Если бы изъ ничего созидалось что-либо, то также
Всѣ существа породить бы могли безъ сѣмянъ что угодно:
Люди водились бы въ морѣ, въ землѣ же могли бы родиться
Чешуеносныя рыбы и птицы, а съ неба сбѣжало бъ
Стадо скота, и породы невѣдомой хищные звѣри
Жили бы вмѣстѣ въ пустынныхъ мѣстахъ и краяхъ населенныхъ.
И не всегда однородные были бъ плоды на деревьяхъ,
А въ перемежку плоды всѣ росли бы на деревѣ всякомъ.
Такъ что не будь родовыхъ такихъ тѣлецъ у особи каждой
Въ чемъ состоять бы могло постоянство зачатья въ природѣ?
Нынѣ рожденье существъ отъ зачатковъ извѣстныхъ зависитъ;
Только оттуда они возникаютъ, и жизнь получаютъ
Тамъ лишь, гдѣ есть ихъ матерія, ихъ родовые зачатки.
А потому невозможно, чтобъ все изъ всего возникало,
Такъ какъ извѣстнымъ созданьямъ присущи извѣстныя свойства.

Кромѣ того: отчего созерцаемъ мы розу весною,
Злаки же лѣтомъ, а осенью сладостной лозы,
Какъ не затѣмъ, чтобы всѣ сѣмена собирались во время
Опредѣленное, чтобъ сообразно со временемъ года,
Всѣ раскрывались созданія, и животворная почва

Отпрыски нѣжныя вынести къ свѣту могла безопасно?
Изъ ничего существа нарождались бы сразу, къ любому
Сроку, и безъ соотвѣтствія всякаго времени года.
Такъ какъ въ нихъ не было бъ тѣлецъ первичныхъ, развитіе коихъ
Несоотвѣтственнымъ временемъ года могло бъ задержаться.

Не было бъ, далѣе, нужды во времени, также для роста
Всякихъ зародышей, если бы изъ ничего возникали.
Сразу бъ изъ малыхъ дѣтей существа становились юнцами,
И густолиственный лѣсъ изъ земли выросталъ бы внезапно.
А между тѣмъ ничего не бываетъ подобнаго. Твари
Мало-по-малу растутъ всѣ изъ опредѣленныхъ зачатковъ,
Родъ свой притомъ сохраняя. Поэтому можешь ты видѣть,
Что изъ матеріи собственной все возростаетъ на свѣтѣ.

Также, замѣть, безъ дождей, каждый годъ въ свое время идущихъ,
Почва создать не могла бы плодовъ своихъ многоотрадныхъ,
И не могли бы породы животныхъ, лишенныя пищи,
Ни размножаться, ни долгую жизнь себѣ обезпечить,
(Правда, во многихъ вещахъ ты присутствіе можешь замѣтить
Тѣлъ однородныхъ, какъ въ разныхъ словахъ одинакія буквы,
Но не возможно ничто безъ порядка вещей основного).

Кромѣ того: почему не дала человѣку природа
Крупныхъ размѣровъ такихъ, чтобы могъ онъ шагать черезъ море,
Съ помощью рукъ-же своихъ вырывать высочайшія горы,
Или теченье вѣковъ побѣждать долголѣтіемъ жизни?
Не потому ль, что созданья всѣ опредѣляются только
Свойствомъ извѣстнымъ матеріи той, изъ которой родились?
Должно намъ, значитъ, признать, что ничто народиться не можетъ
Изъ ничего, но зародыши нужны, чтобъ всякая особь
Свѣтъ увидала и *сладостный воздухъ* вкусила съ рожденьемъ.

Мы, наконецъ, отличаемъ всегда отъ воздѣланной почвы
Новь непочатую. Трудъ надъ землею плоды улучшаетъ.
Значитъ, находятся въ почвѣ самой ужъ первичныя тѣльца,

Производительность коихъ мы можемъ усилить, сохою
Тучныя глыбы земли шевеля и поля разрыхляя.
Не существуй такихъ тѣлецъ въ землѣ, то безъ нашихъ стараній
Все бы само-по-себѣ улучшалося въ нашей природѣ.

Надо замѣтить еще: разлагаетъ природа всѣ вещи
На составныя частицы, пропасть же ничто въ ней не можетъ.
Если бъ погибнуть могли составныя частицы всѣ эти,
То существа умирали бъ, внезапно изъ глазъ изчезая,
Ибо не нужно бы было усилій къ тому, чтобъ частицы
Разъединить въ каждой вещи и связь между ними расторгнуть.
Нынѣ, когда составляется все изъ безсмертныхъ зачатковъ,
Не допускаетъ природа, какъ видишь ты, смерти, доколѣ
Сила не явитъ себя, иль ударомъ предметъ разрушая,
Или его разлагая, проникнувъ во внутрь чрезъ пустоты.
Кромѣ того, если бъ время совсѣмъ истребляло въ природѣ
Все то, что старость отъемлетъ, матерію всю поглощая,
Гдѣ-бъ почерпнула Венера, чтобъ новыхъ существъ поколѣнья
Къ жизни призвать? И откуда-бъ сырая земля добывала
Нужное все для кормленья и роста всѣхъ новорожденныхъ?
Чѣмъ пополнялось бы море, ручьи, дальноводныя рѣки?
Какъ и откуда эѳиръ наполнялся бы сонмомъ созвѣздій?
Будь тѣ первичныя тѣльца подвержены смерти, давно бы
Вѣчное время въ прошедшіе дни поглотило природу.
Если жъ и въ прежнее время всегда они существовали,
Изо дня въ день обновляясь и новыя вещи рождая,
То несомнѣнно, что одарены они вѣчной природой.
Вслѣдствіе этого вещи не могутъ въ ничто обратиться.

Если бъ притомъ же матерія вѣчная прочною связью
Въ большемъ иль меньшемъ размѣрѣ частицы свои не скрѣпляла,
То одинаковой силой могли бъ разрушаться всѣ вещи.
Прикосновенье простое тогда причиняло бы гибель.
Тамъ, гдѣ всецѣло кончается область матеріи вѣчной,
Сила любая способна расторгнуть сцѣпленье въ частицахъ.
Нынѣ жъ, когда всѣ сцѣпленья частицъ межъ собою различны,

И неизмѣнны лишь сами частицы матеріи вѣчной,
То пребываютъ онѣ невредимы въ предметахъ, доколѣ
Связь не нарушена ихъ приложеньемъ достаточной силы.
Не пропадаетъ безслѣдно ничто, но въ своемъ разложеньи
Всѣ возвращаются вещи на лоно матеріи вѣчной.

Такъ исчезаютъ дожди, что родитель Эѳиръ съ небосвода
Въ нѣдра сокрытыя матери нашей земли низвергаетъ.
Тучныя жатвы затѣмъ выростаютъ, деревья вѣтвями
Всѣ зеленѣютъ, растутъ, отъ плодовъ изобильныхъ сгибаясь.
Люди и звѣри въ дарахъ тѣхъ земли добываютъ питанье,
И расцвѣтаютъ отъ нихъ города поколѣніемъ юнымъ.
Слышно повсюду въ лѣсахъ густолиственныхъ пѣніе пташекъ;
Стадо скота, отягченное жиромъ, на пастьбищахъ тучныхъ
Отдыхъ вкушая лежитъ, и сочится молочная влага
Изъ переполненныхъ вымёнъ, подростковъ же юное племя,
Въ прихоти дѣтской своей, подъ вліяньемъ молочнаго сока,
Рѣзво играетъ на нѣжной травѣ, неумѣло ступая.
Значитъ не гибнетъ безслѣдно ничто изъ того, что мы видимъ,
Но возраждаетъ природа одно изъ другого. Не можетъ
Вещь народиться одна, пока не погибнетъ другая.

Какъ я сказалъ уже, изъ ничего не рождаются вещи,
Также не могутъ онѣ, народившись, въ ничто обратиться.

Чтобъ къ положеньямъ моимъ ты не началъ питать недовѣрья
Лишь потому, что твой глазъ этихъ тѣлецъ первичныхъ не видитъ,
Я докажу, что бываютъ они несомнѣнно въ предметахъ
Даже тогда, когда глазъ никакой ихъ не можетъ замѣтить.

Вѣтра порывы, во-первыхъ, что волны морскія колеблятъ,
Рушатъ суда величавыя и облака разгоняютъ,
И одновременно бурей стремительно носятся въ полѣ,
Ниспровергаютъ деревья большія, высокія горы
Точатъ дыханьемъ крушительнымъ, будто бы съ шумомъ свирѣпымъ
И устрашающимъ рокотомъ грозное море бушуетъ.

Да, безъ сомнѣнія, вѣтеръ есть тѣло невидное глазу,
Что океаны и землю, и тучи на небѣ сметаетъ,
И увлекаетъ внезапно порывомъ стремительнымъ съ мѣста.
Не по другому закону онъ движется, все разрушая,
Какъ и ручей, что спокойно течетъ, но въ извѣстное время
Въ дикій потокъ превращается и, отъ дождей пополняясь,
Съ горъ ниспадаетъ высокихъ своей многоводною силой,
Лѣса обломки и даже деревья таща за собою.
Такъ что порою не могутъ мосты устоять подъ напоромъ
Водъ быстротечныхъ, когда, отъ дождей помутившись обильныхъ,
Съ силою рвется потокъ разъяренный къ устоямъ могучимъ.
Съ грохотомъ сильнымъ ударъ онъ наноситъ и въ волны кидаетъ
Камни огромные, все по дорогѣ своей сокрушая.

Вотъ также точно должны проноситься вѣтра порывы.
Вѣтеръ, подобно тѣмъ волнамъ потока, обломки предметовъ
Въ разныя стороны мечетъ и сильнымъ напоромъ толкаетъ,
По временамъ унося ихъ съ собою въ вертящемся вихрѣ.
Ясно намъ нынѣ, что вѣтры—тѣла недоступныя взору,
Такъ какъ по дѣйствіямъ явнымъ и свойствамъ подобны потокамъ;
Эти жъ послѣдніе суть, очевидно, тѣла по природѣ.

Далѣе. Запахи мы ощущаемъ отъ разныхъ предметовъ,
Не замѣчая того, чтобъ къ ноздрямъ что-нибудь подступало.
Лѣтняго зноя и холода тоже никакъ мы не можемъ
Зрѣніемъ воспринимать, какъ не можемъ и звуковъ увидѣть.
Все то, однако, являетъ тѣлесное происхожденье,
Такъ какъ имѣетъ способность извѣстныя чувства въ насъ тронуть:
Трогать и тронутымъ быть одному только тѣлу присуще.

Платья, затѣмъ, на морскомъ берегу, разбивающемъ волны,
Влагу пріемлютъ, на солнцѣ же снова они высыхаютъ.
Но какимъ образомъ влага воды въ нихъ проникла, а также
Какъ испарила ту влагу жара,—невозможно увидѣть.
Такъ на мельчайшія части свои распадается влага,
Ихъ же никоимъ мы образомъ глазомъ не можемъ замѣтить.

Такъ же кольцо, что въ теченіе долгихъ годовъ преходящихъ
Носишь на пальцѣ ты, мало-по-малу становится тоньше.
Капель паденье дырявитъ скалу, а сошникъ искривленный
Плуга желѣзнаго тупится въ пашнѣ для глазъ незамѣтно.
Мы замѣчаемъ, что улицы, камнемъ мощенныя, часто
Стерты ногами толпы; что стоятъ у воротъ истуканы
Мѣдные, коихъ десницы съ годами становятся тоньше
Отъ цѣлованія благочестиваго мимо идущихъ.
Что уменьшилось все это, стираясь, для насъ—очевидно.
Но заградила природа отъ взоровъ, какія частицы,
Въ пору какую, отъ этихъ вещей незамѣтно отходятъ.

Видѣть нельзя даже съ помощью самаго остраго зрѣнья
То́, наконецъ, что природа и время къ вещамъ прибавляютъ
Мало-по-малу въ заботѣ о ихъ постепенномъ развитьи
Такъ же, какъ то, что отъемлютъ болѣзнь и преклонныя лѣта.
Ты не увидишь того, что́ изъ камней нависшихъ надъ моремъ
Ѣдкая соль похищаетъ во всякое время, затѣмъ что
Правитъ природа вещами посредствомъ частицъ тѣхъ незримыхъ.

Но не повсюду матерія въ мірѣ является тѣсно
Сплоченной, такъ какъ предметы въ себѣ пустоту заключаютъ.
Это узнать тебѣ будетъ полезно во всѣхъ отношеньяхъ,
Чтобъ отъ сомнѣній не впалъ ты въ ошибку и въ розыскахъ долгихъ
О содержаньи вещей съ недовѣрьемъ ко мнѣ не отнесся.
(Есть, несомнѣнно, въ природѣ пустоты, пустыя пространства).

Не существуй пустота,—невозможно бы было движенье
Всякихъ вещей, потому что тѣламъ постоянно присуще
Возлѣ себя все тѣснить и оказывать сопротивленье;
Не въ состояніи были бъ тѣла и впередъ подвигаться,
Такъ какъ тѣла къ нимъ ближайшія не уступали бы мѣста.
Въ самомъ же дѣлѣ, на морѣ, на сушѣ, на небѣ высокомъ
Явственно мы замѣчаемъ во всѣхъ направленьяхъ движенье
Разнообразное; безъ пустоты же въ природѣ не только
Отнята тотчасъ была бы способность предметовъ къ движенью,

Но и родиться бы даже ничто не могло въ этомъ мірѣ,
И почивала бы всюду матеріи плотная масса.

Далѣе... Вещи, которыя плотными люди считаютъ,
Все же изъ пористыхъ тѣлъ состоятъ, какъ ты видишь.
Такъ сквозь пещеры и скалы подчасъ протекаетъ
Жидкая влага воды и обильно сочится по каплѣ.
Также по тѣлу живущихъ существъ разливается пища.
Садъ зеленѣя ростетъ и плоды наливаетъ во время
Лишь потому, что въ деревьяхъ отъ корней, сокрытыхъ глубоко,
Соки живительно льются вездѣ по стволамъ и по вѣткамъ.
Звукъ проникаетъ сквозь стѣны, въ закрытыя даже жилища
Перелетаетъ, а холодъ до кости пронизывать можетъ.
Безъ пустоты, по которой тѣла бы насквозь проходили,
Не подыскалъ бы ты этимъ явленьямъ другихъ основаній.

Видѣлъ въ вещахъ ты не разъ, что одна тяжелѣй, чѣмъ другая,
При одинаковомъ объемѣ ихъ тѣлъ. Отчего бъ это было?
Если бъ клубокъ шерстяной вещество заключалъ въ себѣ то̀ же,
Какъ и свинцовый комокъ, то и вѣсъ былъ бы равный въ обоихъ.
Но такъ какъ свойственно каждому тѣлу надавливать книзу,
А пустота по природѣ своей пребываетъ безъ вѣса,
То по объему великія вещи, но легкія вѣсомъ
Намъ указанье даютъ, что въ нихъ много пустого пространства.
Наоборотъ же тяжелыя вещи всегда указуютъ,
Что заключаютъ матеріи много, пустотъ же въ нихъ мало.
Да! Такимъ образомъ то̀, въ чемъ мы ищемъ теперь объясненья,
Есть пустота, что является вѣчно въ смѣшеньи съ тѣлами.

Чтобы отъ истины не уклонялся ты въ этихъ вопросахъ
Нужнымъ считаю я выдумки кое-какія оспорить.
Такъ: говорятъ, что лоснящимся рыбамъ вода поддается
И уступаетъ дорогу, которую вновь наполняетъ
Влагою, послѣ того какъ тѣ рыбы оставили мѣсто.
Такъ и другія всѣ вещи могли бъ находиться въ движеньи,
Перемѣняя мѣста, несмотря на матеріи плотность.

На основаніяхъ ложныхъ построено мнѣніе это,
Такъ какъ куда, наконецъ, въ состояньи продвинуться рыбы
Если бъ вода не очистила мѣста? Куда уклоняться
Жидкость могла, если двигаться рыбы совсѣмъ не могли бы?
А потому: или долженъ ты вовсе *движенье отвергнуть*,
Или признать непремѣнно смѣшеніе тѣлъ съ пустотою,
Гдѣ получаютъ всѣ вещи въ природѣ начало движенья.

Далѣе: если два плоскія тѣла, столкнувшись, тотчасъ же
Быстро опять оттолкнутся, то нужно, конечно, чтобъ воздухъ
Снова наполнилъ собою пустое пространство межъ ними,
Воздухъ вокругъ этихъ тѣлъ, даже въ быстромъ своемъ дуновеньи,
Все-таки сразу не можетъ всего преисполнить пространства,
Но, разумѣется, онъ поначалу наполнитъ собою
Мѣсто ближайшее, а ужъ потомъ остальнымъ овладѣетъ.
Тотъ ошибается, кто полагаетъ, что это случилось
При раздвиганіи тѣлъ оттого, что тутъ воздухъ сгустился.
Тутъ пустота появилась, которой тутъ не было прежде,
И преисполнилось мѣсто, что ранѣе стало порожнимъ.
Кромѣ того, этимъ образомъ воздухъ не могъ бы сгуститься,
А если бъ могъ даже, то безъ пустотъ, полагаю, не стиснулъ
Онъ бы себя и своихъ бы частицъ не сплотилъ воедино.
Такъ что, хотя неувѣренъ ты очень въ своихъ изысканьяхъ,
Долженъ, однако, въ вещахъ ты признать пустоту непремѣнно.

Кромѣ того, я бы могъ тебѣ много привесть доказательствъ
Разныхъ другихъ, чтобъ усилить довѣрье къ моимъ положеньямъ,
Но даже эти примѣры твой умъ удовольствуютъ острый.
Такъ на подобье собаки, что часто чутьемъ открываетъ
Дикихъ звѣрей, по горамъ залегающихъ въ заросляхъ темныхъ,
Разъ только ей на прямые слѣды нападать удастся,
Можешь ты тоже все самъ постепенно одно изъ другого
Въ этихъ вопросахъ узнать, проникая при помощи мысли
Въ скрытыя дебри природы и истину тамъ добывая.
Если же ты и ко всѣмъ этимъ доводамъ медлишь склониться,
То безъ большого труда я бы могъ обѣщать тебѣ, Меммій,

Въ сладкихъ рѣчахъ, исходящихъ отъ сердца, разлиться широко,
Мощнымъ подобно потокамъ, текущимъ изъ главныхъ истоковъ.
И я боюсь, какъ бы въ члены мои не закралась змѣею
Дряхлая старость и смерть узы жизни во мнѣ не порвали,
Прежде чѣмъ я изложить предъ тобою стихами успѣю
Тьму убѣдительныхъ доводовъ въ каждомъ вопросѣ отдѣльно.
Я продолжаю, однако, свое изложеніе дальше.

Сущность природы слагается въ цѣломъ своемъ изъ двоякихъ
Разныхъ началъ, то-есть изъ пустоты и изъ тѣлъ, и при этомъ
Всякое тѣло лежитъ въ пустотѣ и способно къ движенью.

Что существуютъ тѣла, говоритъ намъ обычное чувство.
Еслибъ его показаньямъ мы вѣры придать не желали,
То въ изысканьяхъ о разныхъ вещахъ мы разсудкомъ
Часто опоры найти бъ не могли въ подтвержденье сужденья.

То́ же, что есть пустота, установлено соображеньемъ.
Еслибъ пространства и мѣста, что мы пустотой называемъ,
Не было вовсе, то негдѣ бы было тѣламъ помѣщаться.
Также тѣла не могли бъ проходить въ направленіяхъ разныхъ:
Это тебѣ уже раньше отчасти доказано было.

Нѣтъ такой вещи въ природѣ, о коей сказать мы могли бы,
Что она, тѣломъ не будучи, всѣмъ съ пустотою различна,
И что она составляетъ какое-то третье начало.
Каждый предметъ, существующій въ мірѣ, каковъ бы онъ ни былъ,
Долженъ во чтобы ни стало, быть малъ, иль великъ по размѣру.
Разъ осязать его можно, то будь онъ хоть малъ и ничтоженъ,
Все же къ тѣламъ онъ причтется, началамъ ихъ слѣдуя вѣчнымъ.
То́ же, чего осязать невозможно, и что не способно
Сопротивляться движенью вещей, чрезъ него проходящихъ,
Есть то пространство порожнее, что мы зовемъ пустотою.

Въ мірѣ мы видимъ всегда или то́, что воздѣйствовать можетъ
И поддается само же воздѣйствію тѣлъ разнородныхъ;

Или же то́, что́ лишь служитъ вмѣстилищемъ всѣхъ этихъ дѣйствій.
Дѣйствовать и подъ воздѣйствіемъ быть въ состояньи лишь тѣло.
Быть-же вмѣстилищемъ тѣлъ можетъ только пустое пространство.
Вслѣдствіе этого межъ пустотой и тѣлами въ природѣ
Третьяго первоначала какого-нибудь не бываетъ.
Такъ что бываетъ лишь тѣло доступное нашему чувству,
И пустота, коей сущность мы можемъ постигнуть разсудкомъ.

Все, что встрѣчается въ мірѣ, какъ видишь ты, есть или свойство
Двухъ сихъ началъ основныхъ, или есть только ихъ проявленье.
Свойствомъ мы то́ называемъ, что безъ разрушенія вещи
Отнятымъ быть у нея и само отдѣлиться не можетъ.
Въ камняхъ, примѣрно, ихъ вѣсъ; теплота у огня; у напитка—
Влажность; у тѣлъ—осязаемость ихъ; у пустого пространства
Неосязаемость. Рабство, напротивъ, свобода, богатство,
Бѣдность, война, примиренье и прочія вещи такія—
Есть ли онѣ или нѣтъ ихъ—природу совсѣмъ не мѣняютъ.
Всѣ эти вещи явленьями правильно мы называемъ.

Время же не существуетъ само по себѣ, но въ предметахъ
Мы его чувствуемъ всѣ, когда въ прошломъ случилось что-либо,
Нынѣ ли что происходитъ, иль въ будущемъ слѣдовать будетъ.
И никого еще не было кто бы разсматривалъ время
Внѣ его связи съ движеніемъ тѣлъ и ихъ сладкимъ покоемъ.
Такъ что когда говорятъ объ увозѣ младой Тиндариды
Или о сломленномъ войнами родѣ троянцевъ, то должно
Твердо запомнить, что рѣчь тутъ идетъ не о чемъ нибудь сущемъ,
И поколѣнья, при коихъ событія эти свершались,
Невозвратимо унесены рядомъ вѣковъ предыдущихъ.
И такимъ образомъ дѣйствія всѣ, совершенныя въ прошломъ,
Могутъ быть названы лишь проявленьемъ вещей и пространства.

Далѣе: если бъ матеріи не было вовсе въ предметахъ
Или же мѣста того и пространства, гдѣ все происходитъ,
То никогда бы и пламень любви къ красотѣ Тиндариды,
Что загорѣлся въ груди молодой Александра фригійца,

Славныхъ не вызвалъ дѣяній на поприщѣ брани жестокой.
И никогда также конь деревянный, издѣліе грековъ,
Тайно въ ночной тишинѣ не зажегъ бы Троянскія стогна.
Можешь ты ясно понять, что дѣла, совершенныя въ прошломъ,
Не заключаютъ въ себѣ бытія, какъ тѣла всѣ въ природѣ,
И съ пустотой у нихъ общаго мы ничего не замѣтимъ.
Но на прямомъ основаньи ихъ можно назвать проявленьемъ
Тѣлъ и пустого пространства, въ которомъ всѣ вещи творятся.

Дальше: матерія частью является въ видѣ первичныхъ
Тѣлецъ, а частью собраніе тѣлецъ такихъ представляетъ.
Тѣльца первичныя тѣ никакою не могутъ быть силой
Укоснены; но они своей плотностью все побѣждаютъ.

Очень возможно, не мало людей затруднится повѣрить,
Что существуютъ тѣла съ безусловною плотностью въ мірѣ:
Вѣдь проникаетъ же молнія съ неба чрезъ стѣны жилища,
Такъ же какъ звуки и шумъ; а огонь раскаляетъ желѣзо.
Скалы и тѣ разсыпаются даже отъ сильнаго жара.
Твердое золото отъ нагрѣванья становится жидкимъ;
Плотная мѣдь, точно ледъ, расплавляется дѣйствіемъ жара;
Сквозь серебро теплота и пронзительный холодъ проходятъ.
Обыкновенно мы чувствуемъ это лишь только рукою
Къ чашѣ коснемся серебрянной полной холодной водою.
Такъ что намъ кажется будто-бы нѣтъ вполнѣ плотнаго тѣла.
А между тѣмъ, какъ того и природа и здравый разсудокъ
Требуютъ,—я доказать здѣсь въ немногихъ стихахъ постараюсь,
Что существуютъ тѣла изъ матеріи плотной и вѣчной:
Именно: тѣльца первичныя или зачатки предметовъ,
Тó изъ чего состоитъ существо сотвореннаго міра.

Прежде всего укажу я, что сущность въ обоихъ началахъ
Скрыта различная. Мы замѣчаемъ большое несходство
Между природою тѣлъ и пространствомъ, вмѣщающимъ вещи.
То и другое начало должно быть въ несмѣшанномъ видѣ,

Ибо въ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ничего, въ пустотѣ по-иному,
Тѣлъ никакихъ не бываетъ. Съ другой стороны, гдѣ есть тѣло,
Тамъ пустоты никакой не бываетъ. Поэтому, значитъ,
Плотны первичныя тѣльца всѣ и пустоты не содержатъ.

Кромѣ того еще: если въ рожденныхъ вещахъ пустота есть,
То вкругъ нея и матерія плотная также должна быть.
И допустить невозможно бы было при здравомъ разсудкѣ,
Чтобы скрывалась въ вещахъ пустота, внутри ихъ пребывая,
И чтобы тò, чѣмъ она окружается, не было плотнымъ.
То, что внутри всѣхъ вещей пустоту замыкать въ состояньи,
Можетъ ли быть чѣмъ инымъ, какъ сплоченьемъ матеріи тѣснымъ?
Значитъ, матерія вся, состоя изъ такихъ плотныхъ тѣлецъ,
Вѣчной должна быть, а прочее все подлежитъ разложенью.

Если бъ пустого пространства на свѣтѣ не существовало,
Все бъ было плотнымъ, а если бъ матеріи не было вовсе
Непроницаемой, что все объемлетъ и все наполняетъ,
Все бы пространство одну пустоту представляло собою.
Такъ различаются между собою тѣла и пространство,
Но на первичныхъ тѣлахъ лишь видна эта разница, такъ какъ
Нѣтъ ничего кромѣ нихъ, что являлось бы плотнымъ всецѣло,
И невозможно безъ нихъ безусловно пустое пространство.

Силою внѣшней первичныхъ сихъ тѣлъ раздѣлить невозможно,
Какъ невозможно раскрыть изнутри, въ глубину проникая.
И размягчить ихъ нельзя никакими судьбами, какъ было
Мною тебѣ ужь доказано вкратцѣ въ стихахъ предыдущихъ.
Безъ пустоты никакія тѣла не способны столкнуться,
Ни разрушаться, ни надвое даже дѣлиться сѣченьемъ.
Тѣльца первичныя влаги совсѣмъ не пріемлютъ, и холодъ
Не проникаетъ сквозь нихъ, и огонь ихъ разрушить не можетъ.
Въ общемъ, чѣмъ болѣе вещи въ себѣ пустоты заключаютъ,
Тѣмъ онѣ болѣе склонны бываютъ всегда къ разрушенью.
А такъ какъ плотны первичныя тѣльца, какъ сказано выше,
И пустоты не содержатъ, то вѣчны они несомнѣнно.

Далѣе, если бъ матерія не была вѣчной, давно бы
Весь существующій міръ совершенно въ ничто обратился,
И изъ ничтожества снова родилось бы все, что мы видимъ.
Но, какъ ужъ раньше сказалъ я тебѣ, ничего не родится
Изъ ничего, и обратно не можетъ въ ничто обратиться.
А потому несомнѣнно безсмертны первичныя тѣльца,
Въ кои по смерти своей разложиться должно все на свѣтѣ,
Чтобы въ грядущемъ матерію новымъ созданьямъ доставить.
Значитъ, первичныя тѣльца въ виду простоты своей плотны,
Иначе какъ бы они сохраняли свою долговѣчность,
И отъ временъ незапамятныхъ міру несли возрожденье?

Далѣе надо замѣтить, что если бы наша природа
Не положила предѣловъ дѣлимости тѣлъ, то зачатки
Были бъ къ такому ничтожеству сведены прежнимъ дробленьемъ,
Что ужь къ извѣстной порѣ ни одно изъ существъ нарожденныхъ
Зрѣлаго возраста не въ состояніи было бъ достигнуть.
Мы наблюдаемъ, что вещи скорѣе разрушиться могутъ,
Чѣмъ народиться опять; оттого тѣ предметы, что въ годы
Давнопрошедшіе и въ продолженье вѣковъ многолѣтнихъ
Были раздроблены, сокрушены и распались на части,
Возстановиться опять не могли бы въ позднѣйшее время.
Нынѣ мы знаемъ уже, что предѣлы дѣлимости тѣла
Прочно поставлены, все потому возраждается въ мірѣ.
Возрастъ извѣстный при этомъ назначенъ для каждой породы,
Чтобы цвѣтущей поры своей жизни она достигала.

Долженъ добавить я: какъ бы матерія разныхъ составовъ
Ни была сплочена, все же способна она размягчаться
И, подвергаясь вліянію силы какой-нибудь, можетъ
Стать чѣмъ угодно намъ: воздухомъ, паромъ, водой и землею.
Наоборотъ, если бъ мягкими были первичныя тѣльца,
То не постигли бъ мы, какъ изъ нихъ твердый кремень и металлы
Произойти бы могли? И природа во всѣхъ отношеньяхъ
Всѣхъ основаній своихъ лишена бы была совершенно.
Сильны зачатки первичные плотностью и простотою.

И чѣмъ тѣснѣй они сплочены, тѣмъ они крѣпче способны
Сдерживать все и притомъ обнаружить могучія силы.

Если, допустимъ, предѣлъ раздробленія тѣлъ не поставленъ,
Все жъ несомнѣнно, что кое-какія тѣла сохранились
Отъ стародавнихъ временъ и донынѣ еще существуютъ,
Превозмогая опасности всякія и разрушенье.
Но такъ какъ хрупкой природою одарены всѣ предметы,
То непонятно намъ было бы, какъ всѣмъ тѣламъ этимъ древнимъ
Жизнь сохранить удалось подъ ударами стольких столѣтій?

Вслѣдствіе этого точный предѣлъ установленъ для жизни
И для развитья, присущаго каждой породѣ созданій.
И по законамъ природы всегда установлено точно
Все, что возможно и что невозможно для каждой породы
Безъ измѣненія. Даже напротивъ, съ такимъ постоянствомъ
Все проявляется здѣсь, что у птицъ одного и того же семейства
Мы замѣчаемъ на тѣлѣ всегда одинакія пятна.
А потому вещество неизмѣнное быть должно въ тѣлѣ
Каждой породы. Когда бы первичныя тѣльца въ природѣ
Были бы склонны мѣняться какъ-либо подъ разнымъ вліяньемъ,
То никогда мы не знали бы, что породить они могутъ
Или не могутъ, какія границы поставлены силѣ
Разныхъ существъ, и какія предъ ними конечныя цѣли.
И въ поколѣньяхъ родящихся не повторялись бы вѣчно
Склонности, нравы, движенья, привычки и свойства породы.

Въ каждомъ предметѣ бываетъ послѣдняя, крайняя точка;
Точка, которая неуловима для нашего чувства
И, несомнѣнно, частей составныхъ никакихъ не содержитъ.
Это—найменьшее тѣло въ природѣ. Отдѣльно отъ прочихъ
Не существуетъ оно и значенья оно не имѣетъ,
Такъ какъ само существуетъ, какъ часть лишь другого предмета.
Первая и въ то же время послѣдняя. Части такія
Сходныя между собою по роду тѣснятся другъ къ дружкѣ,
Чтобы, сплотясь воедино, наполнить природу вещами.

И такъ какъ сами онѣ по себѣ не имѣютъ значенья,
То бытіе обезпечить стремятся взаимнымъ сцѣпленьемъ.
Но не въ виду только встрѣчи взаимной такъ сплочены тѣльца,
Болѣе въ силу тѣхъ свойствъ, что присущи тѣламъ найпростѣйшимъ.
Ихъ уменьшать и урѣзывать не допускаетъ природа,
Оберегая всегда ихъ въ себѣ какъ зачатки предметовъ.
Къ этому: если бы не было въ мірѣ найменьшаго тѣла,
Тѣло мельчайшее изъ безконечныхъ частей состояло бъ,
И безъ конца пополамъ бы дѣлилися въ немъ половины.
Мы бы не видѣли разницы между мельчайшею вещью
И величайшей. Подобно тому, какъ и въ цѣлой вселенной,
Вещи въ числѣ безконечны, такъ каждое малое тѣло
Равнымъ бы образомъ изъ безконечныхъ частей состояло.
Такъ какъ противно разсудку тó здравому, и невозможно
Этому вѣрить, то я съ убѣжденіемъ высказать долженъ:
Что существуютъ тѣла недѣлимыя вовсе на части
И по природѣ найменьшія. Если мы ихъ допускаемъ,
То признавать въ нихъ должны неминуемо плотность и вѣчность.

Далѣе. Если бъ природа творящая не разлагала
Все то, что создано ею, на части мельчайшія эти,
То изъ погибшихъ вещей ужь создать ничего не могла бы,
Такъ какъ въ тѣлахъ, состоящихъ изъ многихъ частей, не бываетъ
Необходимыхъ условій матеріи производящей,
Какъ-то: сцѣпленья различныя, вѣсъ, столкновенья, удары,
Также движеніе, черезъ которое все возникаетъ.

Вслѣдствіе этого, думаю, тѣ, что огонь почитали
Производящей матеріей, и изъ огня выводили
Весь существующій міръ, далеки чрезвычайно отъ правды.
Мужъ Гераклитъ поучалъ такъ, первѣйшій застрѣльщикъ сраженья,
Славный туманностью рѣчи скорѣй средь людей недалекихъ,
Чѣмъ среди вдумчивыхъ грековъ, ретивыхъ искателей правды.
Глупые люди всегда почитаютъ и любятъ не мало
Всякіе обиняки, что скрываются между словами,
Правдой лишь то признавая, что слухъ имъ пріятно ласкаетъ,

И что прикрашено блескомъ рѣчей и красивыхъ созвучій.
Но, я спрошу, почему столь различными могутъ быть вещи,
Если и подлинно всѣ онѣ въ пламени чистомъ возникли?
Мы ничего не получимъ: сгустимъ ли огонь мы горячій,
Или его разрѣдимъ, если части огня по природѣ
Однообразны и сходны съ огнемъ вообще въ его цѣломъ.
Черезъ сближенье частицъ увеличимъ мы пламя,
И мы ослабимъ его, когда эти частицы разсѣемъ;
Но ничего не случится другого отъ этой причины,
Въ томъ будь увѣренъ ты; и никогда столь различныя вещи
Отъ разрѣженья огня и сгущенья его не возникли бъ.

Кромѣ того, допуская еще пустоту у предметовъ,
Можно огонь уплотнить и его разрѣдить, какъ угодно.
Но тѣ ученые доводовъ много противныхъ приводятъ
И не хотятъ признавать, что въ вещахъ пустота существуетъ.
Такъ, изъ боязни запутаться, путь они вѣрный теряютъ,
Не понимаютъ притомъ, что не будь пустоты въ нашемъ мірѣ
Все бы сплотилось и тѣломъ единственнымъ стало изъ многихъ.
Тѣло такое, притомъ, ничего испускать не могло бы,
Какъ, для примѣра, огонь, что и свѣтъ и пары испускаетъ,
Тѣмъ указуя, что онъ составляетъ неплотную массу.
Но допускаютъ они, что какимъ-нибудь образомъ пламя,
Вдругъ уплотнившись, погасло, и тѣмъ свою суть измѣнило.
Если бъ случилося то, какъ упорствуютъ всѣ эти люди,
То, несомнѣнно, огонь бы въ ничтожество впалъ совершенно,
И созидалося все бы тогда изъ ничтожества, такъ какъ
Вещи, мѣняя свой видъ, изъ предѣловъ своихъ выступая,
Перестаютъ быть немедленно тѣмъ, чѣмъ онѣ были раньше;
Все же должно что-нибудь отъ огня нерушимымъ остаться,
Иначе будешь ты видѣть какъ міръ весь въ ничто обратится,
И изъ ничтожества вновь совокупность вещей разовьется.

Нынѣ намъ ясно: тѣла существуютъ на свѣтѣ такія,
Кои всегда неизмѣнной природу свою сохраняютъ,
Но ихъ присутствіе или отсутствіе и измѣненье

Ихъ распорядка, мѣняетъ порою природу предметовъ.
То, что тѣла эти не заключаютъ огня—видитъ каждый.
Если бъ природа вселенной въ себѣ лишь огонь заключала,
То прибавляй, убавляй, что угодно, а также
Тѣлецъ порядокъ мѣняй,—ничего получиться не можетъ:
То, что огнемъ рождено, то огнемъ и должно оставаться.

Вотъ мое вѣрное мнѣнье. Тѣла существуютъ такія,
Коихъ стеченье, порядокъ, движенье, фигуры и формы
Вызвать способны огонь. Измѣняя свое положенье,
Также природу мѣняютъ они. Но съ огнемъ у нихъ сходства
Нѣтъ, какъ и съ тѣми вещами, отъ отъ коихъ могли бы частицы
Къ нашему чувству нестись, чтобъ задѣть его прикосновеньемъ.

Да! говорить что весь міръ есть огонь, утверждать съ Гераклитомъ,
Будто бы всякая вещь не считается истинной вещью,
Если она не огонь, нахожу я весьма сумасброднымъ.
Борется съ чувствомъ философъ тотъ и противъ доводовъ чувства,
Ниспровергая все то, отъ чего достовѣрность зависитъ,
И черезъ что онъ же самъ получилъ объ огнѣ представленье.
Онъ признаетъ, что познать можно съ точностью чувствомъ лишь пламя,
Все отрицая другое, будь даже оно очевидно.
Мнѣнье такое считаю я вздорнымъ и прямо безумнымъ.
Гдѣ жъ мы найдемъ достовѣрность? И что есть надежнѣе чувства,
Съ помощью коего правду всегда мы отъ лжи отличаемъ?

Но почему предпочтительнѣй все отрицать безъ разбора,
Только огню одному придавая значенье въ природѣ,
Чѣмъ отрицать въ ней огонь, признавая лишь все остальное?
То и другое, могу я сказать, одинаково глупо.

А потому, кто матеріей міра огонь почитаетъ
И полагаетъ, что сущее все изъ огня сотворилось,
Равно и тѣ, кои воздухъ началомъ творенья считаютъ,
Или по мнѣнію коихъ вода своей собственной силой
Образовала всѣ вещи, и кто, наконецъ, утверждаетъ,

Что создала все земля, претворившись въ природу вещей всѣхъ,—
Всѣ удаляются очень отъ истины, я полагаю.
Также и тѣ, кои предполагаютъ двойное начало:
Воздухъ, примѣрно, съ водой сочетаютъ, а воду съ землею;
Что, наконецъ, изъ стихій четырехъ этихъ міръ образуетъ:
То есть изъ пламени, влаги, земли и воздушныхъ теченій.

Между послѣдними сталъ во главѣ Эмпедоклъ Агригентскій.
Выростилъ островъ его на своихъ берегахъ треугольныхъ,
Влагой Іонійскаго моря омытыхъ въ широкихъ заливахъ,
Тамъ гдѣ лазурныя волны холодную тину кидаютъ,
Тамъ, гдѣ, чрезъ узкій проливъ протекая стремительно, море
Берегъ Сициліи отъ Италійской страны отдѣляетъ.
Здѣсь, на просторѣ Харибда лежитъ. Здѣсь и Этна вѣщаетъ
Рокотомъ грознымъ своимъ о пылающемъ скопищѣ гнѣва,
Что изъ расщелинъ открытыхъ потоки огня извергаетъ,
И небосводу огонь молньеносный назадъ возвращаетъ.
Эта страна удивленіе вызвала разныхъ народовъ
Вслѣдствіе многихъ причинъ, и достойна она обозрѣнья,
Многими благами славясь и силой оружія гражданъ.
Но изо всѣхъ этихъ благъ, какъ мнѣ кажется, самымъ прекраснымъ
Самымъ святымъ, драгоцѣннымъ, вниманья достойнымъ былъ мужъ тотъ,
Такъ какъ въ божественномъ сердцѣ его зарожденныя пѣсни
Громко звучатъ до сихъ поръ, излагая такія открытья,
Что мы едва человѣкомъ его признаемъ по рожденью.
Онъ, какъ и много другихъ, упомянутыхъ раньше ученыхъ,
Ниже стоящихъ его и сравнительно болѣе мелкихъ,
Хоть измыслили многое по вдохновенію свыше,
Изъ глубины сокровенной сердецъ изрекли свое мнѣнье.
Все-жъ оно праведнѣй и достовѣрнѣй во всѣхъ отношеньяхъ
Пиѳіи, что на треножникѣ въ Фебовыхъ рощахъ вѣщаетъ.
Да, потерпѣли крушенье они въ объясненьи природы,
Но въ величавомъ паденьи великими все жъ остаются.

Прежде всего, исключивъ изъ вещей пустоту, какъ движенье
Установляютъ они? Чѣмъ они объясняютъ неплотность

Разныхъ вещей, пустоту отвергая, какъ примѣсь въ составѣ
Воздуха, пламени, солнца, земли и плодовъ, и животныхъ?

Далѣе, также конечныхъ предѣловъ въ дѣлимости тѣла
Не допускаютъ они и не ставятъ границы дробленью.
Тѣла наименьшаго также въ вещахъ признавать не желаютъ.
Между тѣмъ видимъ мы въ каждомъ предметѣ предѣльную точку,
Что нашей мысли даетъ себя знать, какъ наименьшее тѣло.
Ты убѣдиться въ томъ можешь, что крайняя точка предметовъ,
Неуловимая глазу, и есть ихъ наименьшее тѣло.

Кромѣ того, всѣ первичныя тѣльца вещей, по ихъ мнѣнью,
Мягки, а значитъ являютъ позднѣйшее происхожденье,
И состоятъ изъ матеріи хрупкой, подверженной смерти.
А потому обратиться въ ничто вся природа должна бы,
И сотворенный въ ничтожествѣ міръ разростался бы снова.
То и другое, какъ ты понимаешь, далеко отъ правды.

Тѣльца такія враждуютъ притомъ межъ собою и служатъ
Ядомъ другъ другу. Сошедшись они бы погибли отъ тренья,
Или бы врозь разметались подобно тому, какъ при бурѣ
Молніи, вѣтры и дождь разлетаются, какъ мы то видимъ.

Если рождается все изъ стихій четырехъ и, напротивъ,
Если всѣ вещи по смерти туда возвращаются снова,
То почему же стихіи началомъ вещей всѣхъ зовутся,
А не зовутся всѣ вещи началомъ, родившимъ стихіи?
Тутъ вѣдь одно изъ другого рождалось бы, видъ и окраску,
Какъ вообще всю природу, мѣняя свою постоянно?

Можетъ-быть, думаешь ты, что сплотился въ единомъ составѣ
Воздухъ небесный съ землею, съ огнемъ и росистою влагой,
Не измѣняя при этомъ ни въ чемъ своихъ свойствъ прирожденныхъ?
Но изъ такого состава создать ничего ты не можешь:
Ни оживленныхъ существъ, ни безжизненныхъ тѣлъ, ни деревьевъ.
Даже и въ соединеньяхъ различныхъ стихіи покажутъ

Каждая свойства свои. Такъ что воздухъ, съ землею смѣшавшись,
Тотчасъ себя обнаружитъ, и жаръ сохранится во влагѣ.
Всѣмъ же первичнымъ началамъ въ рожденныхъ созданіяхъ должно
Скрыто природу свою проявлять незамѣтнымъ вліяньемъ,
Во избѣжанье препятствій къ тому, чтобы эти созданья
Всѣ народиться могли бы въ присущихъ имъ собственныхъ свойствахъ.

Ищутъ тѣ люди начала на небѣ въ огняхъ его свѣтлыхъ,
Мысль проводя, что впервые огонь превратился въ теченье
Воздуха, этотъ послѣдній дожди накопилъ, изъ дождей же
Образовалась земля. Изъ земли создалася, напротивъ,
Съизнова влага, изъ влаги же воздухъ, изъ воздуха—пламя.
Такъ производится будто бы смѣна веществъ, нисходящихъ
Съ неба на землю и вновь восходящихъ къ свѣтиламъ небеснымъ;
Но не бываетъ того съ основною матеріей міра.
Кое-что вѣчно должно неизмѣннымъ остаться въ природѣ,
Чтобы въ ничтожество впасть не могли сотворенныя вещи.
Такъ какъ всѣ вещи, мѣняясь, предѣлы свои преступая,
Перестаютъ быть немедленно тѣмъ, чѣмъ онѣ были прежде.
А потому тѣ стихіи, о коихъ недавно сказалъ я,
Будучи склонны мѣняться, должны непремѣнно создаться
Изъ чего-либо иного, что вовсе мѣняться не можетъ;
Иначе до основанья весь міръ твой въ ничто превратится.
А потому согласись ты скорѣе, что нѣкія тѣльца
Свойствомъ такимъ снабжены. Если пламя они образуютъ,
То также могутъ они создавать дуновеніе вѣтровъ,
Кое-чего понемногу прибавивъ къ себѣ иль отбросивъ
И измѣнивъ положенье свое и порядокъ движенья.
Такъ однѣ вещи посредствомъ другихъ измѣняются вѣчно.

Ты возразишь: указуетъ всегда очевидность, что въ область
Воздуха всѣ существа изъ земли выростаютъ; къ тому же,
Если погода не благопріятствуетъ въ нужное время,
Если отъ грозъ и дождей проливныхъ не колеблются рощи,
Если и солнце не явитъ себя, теплоту разливая,—
То выростать ни плоды, ни деревья, ни звѣри не могутъ.

Истинно: если бы твердая пища и сладкій напитокъ
Не подкрѣпляли насъ, наши тѣла ужъ давно бы распались,
И отлетѣла бы жизнь вся изъ нашихъ суставовъ и членовъ.
Но подкрѣпляемся мы безъ сомнѣнья и въ пищу пріемлемъ
Вещи однѣ, а созданья другія пріемлютъ иное.
Такъ какъ въ составѣ различныхъ вещей заключается много
Тѣлецъ первичныхъ, присущихъ и прочимъ вещамъ, то, конечно,
Необходимо, чтобъ вещи однѣ подкрѣплялись другими.
Много значенья имѣетъ и то, съ чѣмъ первичныя тѣльца
Связаны, и положенье какое они занимаютъ;
Также и то, какимъ образомъ въ нихъ происходитъ движенье;
Такъ какъ изъ той же матеріи созданы небо и солнце,
Море и суша, и рѣки и лѣсъ, и живыя всѣ твари,
Только различный составъ и движенье они заключаютъ.
Множество буквъ одинакихъ ты въ пѣсняхъ моихъ замѣчаешь,
Все же стихи и слова межъ собой совершенно не схожи
И отличаются сутью своей и оттѣнками звуковъ.
Азбука выразитъ многое перестановкой одною,
Но еще многообразнѣе тѣлъ родовыхъ сочетанья,
Чтобы оттуда могли возникать разнородныя вещи.

Взглянемъ теперь мы на гомойомерію Анаксагора,
Какъ называется это ученье у грековъ,—родное
Наше нарѣчье названіемъ точнымъ его не снабдило.
Все-таки суть міроваго порядка, что носитъ названье
Гомойомеріи, очень легко мы изложимъ словами.
Кость, учитъ Анаксагоръ, составляется изъ наймельчайшихъ
Косточекъ; равнымъ же образомъ мясо изъ мелкихъ частичекъ
Мяса слагается; также и кровь, что течетъ у насъ въ жилахъ,
Образовалась изъ множества слившихся капелекъ крови.
Воздухъ такимъ же путемъ составляютъ мельчайшія крошки
Воздуха, и изъ мельчайшихъ частицъ земляныхъ создалася
Наша земля, какъ изъ пламени—пламя, а влага изъ влаги,
Прочее, думаетъ онъ, образуется тѣмъ же порядкомъ.
Но отрицаетъ онъ, что пустота существуетъ въ предметахъ,
Такъ же какъ-то, что дробленіе тѣла имѣетъ границы.

Кажется мнѣ, потому онъ впадаетъ въ двойную ошибку,
Какъ и мыслители тѣ, о которыхъ мной сказано выше.

Кромѣ того, у него слишкомъ хрупки первичныя тѣльца.
Если они одинакія свойства содержатъ съ вещами,
Кои отъ нихъ происходятъ и дѣйствія ихъ одинаки,
И погибаютъ они, и ничто не мѣшаетъ имъ гибнуть,
Что же тогда бы отъ нихъ сохранилось при натискѣ сильномъ?
Что избѣжало бъ въ нихъ гибели между зубами у смерти?
Воздухъ, вода иль огонь? или кости и кровь? иль иное?
Нѣтъ! мнѣ сдается—ничто; и тотъ міръ, что изъ сходныхъ съ нимъ тѣлецъ
Созданъ, подверженъ всегда будетъ смерти безъ всякихъ сомнѣній,
И на глазахъ нашихъ дѣйствіемъ силъ какихъ-либо погибнетъ.
Но не возможно, чтобъ вещи въ ничто обратились, а также
Чтобъ создались онѣ изъ ничего, какъ доказано выше.

Кромѣ того, такъ какъ пища раститъ и питаетъ намъ тѣло,
Слѣдуетъ намъ согласиться, что кровь наша, кости и жилы,
Словомъ—все тѣло включаетъ въ себѣ чужеродныя части.
Если допустимъ, что вся наша пища есть сборное тѣло
И заключаетъ въ себѣ въ уменьшенномъ значительно видѣ
Кости и нервы и жилы и части запекшейся крови,
То мы признаемъ, что также питьё, какъ и твердая пища,
Видимо изъ чужеродныхъ слагаются разныхъ частичекъ,
Т. е. смѣшенія косточекъ, жилъ и запекшейся крови.

Далѣе. Разнаго рода тѣла изъ земли вырастаютъ.
Если ужъ въ самой землѣ обрѣтается все то, что ею
Создано, то и земля состоитъ изъ частей чужеродныхъ.
Въ тѣхъ же словахъ приложу я примѣръ свой къ предмету другому.
Если скрывается въ деревѣ пламя съ золою и дымомъ,
То состоитъ само дерево это изъ тѣлъ чужеродныхъ.
Также и почва, питая тѣла и плодя ихъ, должна вся
Изъ чужеродныхъ вещей, возникающихъ въ ней составляться.

Здѣсь остается еще одно тонкое средство защиты,

Анаксагоромъ пріятое. Онъ говоритъ, что къ вещамъ всѣмъ
Скрыто, невидимо всѣ безъ изъятья примѣшаны вещи,
Но выступаетъ наружу лишь то, чего вмѣшано больше,
Или же то, что виднѣе, и что на поверхность всплываетъ.
Мнѣнье такое, однако, далеко отъ вѣрнаго взгляда.
Въ этакомъ случаѣ злаки, которые жерновъ тяжелый
Крошитъ на мелкія части, нерѣдко бъ на немъ оставляли
Признаки крови и прочаго, что наше тѣло питаетъ,
И потекли бъ капли крови при треніи камня о камень.
Равнымъ же образомъ разныя травы должны бъ были часто
Каплями сладостный сокъ выпускать, одинакій по вкусу
Съ тѣмъ молокомъ, что изъ выменъ овцы шерстоносной сочится.
Въ глыбахъ разрытой земли можно было бы часто замѣтить
Виды различные травъ и плоды, и зеленыя вѣтви.
А, наконецъ, и въ расколотомъ деревѣ мы бъ увидали
Множество огненныхъ блестокъ, таящихся въ пеплѣ и дымѣ.
Но, очевидно, подобнаго произойти не могло бы.
Слѣдуетъ знать, что такого смѣшенья вещей не бываетъ,
Но что должны находиться въ различныхъ предметахъ зачатки
Общіе многимъ предметамъ въ смѣшеніи многообразномъ.

Но на горахъ, возразишь ты, высокихъ бываетъ порою,
Что отъ взаимнаго тренья верхушекъ двухъ смежныхъ деревьевъ,
Силой могучею южнаго вѣтра сведенныхъ, нежданно
Яркій огонь, охвативши ихъ оба, блеститъ и сверкаетъ.
Это бываетъ. Но въ деревѣ все же не кроется пламя.
Пламени въ немъ лишь зачатки таятся, которые треньемъ
Соединяются вмѣстѣ, лѣсамъ причиняя пожары.
Если бъ готовое пламя таилось въ лѣсахъ постоянно,
Вѣрь, ни въ какое бы время оно не могло укрываться,
Но охватило бы все и сожгло бы сады и дубравы.

Чтобъ въ вышесказанномъ ты убѣдился, я вотъ что прибавлю:
Много имѣетъ значенія то, какъ первичныя тѣльца
Соединяются и въ положеньи какомъ пребываютъ,
Также какое движенье другъ другу даютъ и пріемлютъ.

Такъ что, чуть-чуть измѣнивъ сочетанья, они образуютъ
Пламя изъ дерева, это и въ самыхъ словахъ мы замѣтимъ.
Звуками мы отличаемъ понятія Ligna отъ Ignes,
Въ буквахъ почти одинакихъ слегка измѣнивши порядокъ.

Если же ты относительно разныхъ вещей очевидныхъ
Думаешь, что возникать онѣ могутъ подъ тѣмъ лишь условіемъ,
Чтобъ обладали зачатки ихъ сходною съ ними природой,
То отъ тебя ускользаетъ понятіе тѣлецъ первичныхъ.
Тѣльца такія могли бъ хохотать, сотрясаясь отъ смѣха,
И увлажняли бъ соленыя слезы глаза ихъ и щеки.

Но ободрись! и точнѣе узнай, что осталось сказать мнѣ.
Не обольщаюсь я: многое темнымъ еще остается,
Но ожиданье похвалъ поселяетъ мнѣ въ сердце охоту,
И въ то же время въ груди поощряетъ любовь мою къ музамъ,
Съ помощью коихъ я, острымъ чутьемъ и умомъ подкрѣпленный,
Темныя дебри въ поляхъ Піэридъ исхожу, гдѣ дотолѣ
Не былъ никто. Я источниковъ дѣвственныхъ первый достигну;
Первый оттуда черпну и нарву я цвѣтовъ себѣ новыхъ,
Чтобы стяжать для своей головы тотъ вѣнокъ знаменитый,
Коимъ еще до меня никого не украсили музы.
Прежде всего потому, что о важныхъ вещахъ я толкую,
Души людей отъ оковъ религіозныхъ стараясь избавить.
Ясныя пѣсни свои я слагаю, затѣмъ, о предметахъ
Тьмою объятыхъ и музъ обаянье на міръ изливаю.
Это послѣднее, кажется, не лишено основанья.
Я поступаю, какъ врачъ. Когда горькій полынь онъ ребятамъ
Маленькимъ дать пожелаетъ, сперва по краямъ свою чашу
Сладкою влагой янтарнаго меда немного онъ мажетъ,
Чтобъ услажденіемъ губъ ихъ неопытный дѣтскій разсудокъ
Ввесть въ заблужденіе. Такъ безъ труда поглощается ими
Горькая жидкость полыни; и этотъ обманъ не вредитъ имъ,
Наоборотъ—еще болѣе возстановляетъ здоровье.
Такъ же и я поступаю. Мое разсужденье для многихъ
Непосвященныхъ покажется скучнымъ; толпа отвернется

Вся отъ него, и я задался цѣлью ученіе это
Въ сладкихъ и звучныхъ стихахъ Піэридъ изложить предъ тобою,
И, такъ сказать, его сдобрить поэзіи сладостнымъ медомъ,
Чтобъ хотя этимъ путемъ удалось мнѣ стихами своими
Твой испытующій умъ направлять, пока ты не узнаешь,
Что̀ составляетъ природу вещей въ проявленіяхъ внѣшнихъ.

Какъ я сказалъ уже раньше, матеріи плотныя тѣльца
Въ вѣчномъ движеньи находятся, непобѣдимы годами.
Нынѣ посмотримъ мы, есть ли предѣлы числу этихъ тѣлецъ
Или же нѣтъ, существуетъ ли то, что зовутъ пустотою,
То-есть пространство и мѣсто, въ которомъ всѣ зиждутся вещи.
Взглянемъ—же, заключено ль оно въ цѣломъ въ предѣльныя грани,
Иль безконечно оно въ необъятную глубь распростерлось?

Не существуетъ границъ ни съ одной стороны во вселенной,
Такъ какъ въ противномъ и внѣ ея нѣчто должно находиться.
Нѣчто стоящимъ внѣ вещи никакъ мы не можемъ представить,
Если въ ней нѣтъ ничего, что ея означаетъ границы,
Дальше которыхъ она недоступна природному чувству.
Но допустить внѣ вселенной нельзя бытія никакого.
А потому нѣтъ границъ у нея, ни конца, ни размѣровъ.
Все равно въ странахъ какихъ бы тебѣ на пришлось находиться
Даль одинакая будетъ во всѣхъ направленіяхъ, такъ какъ
Всюду вселенная передъ тобой безконечно простерта.

Далѣе, если мы даже допустимъ границы пространства
И предположимъ, что нѣкто, успѣшно достигнувъ
Края предѣльнаго, выстрѣлилъ тамъ бы снарядомъ летучимъ,
То полетѣлъ-ли бы этотъ снарядъ по тому направленью,
Кое дается ему приложеніемъ силы извѣстной,
Или же что-нибудь тамъ на пути бы ему помѣшало?
Съ тѣмъ иль съ другимъ согласиться ты долженъ во чтобъ то ни стало.
То и другое тебѣ доставляетъ рѣшенье, которымъ
Ты убѣждаешься, что безгранично пространство вселенной.
Такъ какъ понятно, что пущенъ снарядъ не у самаго края,

Ни при томъ случаѣ, еслибъ летѣть ему что-то мѣшало,
Ни-же тогда, если-бъ онъ въ самомъ дѣлѣ унесся въ пространство.
Такъ вотъ тебя я преслѣдовать буду: въ какое бы мѣсто
Выстрѣла ты не направилъ, спрошу я: что стало съ снарядомъ?
Значитъ, въ предѣлахъ конечныхъ пространство замкнуться не можетъ,
И отъ летящаго вѣчно вселенная цѣль удаляетъ.

Если бъ къ тому же пространство вселенной во всемъ ея цѣломъ
Замкнуто было кругомъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ лежало,
И находился конецъ въ немъ, давно бъ вся матерія міра,
Собственной тяжестью книзу влекома, слилась въ преисподней,
И ни одно существо не росло бы подъ сводами неба.
Не было бъ самаго неба,— и солнца лучи не свѣтили бъ,
Такъ какъ въ комокъ бы свернувшись матерія косно лежала
И оставалась бы такъ отъ временъ безконечныхъ на вѣки.
Нынѣ-же, знаемъ мы, косности въ первоначальныхъ зачаткахъ
Нѣтъ никогда и нигдѣ, какъ и нѣтъ вовсе дна, гдѣ могли бы
Эти зачатки стекаться и тамъ пребывать безъ движенья.
Всѣ нарождаютя вещи всегда въ безпрестанномъ движеньи.
Всюду во всей необъятной вселенной онѣ почерпаютъ
Изъ безконечности быстрыя тѣльца матеріи вѣчной.

Видимъ же мы наконецъ, какъ одна вещь граничитъ съ другою:
Воздухъ вершинами горъ ограниченъ, а воздухомъ—горы;
Море—граница земли, у земли же кончается море.
Но ничего нѣтъ такого, что міръ ограничить могло бы,
И таковая природа присуща пространству и мѣсту.
Пусть бы рѣка величавая, вдаль устремившая воды,
Вѣчно струи бы катила свои въ безконечномъ пространствѣ,
Все жъ она не была бъ ближе къ концу, чѣмъ была при истокѣ.
Такъ далеко простирается всюду по всѣмъ направленьямъ
Сонмище неисчислимыхъ вещей безъ конца и предѣловъ.

Строго природа блюдетъ, чтобы все мірозданье предѣловъ
Ставить себѣ не могло, между тѣмъ какъ тѣла пустотою
Принуждены ограждаться всегда, пустота же—тѣлами,

И такимъ образомъ все къ безконечности сводится въ мірѣ.
Еслибъ одно для другого границею не было точной
Въ силу природы самой, и лежало бы все безъ предѣловъ,
То ни морей, ни земли, ни простора небесъ лучезарныхъ,
Также ни рода людей ни священнаго тѣла безсмертныхъ
Существовать не могло бы и самое краткое время.
Множество тѣлъ, отложившись отъ массы матеріи общей,
Вѣчно бъ носилось тогда, въ пустотѣ растворяясь громадной.
И никогда бы они не сплотили какой-нибудь вещи,
Такъ какъ сдержать ихъ при томъ безпорядкѣ ничто не могло бы.

Истинно: тѣльца первичныя всѣ при своихъ сочетаньяхъ
Твердымъ порядкомъ и яснымъ сознаньемъ не руководились,
И не условились раньше, какое кому дать движенье.
Многообразно мѣняясь во всемъ безконечномъ пространствѣ,
Пробуя всякія роды движенія и сочетаній,
Силой ударовъ, толчковъ непрестанно они потрясались,
И, наконецъ, оказалися въ тѣхъ положеньяхъ, въ которыхъ
Вся совокупность вещей сотворенныхъ находится нынѣ.
Разъ сообразное между тѣлами движенье явилось,
То они долгіе, многіе годы его сохраняютъ;
И оттого происходитъ, что рѣками жадное море
Воды питаетъ свои, и что солнцемъ согрѣтая почва
Новые родитъ плоды, процвѣтаютъ породы животныхъ,
И въ небесахъ по эѳиру блуждая сіяютъ свѣтила.
Но это все не случилось ни коимъ бы образомъ, если бъ
Масса матеріи изъ безконечности не возникала,
Гдѣ постоянно погибшее все возраждается къ жизни.
Такъ же какъ жизнь угасаетъ животныхъ съ утратою тѣла,
Пищи лишеннаго, долженъ погибнуть весь міръ несомнѣнно,
Если матерія вѣчная, съ правильной сбившись дороги,
Вдругъ перестанетъ природу снабжать родовыми тѣлами.

Также и внѣшнимъ вліяньемъ толчковъ сохранить невозможно
Всю совокупность вещей, какъ она по началу сложилась.
Правда, толчки, повторяясь, могли бъ сохранить ихъ отчасти

До появленія новыхъ веществъ, чтобъ утрату пополнить.
Но такъ какъ эти толчки отражаться должны непремѣнно,
Предоставляя зачаткамъ первичнымъ пространство и время,
Чтобъ уноситься свободно долой, оторвавшись отъ массы,
То, значитъ, нужно, чтобъ множество тѣлъ обновлялося вѣчно.
Даже вліянье указанныхъ внѣшнихъ толчковъ допуская,
Здѣсь проявиться должна безконечной матеріи сила.

Въ этихъ вещахъ ты всегда избѣгай заблужденія, Меммій,
Будто бы къ точкѣ срединной вселенная вся тяготѣетъ,
А потому безо всякихъ воздѣйствій, извнѣ исходящихъ,
Существовать бы могла, и ничто въ ней ни кверху, ни книзу
Не отлагается, такъ какъ тѣснится тутъ все къ серединѣ.
Не довѣряй, чтобы вещи держалися сами собою;
Чтобы тяжелая масса камней, подъ землею лежащихъ,
Вверхъ поднималася вдругъ и потомъ опускалась обратно,
Напоминая намъ то, что мы въ во́лнахъ всегда замѣчаемъ.

Равнымъ же образомъ намъ говорятъ, что живыя созданья
Прямо подъ нами живутъ, но съ земли имъ упасть невозможно
Въ области нижнія неба, подобно тому какъ не можемъ
Собственной силою мы подниматься ко сводамъ небеснымъ;
Будто бы видятъ созданья тѣ солнце, когда у насъ звѣзды;
Будто бы ихъ время года всегда чередуется съ нашимъ,
И одновременно съ нашими днями ихъ ночи бываютъ.
Людямъ пустымъ внушено это все заблужденіемъ вздорнымъ,
Такъ какъ ужъ съ первыхъ шаговъ ихъ понятія были превратны.
Гдѣ безконечно пространство и мѣсто, что-либо не можетъ
Быть въ серединѣ; и еслибъ была середина, то въ ней бы
Все помѣщаться не больше могло, по той самой причинѣ,
Нежели въ мѣстѣ любомъ, далеко отъ нея отстоящемъ,
Такъ какъ пространство и мѣсто, что̀ мы пустотой называемъ,
Будь серединой она или нѣтъ—уступать въ равной мѣрѣ
Тяжестямъ всякимъ должно, и движеніе въ немъ происходитъ.
Въ мірѣ нѣтъ мѣста такого, достигнувъ котораго, вещи,
Тяжесть утративъ свою, въ пустотѣ находиться могли бы.

И оттого, что всему пустота уступаетъ дорогу,
По своимъ свойствамъ она ничего поддержать не способна.
И такимъ образомъ держатся вещи въ извѣстномъ порядкѣ
Не потому, что стремленье одно ихъ влечетъ къ рединѣ.

Предполагаютъ, затѣмъ, что не всякому тѣлу присуще
Къ этой срединѣ тянуться, а землямъ, къ примѣру, и водамъ,
Волнамъ морскимъ и потокамъ, что съ горъ ниспадаютъ высокихъ,
Словомъ тому, что какъ будто земныя тѣла заключаетъ.
Воздухъ прозрачный, согласно такому ученью, напротивъ,
Какъ и палящій огонь, уклоняются отъ середины.
Такъ: теплота, отъ средины стремясь, свое пламя скопляетъ
И оттого вокругъ звѣздъ трепетанье эѳира бываетъ,
И среди неба лазурнаго солнце сбираетъ огонь свой.
Но не такимъ-ли путемъ отъ земли всѣ питаются твари?
Вверхъ не могли бы рости у деревьевъ зеленыя вѣтви,
Если бъ земля понемногу питанія имъ не давала.

Сверху, по этому мнѣнью, все сущее небомъ покрыто,
Чтобъ по летучему свойству огня за предѣлы вселенной
Не улетѣли свѣтила, въ пространствѣ пустомъ исчезая,
И цѣлый міръ увлекая во слѣдъ за собою туда же;
И чтобъ не рушились изъ-за небесъ громоносныя выси,
Чтобы внезапно земля изъ-подъ ногъ не исчезла, и міръ весь,
Перемѣшавши обломки небесъ и земли въ безпорядкѣ
И разложившись на части, не впалъ въ пустоту преисподней,
Такъ что со временемъ здѣсь ничего не осталось бы больше,
Кромѣ пустыни пространства и темныхъ зачатковъ природы.
Да, въ какой части ни стали бъ слабѣть родовые зачатки,
Часть эта станетъ немедленно дверью открытою смерти,
Черезъ которую выйдетъ матерія вся безъ остатка.

Все тутъ одно изъ другого становится яснымъ, и если
Понялъ меня ты, труды приложивъ небольшіе, съ дороги
Ночь не собьетъ тебя больше, и узришь ты тайны природы.
Такъ одна вещь постоянно должна освѣщаться другою.

КНИГА ВТОРАЯ.

Содержаніе.

Выгоды мудрости и мудрой жизни. Тщета честолюбія и человѣческихъ заботъ. Движеніе первичныхъ тѣлецъ. Двоякое происхожденіе движенія: 1) отъ собственной тяжести и 2) отъ толчковъ. Образованіе твердыхъ тѣлъ, воздуха, огня путемъ движенія зачатковъ. Движеніе тѣлецъ въ своемъ первичномъ несвязанномъ видѣ, наблюдаемое въ лучахъ солнца. Быстрая подвижность тѣлецъ. Сравненіе съ быстротою свѣта. Движеніе тѣлъ внизъ подъ вліяніемъ тяжести. Незамѣтныя отклоненія отъ прямого пути и связь свободной воли съ такими отклоненіями у живыхъ существъ. Неизмѣняемость состава матеріи и порядка движенія. Доказательство движенія, несмотря на его невидимость. Стадо и войско, видимыя издалека. О различныхъ формахъ первичныхъ тѣлецъ. Количество формъ ограничено, но различіе между вещами безконечно. Нѣтъ особей, вполнѣ похожихъ одна на другую. Доказательства. Различіе тѣлецъ по величинѣ и по формѣ. Примѣры. Гладкія, круглыя формы производятъ пріятныя ощущенія, крючковатыя же и цѣпкія— непріятное. Доказательства. Вкусъ. Слухъ. Обоняніе. Зрѣніе. Осязаніе. Разная плотность вещей, объясняемая формой первичныхъ тѣлецъ. (Минералы, жидкость). Острыя тѣльца огня. Смѣшанный составъ тѣлецъ. Примѣръ: морская вода и ея опрѣсненіе. Формы первичныхъ тѣлецъ ограничены (доказательство), но количество зачатковъ *каждой формы* безконечно (*доказательство*). Вѣчное смѣшеніе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для жизни движеній. Каждая вещь состоитъ изъ смѣси зачатковъ, и чѣмъ болѣе въ ней свойствъ, тѣмъ разнообразнѣе зачатки. Примѣръ—земля. Земля по представленію поэтовъ. Культъ Кибеллы. Боги, какъ олицетвореніе разныхъ силъ природы. Другіе примѣры разнородности тѣлецъ въ вещахъ: (стада, огонь, жертвы, стихи). Не всѣ тѣльца могутъ сочетаться; оттого не бываетъ чудовищъ. Первичныя тѣльца безцвѣтны (доказательство). Цвѣта вещей происходятъ отъ формъ и соединенія зачатковъ. Примѣры. Зачатки недоступны дѣйствію холода и жара и не имѣютъ запаха, вкуса, гибкости, пустоты и друг. качествъ вещей. Зачатки живыхъ существъ лишены чувства. Доказательство. Кромѣ нашего міра, существуетъ безконечное число такихъ же міровъ, такъ какъ ничто одинокимъ не бываетъ. Все должно родиться, рости, старѣть и умирать. Земля находится на закатѣ своего существованія и мало-по-малу утрачиваетъ свою производительность.

Сладко, когда на поверхности моря, взволнованной вѣтромъ,
Съ берега ты наблюдаешь большую опасность другого;

Не потому, что чужая бѣда тебя радуетъ сильно,
А потому, что пріятно себя внѣ опасности видѣть.
Также пріятно смотрѣть на могучіе подвиги брани,
Стоя внѣ поля сраженья, на мѣстѣ вполнѣ безопасномъ.
Но ничего нѣтъ милѣе, какъ жить въ хорошо защищенныхъ,
Свѣтлыхъ чертогахъ, воздвигнутыхъ славнымъ ученіемъ мудрыхъ.
Можешь оттуда людей созерцать ты и ихъ заблужденья,
Видѣть, какъ ищутъ они въ колебаньяхъ путей себѣ въ жизни,
Какъ о способностяхъ спорятъ они и о знатномъ рожденьи,
Ночи и дни напролетъ проводя за трудомъ непрестаннымъ,
Чтобы достигнуть богатства большого и власти высокой.

Жалкія души людей! О, сердца ослѣпленныя смертныхъ!
Въ сколькихъ опасностяхъ жизни, въ какихъ непроглядныхъ потемкахъ
Тянется краткій вашъ вѣкъ! Неужели для васъ непонятно,
Что ничего для природы не нужно иного, какъ только
Сладостнымъ чувствомъ души наслаждаться спокойно, изъ тѣла
Всякую боль устранивъ и откинувъ весь страхъ и заботы?
Мы наблюдаемъ, что нашему тѣлу по самой природѣ
Нужно немногое, чтобъ изъ него удалить всѣ страданья
И вмѣстѣ съ тѣмъ ему много доставить такихъ наслажденій,
Слаще которыхъ не требуетъ даже оно отъ природы.
Если въ дворцѣ твоемъ нѣтъ золотыхъ изваяній, что въ видѣ
Отроковъ юныхъ лучистые факелы держатъ въ десницахъ,
Пусть освѣщаются пиршества ночью свѣтилами неба.
Если твой домъ серебромъ не сверкаетъ и златомъ не блещетъ,
И въ его сводахъ разубранныхъ не раздаются киѳары,
Все же ты можешь, на мягкой, зеленой муравѣ простершись,
На берегу ручейка, подъ вѣтвями тѣнистыхъ деревьевъ,
И безъ малѣйшихъ хлопотъ усладительный отдыхъ дать тѣлу;
А особливо когда улыбнется весна, и цвѣтами
Всюду она окропитъ изобильно зеленыя травы.
Жаръ лихорадки спадетъ не скорѣй въ твоемъ тѣлѣ, когда ты
На разукрашенныхъ тканяхъ лежишь иль на пурпурѣ красномъ,
Чѣмъ когда долженъ покоиться ты на простомъ одѣялѣ.

Вслѣдствіе этого нашему бренному тѣлу здоровья
Не принесутъ ни богатство, ни слава, ни знатность рожденья.
Все это—лишнее, и для души не полезно нисколько.
Если тебѣ не подвластны въ строю боевомъ легіоны,
Въ пламенномъ рвеніи вызвать готовые зрѣлище битвы,
Или нѣтъ флота, снующаго по морю съ жаждой сразиться,
То отъ души твоей съ робостью всѣ отлетятъ суевѣрья,
Страхъ приносящія ей, и боязнь передъ смертью оставитъ
Сердце свободнымъ въ тебѣ и лишеннымъ заботъ всевозможныхъ.
Всѣ эти вещи намъ кажутся шуткой и дѣтской забавой.

Вправду, боязнь человѣка и многія всюду заботы,
Не устрашаются звукомъ оружья и стрѣлъ не боятся.
Между царями онѣ и владыками мощными міра
Смѣло вращаются и не питаютъ почтенья ни къ блеску
Золота, ни къ красотѣ ослѣпительной пурпурныхъ тканей.
Можешь-ли ты сомнѣваться, что только по бѣдности мысли
Большею частью во тьмѣ совершается жизнь человѣка?

Такъ какъ подобно дѣтямъ, что дрожатъ и вещей всѣхъ боятся
Въ мракѣ ночномъ, и мы такъ же страшимся иного при свѣтѣ.
А между тѣмъ ничего нѣтъ, чего нужно больше бояться,
Нежели вымысловъ, ночью дѣтей напугать лишь способныхъ.
Нынѣ не стрѣлами дня и не солнца златыми лучами,
А разсмотрѣніемъ тщательнымъ и изученьемъ природы
Необходимо душевный нашъ страхъ и потемки разсѣять.

Нынѣ скажу я какія движенья зачатковъ первичныхъ
Разныя вещи рождаютъ, родивши же вновь разлагаютъ;
Сила какая къ тому ихъ толкаетъ; какая подвижность
Придана имъ, чтобъ они чрезъ пространство могли пробираться.
Все это я изложу; ты жь внимателенъ будь къ моей рѣчи.

Части матеріи между собою не сомкнуты плотно.
Видимъ мы, какъ уменьшаются многія вещи въ объемѣ,
И въ продолженіи долгаго времени, такъ сказать, таютъ,

А, наконецъ, даже вовсе изъ глазъ исчезаютъ подъ старость.
Между тѣмъ вся совокупность вещей остается все той же.

Могутъ тѣла отлагаться отъ вещи и тамъ, гдѣ отходятъ,
Вещь уменьшается, гдѣ же привходятъ,—она возрастаетъ,
Такъ что одно разцвѣтаетъ, другое же старится ими.
Косность вещамъ не присуща, но все обновляется вѣчно.
Смертныя всѣ существа постепенно живутъ чередуясь:
Племя одно возрастаетъ, другое же чахнетъ напротивъ;
И поколѣнья животныхъ смѣняются въ краткое время,
Передавая на быстромъ ходу факелъ жизни другъ другу.

Думая, что прекратить все движеніе могутъ зачатки,
И вслѣдъ затѣмъ возбудить межъ вещами рядъ новыхъ движеній,
Ты уклоняешься очень далеко отъ вѣрнаго взгляда.
Вѣчно въ пространствѣ блуждаютъ они, и должны непремѣнно
Или отъ дѣйствія собственной тяжести прочь относиться,
Или же силой толчка, когда, встрѣтившись въ быстромъ движеньи,
Вдругъ они въ разныя стороны вновь оттолкнутся взаимно.
Не удивительно то, такъ какъ тѣльца первичныя тверды,
Плотны и тяжки и двигаться вспять имъ ничто не мѣшаетъ.

Чтобы ты лучше постигъ, какъ частицы матеріи могутъ
Распространяться повсюду, припомни, что въ цѣлой вселенной
Нѣтъ преисподней, гдѣ эти частицы могли бъ застояться,
И не имѣетъ пространство вселенной конца и размѣровъ.
Всюду оно безгранично открыто по всѣмъ направленьямъ,
Какъ это признано многими на основаніяхъ точныхъ.
Разъ установлено это, конечно первичныя тѣльца
Не обрѣтаютъ покоя нигдѣ въ необъятномъ пространствѣ,
Но пребываютъ всегда въ непрерывномъ различномъ движеньи.
Часть ихъ столкнувшись расходится на разстоянье большое,
Часть отъ толчковъ на короткомъ пространствѣ сцѣпляется вмѣстѣ.
Тѣ изъ первичныхъ зачатковъ, что въ плотномъ составѣ слилися
И не далеко при встрѣчѣ своей оттолкнулись взаимно,
Вслѣдствіе самыхъ фигуръ своихъ спутанныхъ связаны крѣпко.

Эти тѣла образуютъ могучія скалы, желѣзо,
И небольшое количество прочихъ вещей однородныхъ.
Тѣ же, напротивъ, тѣла, что, блуждая въ пространствѣ огромномъ,
Распространяются въ ширь съ быстротою и вдаль отлетаютъ
На разстоянье значительно большее,—намъ доставляютъ
Воздухъ неплотный и яркаго солнца лучи золотые.

Много такого еще въ необъятномъ пространствѣ витаетъ,
Что не вошло ни въ какіе составы вещей и къ тому-же
Не въ состояніи соединиться взаимнымъ движеньемъ.
Какъ образецъ и примѣръ такихъ тѣлъ мнѣ не трудно припомнить
То́, что въ природѣ у насъ на глазахъ происходитъ нерѣдко.
Именно: это всегда наблюдаешь ты въ солнечномъ свѣтѣ,
Что въ твоемъ домѣ лучи свои сквозь темноту пропускаетъ.
Ты замѣчаешь, что множество мелкихъ частицъ разновидныхъ
Вертится тутъ въ пустотѣ межъ лучами дневнаго свѣтила.
Будто бы въ вѣчномъ сраженіи, въ битвахъ и распряхъ жестокихъ,
Вмѣстѣ толпятся онѣ непрерывно и безъ остановки;
Сходятся въ кучу и врозь разлетаются многообразно.
Можешь по этому ты заключить, какъ первичныя тѣльца
Распространяются вѣчно среди пустоты необъятной.
Малыя вещи для болѣе крупныхъ порой доставляютъ
Ясный примѣръ, а порой къ достовѣрности путь указуютъ.
Вслѣдствіе этого умъ привлекаться твой долженъ не мало
Тѣльцами тѣми, которыя можешь въ лучахъ ты замѣтить,
Такъ какъ подобныя скопища правильно обозначаютъ
Существованье въ матеріи скрытыхъ отъ глаза движеній.
Часто ты видишь здѣсь, какъ отъ различныхъ толчковъ непримѣтныхъ
Тѣльца мѣняютъ свой путь, какъ, столкнувшись, назадъ отступаютъ,
И то туда то сюда пролетаютъ по всѣмъ направленьямъ.
Значитъ отъ этой причины сумятица въ нихъ происходитъ.

Движутся сами собою сначала первичныя тѣльца.
Вслѣдствіе многихъ толчковъ незамѣтныхъ приходятъ въ движенье
Тѣльца, которыя малы и сплочены менѣе тѣсно
И какъ бы больше доступны воздѣйствію силъ первобытныхъ.

А, наконецъ, даже вовсе изъ глазъ исчезаютъ подъ старость.
Между тѣмъ вся совокупность вещей остается все той же.

Могутъ тѣла отлагаться отъ вещи и тамъ, гдѣ отходятъ,
Вещь уменьшается, гдѣ же привходятъ,—она возрастаетъ,
Такъ что одно разцвѣтаетъ, другое же старится ими.
Косность вещамъ не присуща, но все обновляется вѣчно.
Смертныя всѣ существа постепенно живутъ чередуясь:
Племя одно возрастаетъ, другое же чахнетъ напротивъ;
И поколѣнья животныхъ смѣняются въ краткое время,
Передавая на быстромъ ходу факелъ жизни другъ другу.

Думая, что прекратить все движеніе могутъ зачатки,
И вслѣдъ затѣмъ возбудить межъ вещами рядъ новыхъ движеній,
Ты уклоняешься очень далеко отъ вѣрнаго взгляда.
Вѣчно въ пространствѣ блуждаютъ они, и должны непремѣнно
Или отъ дѣйствія собственной тяжести прочь относиться,
Или же силой толчка, когда, встрѣтившись въ быстромъ движеньи,
Вдругъ они въ разныя стороны вновь оттолкнутся взаимно.
Не удивительно то, такъ какъ тѣльца первичныя тверды,
Плотны и тяжки и двигаться вспять имъ ничто не мѣшаетъ.

Чтобы ты лучше постигъ, какъ частицы матеріи могутъ
Распространяться повсюду, припомни, что въ цѣлой вселенной
Нѣтъ преисподней, гдѣ эти частицы могли бъ застояться,
И не имѣетъ пространство вселенной конца и размѣровъ.
Всюду оно безгранично открыто по всѣмъ направленьямъ,
Какъ это признано многими на основаніяхъ точныхъ.
Разъ установлено это, конечно первичныя тѣльца
Не обрѣтаютъ покоя нигдѣ въ необъятномъ пространствѣ,
Но пребываютъ всегда въ непрерывномъ различномъ движеньи.
Часть ихъ столкнувшись расходится на разстоянье большое,
Часть отъ толчковъ на короткомъ пространствѣ сцѣпляется вмѣстѣ.
Тѣ изъ первичныхъ зачатковъ, что въ плотномъ составѣ слилися
И не далеко при встрѣчѣ своей оттолкнулись взаимно,
Вслѣдствіе самыхъ фигуръ своихъ спутанныхъ связаны крѣпко.

Эти тѣла образуютъ могучія скалы, желѣзо,
И небольшое количество прочихъ вещей однородныхъ.
Тѣ же, напротивъ, тѣла, что, блуждая въ пространствѣ огромномъ,
Распространяются въ ширь съ быстротою и вдаль отлетаютъ
На разстоянье значительно большее,—намъ доставляютъ
Воздухъ неплотный и яркаго солнца лучи золотые.

Много такого еще въ необъятномъ пространствѣ витаетъ,
Что не вошло ни въ какіе составы вещей и къ тому-же
Не въ состояніи соединиться взаимнымъ движеньемъ.
Какъ образецъ и примѣръ такихъ тѣлъ мнѣ не трудно припомнить
То́, что въ природѣ у насъ на глазахъ происходитъ нерѣдко.
Именно: это всегда наблюдаешь ты въ солнечномъ свѣтѣ,
Что въ твоемъ домѣ лучи свои сквозь темноту пропускаетъ.
Ты замѣчаешь, что множество мелкихъ частицъ разновидныхъ
Вертится тутъ въ пустотѣ межъ лучами дневнаго свѣтила.
Будто бы въ вѣчномъ сраженіи, въ битвахъ и распряхъ жестокихъ,
Вмѣстѣ толпятся онѣ непрерывно и безъ остановки;
Сходятся въ кучу и врозь разлетаются многообразно.
Можешь по этому ты заключить, какъ первичныя тѣльца
Распространяются вѣчно среди пустоты необъятной.
Малыя вещи для болѣе крупныхъ порой доставляютъ
Ясный примѣръ, а порой къ достовѣрности путь указуютъ.
Вслѣдствіе этого умъ привлекаться твой долженъ не мало
Тѣльцами тѣми, которыя можешь въ лучахъ ты замѣтить,
Такъ какъ подобныя скопища правильно обозначаютъ
Существованье въ матеріи скрытыхъ отъ глаза движеній.
Часто ты видишь здѣсь, какъ отъ различныхъ толчковъ непримѣтныхъ
Тѣльца мѣняютъ свой путь, какъ, столкнувшись, назадъ отступаютъ,
И то туда то сюда пролетаютъ по всѣмъ направленьямъ.
Значитъ отъ этой причины сумятица въ нихъ происходитъ.

Движутся сами собою сначала первичныя тѣльца.
Вслѣдствіе многихъ толчковъ незамѣтныхъ приходятъ въ движенье
Тѣльца, которыя малы и сплочены менѣе тѣсно
И какъ бы больше доступны воздѣйствію силъ первобытныхъ.

Дальше, затѣмъ, возбуждаются тѣльца немного крупнѣе;
И такимъ образомъ все возрастаетъ движенье, доколѣ
Нашему чувству отчасти не дастъ себѣ знать въ томъ блужданьи
Маленькихъ тѣлецъ, которое можемъ въ лучахъ мы увидѣть,
Но отъ какихъ происходитъ толчковъ это,—намъ незамѣтно.

Нынѣ узнать тебѣ надобно, Меммій, какая подвижность
Придана этимъ частицамъ матеріи первоначальнымъ.
Утромъ, какъ только Аврора разсѣетъ лучи надъ землею,
И разновидныя птицы по чащамъ лѣснымъ запорхаютъ,
Пѣснями звонкими воздухъ прозрачный вездѣ оглашая,
Мы убѣждаемся, что очевидной для каждаго станетъ
Та быстрота, съ какой солнце въ обычную пору восхода
Міръ весь объемлетъ, лучей своихъ свѣтъ проливая на землю.
Но теплота, что идетъ къ намъ отъ солнца и свѣтъ его ясный
Не чрезъ пустое пространство проходятъ и тише несутся
Къ намъ, такъ какъ съ воздухомъ будто съ волнами бороться имъ нужно.

Кромѣ того не отдѣльно частицы тепла проникаютъ,
Но межъ собою сомкнутыя въ шарообразныя формы.
Вслѣдствіе этого сильно стѣсняютъ другъ дружку, а также
Вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій въ пути задержаться имъ нужно.
Между тѣмъ тѣльца первичныя, кои суть плотны и просты,
Чрезъ пустоту проникая, преградъ никакихъ не встрѣчаютъ
Внѣшнихъ, и такъ какъ они состоятъ изъ одной только части,
То какъ единое цѣлое, тронувшись съ мѣста, несутся.
Такъ что гораздо быстрѣй они солнца лучей пробѣгаютъ
И несомнѣнно своею подвижностью ихъ превосходятъ.
Множество разъ пробѣгаютъ зачатки въ такое-же время
То разстоянье, что солнца лучи только разъ пробѣгаютъ.
Для совѣщаній совмѣстныхъ не медлятъ въ движеньи зачатки,
И не изслѣдуютъ каждый въ отдѣльности всѣхъ обстоятельствъ,
Чтобы постигнуть какая причина все зиждетъ въ природѣ.

Но возражаютъ иные невѣжды по этимъ вопросамъ,
Будто природа сама безъ участья боговъ неспособна

Приспособиться настолько ко всѣмъ человѣческимъ цѣлямъ:
Установлять время года, плоды создавать на деревьяхъ,
И создавать также то, къ чему всѣхъ заставляетъ стремиться
Страсти божественной сила, наставница главная жизни,—
Чтобы отъ ласки Венеры созданья плодились во вѣки,
Чтобъ не погибъ человѣческій родъ, для котораго будто
Боги все создали въ мірѣ. При мнѣньи такомъ, очевидно,
Очень далеко отброшены люди отъ вѣрной дороги.
Такъ какъ, хотя бъ неизвѣстны мнѣ были первичныя тѣльца,
Я бы посмѣлъ утверждать по строенію самаго неба,
И заключать изъ большаго количества прочихъ явленій,
Что не для насъ была призвана къ жизни божественной силой
Міра природа, въ которой погрѣшностей столько найдется.
Все это, Меммій, въ дальнѣйшемъ ученьи тебѣ объясню я;
Нынѣ жь дополню я то, что осталось сказать о движеньи.
Я нахожу здѣсь умѣстнымъ тебѣ доказать между прочимъ,
Что изъ вещей ни одна своей собственной силой не можетъ
Вверхъ вознестись своимъ тѣломъ и тамъ на верху удержаться.
Пусть же при этомъ тебя не введетъ въ заблужденіе пламя.
Правда, оно поднимается и разростается кверху;
Щеголевато растутъ также кверху деревья и злаки,
Но это все въ силу собственной тяжести клонится книзу.
Такъ что когда къ самой крышѣ домовъ пробирается пламя,
И съ быстротою огонь пожираетъ стропила и бревна,
Мнишь ли, что то̀ самовольно творится безъ силы сторонней?
Или, какъ только изъ нашего тѣла мы кровь выпускаемъ,
Брыжжетъ она высоко и струитъ свои теплые соки.
Равно какъ видишь ты съ силой какой корабли и полѣнья
Вонъ выпираетъ вода. Чѣмъ мы болѣе ихъ погружаемъ,
Съ силой огромной и крайнимъ трудомъ подавляя ихъ книзу,
Тѣмъ настоятельнѣй вверхъ выпираетъ вода ихъ обратно,
И еще больше они выдаются, наружу всплывая.
Но тѣмъ не менѣе, въ сущности, я не питаю сомнѣнья,
Что тяготѣютъ всѣ вещи въ пространствѣ пустомъ прямо книзу.
И такимъ образомъ пламя, хотя и бываетъ способно
Вверхъ подниматься на воздухъ отъ силы сторонней, а все же

Внизъ оно склонно, тянуться поскольку въ немъ дѣйствуетъ тяжесть,
Также и факелы ночи *), что въ небѣ летаютъ высоко;
Развѣ не видишь ты огненный слѣдъ, оставляемый ими
Въ томъ направленьи, куда ихъ природа идти заставляетъ?
Или не видишь ты звѣздъ и свѣтилъ упадающихъ на земь?
Солнце съ высотъ небосвода свою теплоту разливаетъ
Всюду, по всѣмъ направленьямъ и свѣтъ на поля разсѣваетъ;
Значитъ и солнечный жаръ внизъ на землю склоняется также.
Ты замѣчаешь, какъ пересѣкаются молніей тучи.
По облакамъ то туда, то сюда огоньки пробѣгаютъ,
Обыкновенно же падаетъ пламени сила на землю.

Надобно знать тебѣ также и то въ настоящемъ предметѣ,
Что, когда тѣльца первичныя внизъ въ пустоту упадаютъ
Вслѣдствіе собственной тяжести, то въ неизвѣстное время
И въ неизвѣстныхъ мѣстахъ отклоняются чуть чуть съ дороги,
Столь незамѣтно̀, что можно едва это звать отклоненьемъ.
Если бъ первичныя тѣльца, какъ капли дождя прямо книзу
Безъ отклоненія падали вмѣстѣ въ пустое пространство,
То не встрѣчались они бъ никогда и толчки не возникли-бъ,
И ничего ужь природа тогда создавать не могла бы.

Если кто думаетъ, будто тѣла тяжелѣйшія вѣсомъ
Прямо въ пространствѣ пустомъ, проносясь съ быстротою великой,
Падаютъ сверху на болѣе легкія и производятъ
Этимъ толчки, что способны творящія вызвать движенья, —
То уклоняется очень далёко отъ вѣрной дороги.
Всякое тѣло, что падаетъ внизъ черезъ воду и воздухъ
Собственной тяжестью это паденье всегда ускоряетъ.
Жидкой воды вещество, какъ и воздухъ весьма легковѣсный
Въ равномъ размѣрѣ паденіе тѣлъ всѣхъ замедлить не могутъ,
А уступаютъ скорѣе дорогу тѣламъ съ бо̀льшимъ вѣсомъ.
Но пустота никакому предмету, нигдѣ, ни откуда
Не въ состояніи вовсе оказывать сопротивленья,

*) Падающія звѣзды.

Такъ какъ всему поддаваться должна ужь по самой природѣ.
Вслѣдствіе этого вещи, которыя разнятся вѣсомъ,
Падать должны одинаково всѣ въ пустотѣ неподвижной.
Такъ что не можетъ въ паденьи на легкое тѣло наткнуться
Болѣе тяжкое, и произвесть здѣсь толчка неспособно,
Чтобъ измѣнить то движенье, которымъ все зиждетъ природа.

Я повторяю: въ паденіи тѣльца должны отклоняться
Нѣсколько, какъ можно меньше, чтобъ мы за косое движенье
Это принять не могли вопреки справедливому взгляду.
Ибо вездѣ замѣчаемъ наглядно мы сразу, что тѣло,
Падая вслѣдствіе собственной тяжести сверху, не можетъ
Двигаться въ бокъ въ направленьи косомъ,—въ томъ легко убѣдиться.
Но, что съ дороги прямой при паденьи тѣла совершенно
Не уклоняются,—чей это взглядъ въ состояньи замѣтить?

Далѣе, еслибъ движенія всѣ были связаны вмѣстѣ,
Въ опредѣленномъ порядкѣ одни изъ другихъ возникая,
И уклоняясь съ пути не вводили первичныя тѣльца
Новыхъ началъ, кои могутъ нарушить судьбы повелѣнье,
Въ силу котораго слѣдствіе вѣчно идетъ за причиной,
То отчего у созданій живыхъ происходитъ свобода?
Гдѣ же источникъ, спрошу, отъ судьбы не зависящей воли
Вслѣдствіе коей идемъ мы туда, куда тянетъ охота?
Не сообразно со временемъ мы измѣняемъ движенье,
Не по условіямъ мѣста, а по указанью разсудка.
Ибо сомнѣнія нѣтъ, что толчокъ здѣсь даетъ наша воля,
И изъ нея лишь во всѣ наши члены исходитъ движенье.
Ты не видалъ ли въ мгновенье когда загородку спускаютъ,
Какъ скакуны безпокойно пытаются съ мѣста сорваться
Съ силой стремленья, къ какой вынуждаетъ ихъ воля?
Чтобъ существа могли слѣдовать всѣмъ повелѣньямъ разсудка,
Въ тѣлѣ ихъ необходимо должны воедино собраться
Тѣльца матеріи всѣ, возбужденныя всюду въ суставахъ.
Какъ ты здѣсь видишь—начало движенія въ сердцѣ родится
И возникаетъ впервые изъ воли, что въ духѣ сокрыта,

А ужь оттуда оно сообщается цѣлому тѣлу.

Дѣло другое когда мы подвержены внѣшнимъ вліяньямъ
Силой стороннею и принужденіемъ властнымъ влекомы.
Ясно, что въ случаѣ томъ существо всего нашего тѣла
Движется недобровольно, насильно, отъ насъ не завися,
До той поры пока воля вновь членами не овладѣетъ.
Значитъ и въ случаѣ томъ, когда внѣшняя сила насъ гонитъ,
И побуждаетъ порою насъ къ недобровольнымъ поступкамъ,
Прочь отвлекая отъ цѣли, живетъ въ нашемъ сердцѣ однако
Нѣчто такое, что можетъ бороться, противиться силѣ;
Нѣчто такое, чьему повелѣнью должна подчиняться
Вся совокупность частицъ въ нашемъ тѣлѣ въ суставахъ и членахъ,
Чтобъ, подкрѣпившись, они возвратились опять къ равновѣсью.
А потому мы должны признавать, что въ движеньи зачатковъ
Кромѣ толчковъ или тяжести есть и иная причина,
Именно та, отъ которой была врождена намъ свобода,
(Такъ какъ вѣдь изъ ничего, ничего не могло бы возникнуть).
Тяжесть препятствуетъ, чтобъ отъ толчковъ все возникло,
Будто отъ внѣшнихъ причинъ, небольшія жь пути уклоненья
Тѣлецъ въ различныхъ мѣстахъ и въ неопредѣленное время
Служатъ къ тому, чтобъ не могъ быть разсудокъ нашъ связанъ
Необходимостью опредѣленной при каждомъ поступкѣ,
И не былъ вынужденъ все выносить и покорно терпѣть все.

Вся совокупность матеріи не была сжата плотнѣе
Въ цѣломъ своемъ никогда, какъ и не была болѣе рѣдкой,
Такъ какъ ничто не привходитъ въ нее и ничто въ ней не гибнетъ
А потому и движенье, въ которомъ первичныя тѣльца
Вѣчно бываютъ, съ начала вѣковъ оставалось все тѣмъ же,
И будутъ двигаться тѣльца во вѣки, въ такомъ же порядкѣ.
То, что они порождали, рождать при условіяхъ тѣхъ же
Будутъ и дальше они. Существуетъ, ростетъ, здоровѣетъ
Все здѣсь поскольку назначено то̀ по законамъ природы,
И никакое усилье порядокъ вещей измѣнить не способно.
Ибо не можетъ ничто изъ матеріи прочь отдѣлиться,

Бывши въ нее включено; и напротивъ не могутъ ворваться
Новыя силы въ нее, при посредствѣ которыхъ возможно
Переиначить природу вещей и порядокъ движенья.

Кромѣ того не должно удивлять тебя въ этихъ вопросахъ,
Что при такомъ непрерывномъ движенiи тѣлецъ первичныхъ
Вся совокупность вещей представляется намъ неподвижной,
Кромѣ существъ, коимъ свойственно двигаться собственной силой.
Тѣлецъ первичныхъ природа таится отъ нашего чувства
И недоступна ему. Тѣмъ не менѣе тамъ, гдѣ не можешь
Видѣть движенiя ты, происходитъ оно все же скрыто.
Даже тѣ вещи, которыя можемъ мы видѣть, отъ взора
Нашего часто скрываются на разстояньи далекомъ.
Часто по склонамъ холмовъ шерстоносныя овцы плетутся,
Пищу срывая обильную. Каждую тамъ привлекаетъ
Зелень травы изумрудной, покрытая свѣжей росою,
Сытые тутъ же рѣзвятся ягнята, бодая другъ друга.
Все это издали кажется намъ какъ-бы слившимся вмѣстѣ,
Будто пятномъ бѣловатымъ на полѣ зеленаго склона.
А точно также когда легiоны могучiе быстро
Сходятся въ полѣ толпой, вызывая тутъ зрѣлище боя,
Блескъ тутъ до самаго неба несется, кругомъ же земля вся
Мѣдью доспѣховъ сверкаетъ; и отъ боевого усердья,
Ногъ всюду слышится топотъ, и звукъ голосовъ, отразившись
Въ ближнихъ горахъ, долетаетъ къ далекимъ свѣтиламъ вселенной.
Всадники мчатся туда и сюда по равнинѣ широкой,
И отъ могучаго натиска ихъ сотрясается поле.
Все же бываютъ мѣста на вершинахъ высокихъ, откуда
Кажется все неподвижнымъ, а блескъ исходящимъ отъ поля.

Нынѣ ты долженъ узнать каковы суть первичныя тѣльца
И какъ далеко простерлось межъ ними различiе въ формѣ,
Чѣмъ они разнятся между собою по внѣшнему виду.
Я не скажу, чтобы множество формъ у нихъ было несходныхъ,
Но межъ собою они по всему постоянно неравны.
Это и не удивительно. Такъ какъ вещей совокупность

Столь велика, что, какъ сказано, нѣтъ имъ числа и предѣловъ,
То допустить невозможно, чтобъ тѣльца ихъ всѣ были равны
По очертаньямъ своимъ, и по внѣшнему облику сходны.

Вотъ напримѣръ: человѣческій родъ нашъ, созданья нѣмыя
Чешуеносныя рыбы, ручныя животныя, звѣри,
Разныя птицы, которыя частью при водахъ прозрачныхъ
На берегахъ у ручьевъ и озеръ собираются стаей,
Частью по дебрямъ лѣсовъ беззаботно порхаютъ.
Выбравъ любую изъ этихъ породъ попытайся вглядѣться;
Сразу замѣтишь ты какъ различаются особи видомъ.
Иначе дѣти своихъ матерей узнавать не могли бы.
Мать же дѣтенышей не узнавала бъ. Тогда какъ мы видимъ,
Что они всѣ различаютъ другъ друга не хуже чѣмъ люди.

На алтарѣ передъ храмомъ боговъ разукрашенномъ часто
Жертвою падаетъ юный телецъ въ ѳиміамѣ душистомъ.
Теплой струей изъ груди умирающей кровь вытекаетъ.
Осиротѣлая мать между тѣмъ, среди пастбищъ блуждая,
И отъ копытцевъ раздвоенныхъ въ почвѣ слѣды оставляя,
Всюду кидаетъ свой взглядъ, не найдется ль гдѣ либо дѣтенышъ,
Ею утраченный? Жалобнымъ ревомъ она наполняетъ
Лѣса зеленаго сводъ, и не разъ возвращается тщетно
Въ стойло свое, вся проникнута жаждой найти тамъ питомца.
Ни зеленѣющій лѣсъ, ни росой окропленныя травы,
Ни съ берегами крутыми прохладныя рѣки—не могутъ
Душу утѣшить ей, и отъ нежданнаго горя избавить.
Также тельцы изъ породы другой на привольной полянѣ
Не въ состояньи отвлечь ее и облегчить ей заботы.
Такъ она сильно тоскуетъ о чемъ-то родномъ и знакомомъ!

Такъ по дрожащему голосу и молодые козлята
Сразу рогатую мать узнаютъ, и бодливые агнцы
Слушаютъ блеянье матери. Такъ по приказу природы
Тянется все къ материнскому вымени неудержимо.

Мы наконецъ тоже самое видимъ и въ злакахъ различныхъ.
Колосовъ двухъ одинакихъ въ снопѣ никогда не найдешь ты,
И постоянно межъ ними есть нѣкая разница въ формѣ.
Также мы видимъ нерѣдко, какъ разнаго рода ракушки
Лоно земли испещряютъ, гдѣ мягкія волны морскія
Въ бухтахъ прибрежныхъ порой водососный песокъ устилаютъ.
Равнымъ порядкомъ первичныя тѣльца въ движеніи вѣчномъ
Разниться между собой непремѣнно должны по фигурѣ,
Такъ какъ они создавались не чьей то единой рукою
Въ формѣ единообразной, но ихъ создавала природа.

Безъ затрудненья малѣйшаго ты понимаешь отлично
Тѣ основанья, по коимъ пронзительнѣй молніи пламя,
Нежели пламя земное, что въ факелахъ мы зажигаемъ.
Можешь сказать ты, что пламя небесное молній
Тоньше и мельче частицы въ своемъ существѣ заключаетъ,
А потому проникаетъ въ отверстья, въ какія не можетъ
Пламя пройдти, что пылаетъ въ дровахъ или факелахъ нашихъ.

Кромѣ того еще: свѣтъ черезъ рогъ проникаетъ, а влага
Въ рогѣ держаться должна; оттого что первичныя тѣльца
Свѣта значительно меньше, чѣмъ тѣльца во влагѣ прозрачной.
Мы замѣчаемъ, что быстро вино протекаетъ въ цѣдилкѣ;
Наоборотъ, не спѣша протекаетъ лѣнивое масло,
Или чрезъ то, что въ послѣднемъ крупнѣй составныя частицы,
Или чрезъ то, что плотнѣе онѣ и тѣснѣе сомкнуты.
И происходитъ изъ этого то, что не могутъ частицы
Обособиться одна отъ другой съ быстротою большою,
Чтобы въ отдѣльности каждой пройти сквозь отверстіе лейки.

Сверхъ того надо замѣтить, что медъ и молочная влага
Чувства пріятныя на языкѣ намъ всегда оставляетъ.
Горькій полынь же и золототысячникъ дикій, напротивъ,
Вкусомъ своимъ отвратительнымъ морщиться насъ заставляютъ.
Ты узнаешь безъ труда, что пріятно ласкаютъ намъ чувство
Тѣ вещества, коихъ тѣльца первичныя круглы и гладки.

Тѣ вещества же, которыя горьки и остры по вкусу,
Цѣпкія, тѣсно сомкнутыя тѣльца въ себѣ заключаютъ.
Вслѣдствіе этого, чтобы открыть себѣ путь къ нашимъ чувствамъ,
Нужно имъ въ нашихъ тѣлахъ сквозь извѣстныя ткани прорваться.
Все, наконецъ, что пріятно и худо вліяетъ на чувства,
Изъ разнородныхъ по внѣшнему виду слагается тѣлецъ.
И не подумай ты, будто пилы непріятныя звуки
Изъ столь же легкихъ, проворныхъ частицъ составныхъ возникаютъ,
Какъ сладкозвучный напѣвъ музыкальный, что въ струнахъ киѳары
Бѣглые пальцы пѣвца пробуждаютъ искусно предъ нами.
Также и тѣльца, что въ ноздри тебѣ попадаютъ, бываютъ
Формы различной, когда разлагаются трупы въ зловоньи,
Или когда сицилійскій шафранъ освѣжаетъ театры,
И алтари воскуряютъ богамъ благовонья Памѳеи.
Также не долженъ ты думать, что изъ одинакихъ зачатковъ
Краски составлены тѣ, что нашъ взоръ такъ пріятно ласкаютъ,
И въ состояніи яркостью слезы въ глазахъ нашихъ вызвать,
Или по гнусному виду въ насъ будятъ гадливое чувство.
Все, что намъ чувство пріятно ласкаетъ и умъ услаждаетъ,
Создано лишь подъ условіемъ гладкости тѣлецъ первичныхъ,
То же, напротивъ, что насъ тяготитъ и намъ кажется сквернымъ,
Въ нѣдрахъ матеріи нѣкія грубыя тѣльца скрываетъ.

Тѣльца бываютъ еще, кои гладкими мы не считаемъ,
Но кои вмѣстѣ съ тѣмъ также не остры и не крючковаты,
А угловатости въ нихъ лишь слегка выступаютъ наружу.
Чувство они намъ скорѣе щекочатъ, чѣмъ боль причиняютъ.
Сокъ виноградный сюда отношу я и винныя жмыхи.

Жгучій огонь, наконецъ, и холодныя иглы мороза
Всѣ на свой ладъ уязвляютъ чувствительность тѣла;
Что безошибочно намъ осязанье всегда указуетъ.
Да, осязанье,—о сила святая боговъ всеблаженныхъ!—
Чувство рождаетъ въ тѣлахъ нашихъ, или извнѣ доходя къ нимъ,
Или затронувъ ту сущность, что внутрь внѣдрена въ наше тѣло.
Да, осязанье содѣйствуетъ зиждущей силѣ Венеры,

И причиняетъ и боль, и смятенье во всѣхъ нашихъ чувствахъ,
Какъ только въ тѣлѣ нарушено нашемъ частицъ равновѣсье.
Можешь ты въ томъ всякій разъ убѣдиться, когда ты случайно
Сильно часть тѣла какую-нибудь ударяешь рукою.
Вслѣдствіе всѣхъ этихъ данныхъ должны различаться по формѣ
Тѣльца первичныя, кои столь разныя чувства въ насъ будятъ.

Далѣе, то, что намъ кажется твердымъ и плотнымъ, должно быть
Сомкнуто тѣсно въ частицахъ своихъ составныхъ непремѣнно.
И на подобіе вѣтокъ должны тутъ частицы сцѣпляться.
Въ этакомъ родѣ алмазные камни должны межъ другими
Первое мѣсто занять, не страшась никакого удара;
Далѣе дюжій кремень и могучая твердость желѣза,
Мѣдь, наконецъ, что призывно звучитъ у входной нашей двери.

Тѣ вещества, что по свойствамъ природнымъ текучи и жидки,
Всѣ состоятъ изъ частицъ главнымъ образомъ гладкихъ и круглыхъ.
Эти частицы не держатся кучей, сцѣпившись взаимно,
Но по наклонности внизъ своевольно и быстро катятся.
(Такъ же легко какъ вода разсыпаются сѣмячки мака).
Все, что въ мгновенье одно у тебя на глазахъ исчезаетъ,—
Дымъ, напримѣръ, облака и ползучій огонь,—несомнѣнно
Не состоитъ изъ частицъ вполнѣ гладкихъ и круглыхъ по формѣ,
Но также не изъ изогнутыхъ, спутанныхъ между собою,
Такъ какъ онѣ и сквозь скалы проходятъ и тѣло язвятъ намъ.
Также не цѣпки онѣ на подобье того, что мы часто
Видимъ въ репейникахъ. Такъ что ты долженъ легко согласиться,
Что не изогнуты въ видѣ крючковъ эти тѣльца, а остры.

Есть вещества еще горкія вмѣстѣ съ тѣмъ жидкаго вида;
Влага морская, къ примѣру. Но ты удивляться не долженъ.
Правда, что жидкость изъ тѣлъ составляется круглыхъ и гладкихъ,
Влага же моря содержитъ частицы, противныя чувству,
Но для того крючковатыми быть не должны онѣ вовсе.
Эти частицы хоть круглы, но вмѣстѣ съ тѣмъ также шершавы;
Могутъ катиться онѣ, и язвить одновременно чувство.

Чтобъ показать какъ частицы шершавыя съ гладкими вмѣстѣ
Смѣшаны въ жидкости, что составляетъ стихію Нептуна,
Способомъ вѣрнымъ мы выдѣлить можемъ однѣ и другія.
Влага морская становится сладкой и прѣсной по вкусу
Тамъ, гдѣ сквозь толщу земли проникаетъ она въ водоемы.
Тамъ подъ землей свои горькія части вода оставляетъ,
Такъ какъ послѣднимъ легко зацѣпиться въ неровностяхъ почвы.

Къ этимъ моимъ положеньямъ считаю я долгомъ прибавить
То, въ чемъ находятъ они подтвержденіе. Формы зачатковъ
Лишь до предѣла извѣстнаго разнообразиться могутъ.
Если бы этого не было, существовали бъ зачатки
Нѣкія, что необъятныхъ размѣровъ могли бы достигнуть.
Вслѣдствіе малыхъ размѣровъ своихъ родовыя зачатки
Не допускаютъ большого числа измѣненій въ фигурахъ.
Предположи, что первичныя тѣльца въ себѣ заключаютъ
Части мельчайшія,—три, напримѣръ, или нѣсколько больше,—
И вслѣдъ за этимъ попробуй на разный ихъ ладъ переставить,
Сверху и снизу, то слѣва направо, то справа налѣво.
Перестановки исчерпавъ вполнѣ ты узнаешь оттуда,
Что за фигуры изъ этихъ частей ты сложить въ состояньи.
Если жь ты далѣе разнообразить фигуры желаешь,
Долженъ ты новыя части прибавить къ тѣламъ, а отсюда
Явствуетъ, что чѣмъ значительнѣй разнообразіе будетъ
Тѣлецъ первичныхъ, тѣмъ болѣе новыхъ частей къ нимъ пристанетъ.
Но вѣдь подобное образованье фигуръ за собою
Вѣчно влечетъ возрастаніе тѣлъ; потому ты не думай
Будто бы разнообразіе формъ безконечно въ зачаткахъ.
Иначе долженъ ты въ нихъ допустить непремѣнно размѣры
Черезвычайно большіе, чему не найдешь подтвержденья.

Ткани тогда Берберійскія и Мелибейскій блестящій
Пурпуръ, окрашенный въ цвѣтъ Өесалійскихъ ракушекъ багровый,
И золотые павлиньи хвосты безъ вниманья бъ остались,
Красками новыхъ вещей превзойденныя очень далеко.
Цѣну утратили бъ запахи мирры и сладости меда;

Пѣснь лебединая, какъ и стихи вдохновенныя лиры
Фебовой смолкли бъ тогда подъ вліяніемъ той же причины,
Такъ какъ являлись тогда бы все новыя, лучшія вещи.

Въ томъ же порядкѣ могло бъ подвигаться и все къ ухудшенью,
Все равно какъ бы могло безъ конца къ совершенству стремиться,
И появлялось бы нѣчто такое, что больше и больше
Нашимъ претило глазамъ и ушамъ, обонянью и вкусу.
Но не случается этого. Держатся вещи въ границахъ,
Опредѣленныхъ заранѣ, и нужно признать непремѣнно,
Что ограничена точно въ матеріи разница видовъ.

Равнымъ же образомъ пламя и зимняго холода стужа
Также предѣлы имѣютъ и имъ установлена мѣра.
Именно: жаръ и морозъ суть границы. Тепло между ними
Въ разныхъ его степеняхъ наполняетъ пространство вселенной.
Такъ что различье въ теплѣ какъ во всемъ ограничено точно,
Ибо отмѣчено рѣзко оно обоюдною гранью:
Жаромъ съ одной стороны, а съ другой—леденящимъ морозомъ.

Къ этимъ моимъ положеньямъ считаю я нужнымъ прибавить
То, что имъ можетъ служить въ подтвержденье. Первичныя тѣльца,
Сходныя между собою во всемъ по строенью фигуры
Въ смыслѣ числа безконечны. Вѣдь если число разныхъ видовъ
Въ нихъ ограничено, нужно, чтобъ каждаго вида зачатки
Были числомъ безконечны, а иначе будетъ конечной
Сущность матеріи, что—невозможно, какъ сказано выше.

Разъ это ясно, позволь мнѣ въ немногихъ стихахъ сладкозвучныхъ
Истину ту доказать, что частицы матеріи только
Въ силу своей безконечности могутъ поддерживать цѣлость
Міра, и лишь отъ нея происходитъ толчковъ непрерывность.

Такъ: есть породы животныхъ, которыхъ ты рѣдко встрѣчаешь,
И тебѣ кажется, будто у нихъ плодовитость ничтожна.
Между тѣмъ въ мѣстѣ другомъ, въ отдаленныхъ краяхъ иноземныхъ

Множество водится этихъ породъ, и число пополняетъ.
Такъ, между четвероногими прежде всего ты отмѣтишь
Хоботоносныхъ слоновъ. Ихъ такъ много есть въ Индіи дальней,
Что по границамъ стоятъ у ней стѣны изъ кости слоновой
Непроницаемой крѣпости. Такъ велика сихъ животныхъ
Сила, тогда какъ у насъ попадается ихъ очень мало.
Но я пойду даже дальше. Пусть будетъ такое созданье,
Что въ своемъ родѣ единственно, и представляетъ по свойствамъ
Особь, которой подобія нѣтъ на земномъ всемъ пространствѣ.
Если бъ, притомъ, не была безконечна матеріи сила
Въ коей зачатымъ могло быть такое созданье, то вовсе
Не родилось бы оно, не могло бъ ни расти ни питаться.
Ты на мгновенье представь себѣ, будто первичныя тѣльца
Вещи какой-нибудь всюду въ числѣ ограниченномъ бродятъ.
Гдѣ, и откуда и силой какой они встрѣтиться могутъ
Въ морѣ бездонной матеріи въ сонмѣ частей чужеродныхъ?
Думаю въ случаѣ этомъ столкнуться имъ нѣтъ основанья.
Нѣтъ. На подобіе разныхъ вещей при кораблекрушеньи
Всюду въ пространствѣ разбросаны были бъ они какъ попало.
Такъ перекладины, мачты, носы корабельные, кормы,
Райны и весла порою на берегъ кидаетъ стихія,
Какъ бы давая людямъ указаніе, чтобы старались
Козней коварныхъ морей избѣгать, ихъ лукавства и мощи,
И не ввѣряли себя никогда легкомысленно волнамъ
Въ пору, когда улыбается ласково тихое море.
Такъ, если предполагаешь ты нѣкое ограниченье
Тѣлецъ первичныхъ, то всюду должны бы они разметавшись
Вѣчно блуждать и по волнамъ матеріи вѣчно носиться.
И никогда бъ отъ толчковъ не вступили они въ сочетанье,
Ни оставаться въ связи межъ собой, ни расти не могли бы,
Между тѣмъ явно въ природѣ всегда происходитъ два дѣла:
Родится каждая вещь и, родившись, она возрастаетъ.
Значитъ понятно, что численность каждаго рода зачатковъ
Не ограничена, такъ какъ собой они все наполняютъ.

Преобладать не должны вредоносныя только движенья,

Чтобъ погребать постоянно всѣ блага и радости жизни;
Но родотворныя, благопріятныя росту движенья
Также не могутъ безсмѣнно служить поддержанію жизни.
Такъ съ равнымъ счастіемъ вѣчно ведется борьба сихъ началъ двухъ;
Испоконь вѣку повсюду такая борьба происходитъ.
Здѣсь достается побѣда началамъ ликующимъ жизни,
Тамъ побѣждаетъ ихъ смерть. Такъ мѣшается плачъ погребальный
Съ крикомъ младенца, впервые увидѣвшимъ свѣта сіянье.
Не было ночи, ни дня, ни зари, вслѣдъ за ночью идущей,
Въ кои нельзя было бъ слышать младенческихъ криковъ въ смѣшеньи
Съ плачемъ, обыденнымъ спутникомъ смерти и службъ погребальныхъ.

Нужно еще одну истину въ нашемъ ученьи отмѣтить
И постоянно держать у себя ее въ памяти твердо.
Между предметами всѣми, которыхъ природа извѣстна,
Не состоитъ ничего изъ частицъ лишь единаго рода.
Нѣтъ ничего, что въ себѣ не включало бы смѣси зачатковъ
Разныхъ. Чѣмъ бо́льшимъ количествомъ свойствъ обладаютъ предметы,
Чѣмъ ихъ способности шире, тѣмъ больше и тѣлецъ первичныхъ
Въ нихъ заключается разныхъ по роду и внѣшнему виду.

Прежде всего много тѣлецъ первичныхъ земля заключаетъ:
Тѣ, изъ которыхъ, при помощи быстро текущихъ потоковъ,
Вѣчно питается море, и тѣ, что огонь порождаютъ.
(Такъ какъ во многихъ мѣстахъ зажигается пламенемъ почва;
Больше всего въ изверженіи Этны свирѣпствуетъ пламя).
Въ почвѣ, затѣмъ есть и то̀, что плоды и привольныя рощи
Можетъ на свѣтъ произвесть къ услажденію рода людского;
То̀, изъ чего она рѣки и зелень и тучныя пастьбы
Можетъ доставить животнымъ, бродящимъ по горнымъ тропинкамъ.
А потому какъ Великую Матерь боговъ и какъ матерь
Всякихъ животныхъ и рода людей ее чтутъ повсемѣстно.

Греціи древней поэты когда-то ее представляли
На колесницѣ большой, парой львовъ приводимой въ движенье,
И говорили они, что богиня въ воздушномъ пространствѣ

Держится, такъ какъ не можетъ земля опираться на землю.
Дикихъ звѣрей пріобщили сюда въ знакъ того, что потомство
Дѣйствіемъ нѣжныхъ заботъ материнскихъ должно приручаться.
И голова у нея украшалась стѣнною короной,
Такъ какъ въ найлучшихъ мѣстахъ на землѣ города основались.
Образъ божественной матери въ этомъ нарядѣ донынѣ
Возится всюду по странамъ различнымъ, внушая всѣмъ ужасъ.
Также у разныхъ народовъ она по обычаямъ древнимъ
Матерью Идой зовется нерѣдко, и толпы фригійцевъ
Съ ней путешествуютъ, ибо въ странѣ этой стали впервые
Злаки рости на земномъ всемъ пространствѣ, какъ ходитъ преданье.
И отъ жрецовъ, пріуроченныхъ къ ней, наставленье исходитъ,
Что кто не чтитъ божества и къ родителямъ неблагодаренъ,
Тотъ, значитъ, самъ быть не хочетъ достойнымъ того, по ихъ мнѣнью,
Чтобъ отъ него на семъ свѣтѣ живое потомство родилось.
Громко повсюду литавры звучатъ и пустые кимвалы,
Дико и грозно гнусавыя звуки роговъ раздаются,
Духъ возбуждаютъ размѣромъ напѣвы фригійскія флейты.
Предъ истуканомъ оружье несутъ въ знакъ жестокаго гнѣва,
Чтобъ своеволье умовъ и нечестіе сердца въ народѣ
Сдерживать страхомъ великимъ и святостью властной богини.

И, когда въ шествіи пышномъ богиню по городу возятъ,
Распространяетъ беззвучно на смертныхъ она свои блага.
Путь устилаютъ ея серебромъ драгоцѣннымъ и мѣдью,
Щедрымъ, богатымъ даяньемъ, и розами будто бы снѣгомъ
Всю осыпаютъ ее, какъ и спутниковъ съ нею идущихъ.
Вооруженный отрядъ, что названье фригійскихъ куретовъ
Носитъ у грековъ, тутъ пляшетъ, себя ударяя цѣпями.
Скачутъ куреты размѣрно, пьянѣя отъ пролитой крови,
И на главѣ потрясаютъ священные страшные гребни
Въ память куретовъ изъ Дикты, которые, какъ повѣствуютъ,
Дѣтскія вопли Юпитера встарь заглушали на Критѣ;
Между тѣмъ вооруженныя дѣти вокругъ колыбели
Юнаго бога съ размѣрностью мѣдью о мѣдь ударяли,
Чтобы Сатурнъ не сожралъ его, злобой великой объятый,

И не нанесъ сердцу матери неисцѣлимыхъ страданій.
Въ память того провожаютъ Великую Матерь съ оружьемъ,
Или какъ признакъ того, что богиня желаетъ, чтобъ люди
Вооруженьемъ и доблестью край свой родной защищали,
И для родителей были опорою и украшеньемъ.

Великолѣпно подобрано это и очень красиво,
Но тѣмъ не менѣе все же отъ истины очень далеко.
Боги согласно природѣ высокой своей, несомнѣнно
Въ мирѣ найвысшемъ свою безконечную жизнь проживаютъ,
Чуждые нашему міру, и съ нимъ не имѣя общенья.
Такъ какъ они, ни опасностей жизни, ни горя не зная,
Сами довлѣя себѣ и въ предметахъ земли не нуждаясь,
Не увлекаются доблестью и не волнуются гнѣвомъ.
Истинно: вѣчно земля лишена была всякаго чувства,
Но потому что въ ней дѣйствуетъ множество разныхъ зачатковъ,
Многое разнымъ путемъ она вѣчно на свѣтъ производитъ.
Если же можно намъ море Нептуномъ назвать, а Церерой
Злаки земли, если предпочитаемъ мы Вакхово имя
Упомянуть, чѣмъ вино называть настоящимъ названьемъ,
То согласимся мы, что признавать можно также и землю
Матерью вѣчныхъ боговъ, хотя этого нѣтъ въ самомъ дѣлѣ.
Часто стада на одной луговинѣ зеленой пасутся:
Тутъ шерстоносныя овцы, тутъ племя коней боевое,
Тутъ и рогатой скотины стада, подъ однимъ небосводомъ,
Изъ одного и того же ручья утоляютъ всѣ жажду.
Все же они всѣ различной породы. Родителей свойства
Твердо они сохраняютъ, наклонностямъ ихъ подражая.
Столько находится всякой матеріи разнаго рода
Въ травахъ зеленаго луга и въ водахъ ручьевъ быстротечныхъ!
Въ каждомъ животномъ, затѣмъ, заключаются разныя вещи:
Кости, и жилы, и мясо, и кровь, и утроба, и влага.
Всѣ эти вещи весьма различаются между собою,
Ибо изъ разныхъ первичныхъ зачатковъ онѣ происходятъ.

Дальше затѣмъ, хотя то, что сжигается огненной силой

И не содержитъ зачатковъ огня, все жъ питаетъ собою
Жаркое пламя и свѣтъ, отъ огня далеко исходящій,
И быстролетныя искры, и дымъ и разбросанный пепелъ.
Если подобнымъ путемъ ты и прочія вещи разсмотришь,
То убѣдишься ты твердо, что въ каждой изъ нихъ затаилось
Множество тѣлецъ первичныхъ другъ съ другомъ различныхъ по формѣ.

Ты наконецъ видишь многое, гдѣ ощущенія вкуса,
Цвѣта и запаховъ разныхъ слилися. Къ примѣру тѣ жертвы,
Что по уставу религіи грѣхъ искупляютъ злодѣевъ.
Жертвы, конечно, должны состоять изъ различныхъ зачатковъ,
Чтобы пройти могла копоть туда, куда сокъ не проходитъ,
На остальныя же чувства боговъ повліять тамъ могли бы
Краски и вкусы. Все это зависитъ отъ формы зачатковъ.
Значитъ различныя формы въ составѣ единомъ здѣсь могутъ
Слиться, и вещи тогда состоятъ изъ смѣшенья зачатковъ.

Это отчасти въ стихахъ моихъ можешь легко ты замѣтить:
Много въ нихъ знаковъ, которые общи словамъ разнороднымъ.
Все же ты долженъ признать, что слова и стихи въ моей книгѣ
Изъ разнородныхъ частей тутъ слагаются всѣ несомнѣнно.
Не потому, чтобы въ нихъ избѣгалися общія буквы,
Или что тутъ двухъ стиховъ или словъ не нашлося бы сходныхъ,
Но потому что они вообще не во всемъ одинаки.
Также и каждый предметъ заключаетъ не мало зачатковъ,
Общихъ для многихъ предметовъ, которые все-таки могутъ
Очень значительно разниться между собой по составу.
Такъ что мы вправѣ сказать, что изъ многихъ зачатковъ сложились
Злаки, плоды, человѣческій родъ и веселыя рощи.

Думать однако нельзя, что тѣла могутъ всѣ сочетаться,
Ибо тогда бы чудовищъ пришлось тебѣ видѣть нерѣдко,
И человѣкъ-полузвѣрь расплодилъ бы породу, а также
Вѣтки высоко росли бъ сплошь и рядомъ изъ тѣла живого.
Члены животныхъ морскихъ попадались бы у земноводныхъ,
И на землѣ всеродящей тогда бы природа взростила

Племя химеръ, изрыгающихъ пламя изъ пасти ужасной.
Но очевидно, подобнаго нѣтъ ничего, потому что
Лишь изъ извѣстныхъ зачатковъ, въ родной материнской утробѣ
Всѣ существа рождены, и породу свою сохраняютъ.
Значитъ должно по извѣстнымъ законамъ все это твориться.
Только лишь нужныя части исходятъ отъ пищи различной
Въ наши тѣла, чтобы въ членахъ путемъ сочетаній извѣстныхъ
Дѣйствіе нужное вызвать; тогда какъ негодныя части
Прочь извергаются въ землю природой. И отъ сотрясеній
Много частицъ незамѣтно отходитъ отъ нашего тѣла;
Именно тѣхъ,—что не могутъ примкнуть ни къ чему и движеній
Жизненныхъ не возбуждаютъ и не согласуются съ ними.
Но не подумай, притомъ, что относятся эти законы
Только къ животнымъ. Всѣ вещи поставлены въ тѣ же условья.
Все, что природою сотворено, межъ собою несходно.
Вслѣдствіе этого необходимо, чтобъ вещи всѣ въ мірѣ
Изъ разнородныхъ фигурой начальныхъ частицъ состояли,
Не потому, чтобы тутъ было множество видовъ различныхъ,
Но потому, что предметы всѣ не по всему одинаки.
Если различны зачатки, то также должны различаться
Ихъ сочетанья, движенье, пути промежутки межъ ними,
Ихъ столкновенія, тяжесть, все то̀, что не только животныхъ
Всѣхъ раздѣляетъ, но земли отъ бурныхъ морей отличаетъ,
И небеса голубыя вдали отъ земли нашей держитъ.

Но продолжай познавать моихъ сладкихъ трудовъ изысканья,
И не впади въ заблужденіе, будто изъ бѣлыхъ зачатковъ
То̀ созидаться должно, что глазамъ твоимъ кажется бѣлымъ;
Или что черныя вещи возникли изъ черныхъ зачатковъ,
И вообще что-нибудь носитъ ту иль другую окраску
Ради того только, что родовыя матеріи тѣльца
Въ тотъ же окрашены цвѣтъ какъ и вещи, рожденныя ими.
Цвѣта у тѣлецъ первичныхъ матеріи нѣтъ совершенно,
Ни однороднаго съ вещью, ни также различнаго съ нею.
Если же ты полагаешь, что тѣльца такія разсудку
Не постижимы совсѣмъ, то отъ истины очень далекъ ты.

Слѣпорожденные, солнца лучей не могущіе видѣть,
Все жь познавать тѣмъ не менѣе могутъ на ощупь тѣ вещи,
Кои для нихъ съ малыхъ лѣтъ никакой не носили окраски.
Слѣдуетъ значитъ признать, что нашъ умъ себѣ также понятье
Можетъ составить о томъ, что не смазано нѣкою краской.
Сами же мы, наконецъ, средь ночной темноты постоянно
Трогаемъ вещи, не будучи въ силахъ почувствовать красокъ.

Въ томъ убѣдившись на опытѣ, взглянемъ мы нынѣ на сущность.
Каждая краска способна мѣняться въ любую же краску,
Но не должно того быть никогда у первичныхъ зачатковъ,
Такъ какъ должно кое-что оставаться всегда неизмѣннымъ,
Чтобы въ ничтожество впасть не могли сотворенныя вещи.
Если же вещь изъ условій присущей природы выходитъ,
То прекращаетъ тотчасъ же быть тѣмъ, чѣмъ была она раньше.
А потому признавать ты не долженъ окраску въ зачаткахъ,
Иначе все бытіе міровое въ ничто обратится.

Далѣе. Если окраски природа первичнымъ зачаткамъ
Не придала, все же формами разными ихъ надѣлила,
А отъ послѣднихъ различнаго рода цвѣта происходятъ.
Много зависитъ къ тому еще, съ чѣмъ сочетались зачатки,
И положенье какое они межь собой сохраняютъ;
Также какія движенья другъ другу даютъ и пріемлютъ.
Этимъ путемъ ты легко очень можешь причинъ доискаться,
Кàкъ, почему, тò, что было за нѣсколько времени чернымъ,
Приняло мраморный цвѣтъ и блистаетъ своей бѣлизною.
Море, къ примѣру, когда его глади взволнованы вѣтромъ,
Все покрывается зыбью сѣдою, бѣлѣя какъ мраморъ.
Можно на это сказать. То, что раньше казалось намъ чернымъ,
Перемѣшало матерію всю свою и измѣнило
Тѣлецъ порядокъ, отнявъ и прибавивъ что-либо къ составу,
А потому вдругъ предстало предъ нами блестящимъ и бѣлымъ.
Если бъ однако же воды морскія включали зачатки
Цвѣта лазурнаго, то никогда побѣлѣть не могли бы.
То, что имѣетъ лазоревый цвѣтъ не должно измѣниться

И бѣломраморнымъ стать оттого, что его ты взболтаешь.
Если бы цвѣта различнаго были первичныя тѣльца,
Кои морямъ придаютъ одноцвѣтную всюду окраску,
То надлежало бы намъ замѣчать на поверхности моря,
Какъ и въ другой всякой жидкости однообразно прозрачной,
Разнообразныя и межь собою несходныя краски.
Такъ: изъ неправильныхъ формъ и фигуръ разнородныхъ мы можемъ
Образовать и квадратъ и любыя другія фигуры.
Въ этомъ квадратѣ увидимъ мы разнообразныя части,
Но разновидность фигуръ составныхъ не мѣшаетъ нисколько,
Чтобы квадратъ въ очертаньяхъ остался все тѣмъ же квадратомъ.
А между тѣмъ разноцвѣтныя части вещей совершенно
Не допускаютъ, чтобъ были тѣ вещи вполнѣ одноцвѣтны.

Вотъ еще доводъ одинъ, приводящій меня къ заключенью,
Что у зачатковъ первичныхъ рѣшительно всякія краски
Вовсе отсутствуютъ, и что не бѣлы зачатки въ предметахъ
Бѣлыхъ, равно какъ не черны и въ черныхъ вещахъ и такъ дальше.
Возникновеніе бѣлыхъ вещей мы гораздо охотнѣй
Склонны безцвѣтнымъ зачаткамъ приписывать, нежели чернымъ,
Или же цвѣта иного различнаго съ тѣми вещами.

Кромѣ того, такъ какъ не существуютъ окраски безъ свѣта,
И незамѣтны зачатки первичные даже при свѣтѣ,
То лишены, значитъ, эти зачатки какихъ-либо красокъ.
Могутъ ли быть въ темнотѣ непроглядной у вещи окраски,
Если окраски зависятъ отъ свѣта, смотря по тому лишь
Прямо иль косвенно падаетъ свѣтъ, отражаясь въ предметахъ?
У голубей замѣчается это на солнцѣ въ тѣхъ перьяхъ,
Кои растутъ на затылкѣ и шею кругомъ обрамляютъ.
Цвѣтъ ихъ съ одной стороны представляется краснымъ какъ пурпуръ,
А въ то же время съ другой—тѣ же перья внушаютъ намъ чувство,
Будто мы видимъ коралъ съ изумрудомъ зеленымъ въ смѣшеньи,
Также хвосты у павлиновъ, когда озаряетъ ихъ солнце,
Равнымъ порядкомъ цвѣта свои очень замѣтно мѣняютъ.
Если все это творится всегда отъ паденія свѣта,

Значитъ нельзя не признать, что безъ свѣта оно невозможно.
Да и зрачекъ принимаетъ различно вліяніе свѣта
Въ случаяхъ тѣхъ, когда бѣлая краска его поражаетъ,
И когда дѣйствуетъ черная,—или же краска иная.
Вовсе не важенъ тамъ цвѣтъ, гдѣ предметъ познаешь ты на ощупь;
Больше наглядности здѣсь придаетъ ему самая форма.
Значитъ первичныя тѣльца совсѣмъ не имѣютъ окраски,
Но только разностью формъ вызываютъ различныя чувства.

Если бъ къ тому же цвѣта не являлися слѣдствіемъ формы
Тѣлецъ первичныхъ, то все, что изъ тѣлецъ такихъ возникаетъ,
Въ цвѣтѣ любомъ представляться имѣло бъ возможность предъ нами.
Но отчего существа всѣ, возникнувъ изъ тѣлецъ первичныхъ,
Не появляются въ разнаго рода случайной окраскѣ?
И отчего не приходится видѣть, чтобъ воронъ, летая
Въ бѣломъ какъ снѣгъ опереньи, глаза поражалъ бѣлизною,
Чтобы водилися гдѣ-нибудь лебеди чернаго цвѣта,
Или же пестрые—изъ разноцвѣтныхъ такихъ же зачатковъ?

Можешь замѣтить еще: чѣмъ на больше частей ты разложишь,
Вещи какія-нибудь, тѣмъ значительнѣй мало-по-малу
Краски блѣднѣютъ, пока не исчезнутъ всецѣло изъ виду.
Это бываетъ, гдѣ золото крошится въ мелкія части.
Также и пурпуръ Пунійскій свой цвѣтъ потеряетъ блестящій,
Какъ только будетъ разобранъ онъ весь на отдѣльныя нитки.
А потому составныя частицы теряютъ окраску,
Прежде чѣмъ ихъ приведутъ въ состоянье первичныхъ зачатковъ.

Ты, наконецъ, соглашаешься, что не отъ всякаго тѣла
Звуки исходятъ и запахи, вслѣдствіе этого также
Звуковъ и запаховъ всѣмъ безъ изъятья тѣламъ не припишешь.
Равнымъ же образомъ зрѣньемъ не все ощутить мы способны.
Ясно отсюда: тѣла есть лишенныя всякой окраски
Какъ и тѣла, что ни звуковъ ни запаховъ не производятъ.
Острый же умъ тѣмъ не менѣе распознавать ихъ сумѣетъ,
Какъ и другіе предметы, лишенные признаковъ ясныхъ.

Ты не подумай однако-же, что лишены только красокъ
Первоначальныя тѣльца. Они недоступны нисколько
Дѣйствію всякаго холода и раскаленнаго жара;
Звуковъ издать не способны и соковъ въ себѣ не содержатъ;
Также особаго запаха не издаютъ никакого.
Такъ, когда ты составляешь растворы изъ маіорана
Нѣжнаго или изъ мирры смолы драгоцѣнной и нарда,
Духъ издающаго сладкій, то ты сколько надобно долженъ
Прежде всего запастись веществомъ непахучаго масла,
Не издающаго къ носу почти никакихъ благовоній,
Чтобы наименьше могло оно въ примѣси съ тѣми духами
Собственнымъ запахомъ ихъ заглушить и ослабить въ нихъ силу.

И не должны, значитъ, первоначальныя тѣльца предмету
Ихъ содержащему запахъ и звукъ сообщать какой-либо,
Такъ какъ они отъ себя ничего испускать не способны.
Ради того же не могутъ придать они вещи и вкуса,
Какъ передать не способны ей жаръ, теплоту или холодъ.
Прочія свойства присущія въ общемъ всѣмъ смертнымъ созданьямъ:
Такъ пустота полыхъ тѣлъ, разложеніе, гибкая мягкость
Вовсе должны быть не свойственны первоначальнымъ зачаткамъ,
Если хотимъ мы весь міръ на безсмертныхъ основахъ построить,
И обезпечить ему безопасность во всемъ его цѣломъ,
Чтобы въ ничтожество впасть не могло бытіе мірозданья.

Нынѣ скажу, что должны существа, надѣленныя чувствомъ,
Всѣ состоять изъ зачаточныхъ тѣлъ совершенно лишенныхъ
Всякаго чувства. Не опровергаетъ того очевидность,
И указанія опыта не убѣждаютъ въ противномъ.
Руководитъ насъ и то и другое, признать заставляя,
Что изъ безчувственныхъ тѣлецъ живыя созданья возникли.
Намъ приходилось видать, что рождаются черви живые
Въ грязномъ навозѣ, когда по причинѣ дождей изобильныхъ,
Мокрая почва приведена вся въ состоянье гніенья.
Кромѣ того мы вещей превращенье всеобщее видимъ.
Такъ превращаются рѣки, лѣса и привольныя пастьбы

Въ стадо скота; превращается въ наши тѣла это стадо.
Также нерѣдко и нашимъ же тѣломъ питаются силы
Дикихъ животныхъ, и силы властителей въ царствѣ пернатомъ.
Въ тѣло живое природа всегда превращаетъ всю пищу
И изъ нея развиваетъ въ живущихъ созданіяхъ чувства,
Не по иному закону какъ тотъ, по которому также
Пламя она производитъ, деревья въ огонь превращая.
Видишь ли нынѣ какое большое значенье имѣютъ
Тѣлъ родовыхъ положенья, порядокъ и тѣ сочетанья,
Вслѣдствіе коихъ движенье другъ другу даютъ и пріемлютъ?

Слѣдую далѣе. Если не вѣришь ты, что происходятъ
Изъ нечувствительныхъ тѣлъ существа одаренныя чувствомъ,
Въ чемъ заключаться должно то, что въ насъ самый духъ потрясаетъ,
Что насъ волнуетъ подчасъ и въ насъ чувства различныя будитъ?

Правда, хотя и смѣшаемъ мы дерево, камни и землю,
Все же однако не могутъ создать они чувства живого.
И не скажу, чтобъ изъ всѣхъ безусловно зачатковъ мгновенно
Чувства возникнуть могли, и созданья снабженныя чувствомъ.
Здѣсь тѣмъ не менѣе надо одно намъ условіе вспомнить:
Прежде всего очень много зависитъ, какъ малы зачатки,
Кои рождаютъ чувствительность и какова у нихъ форма;
Дальше, какія движенья у нихъ, положенье, порядокъ.
Чувства мы вовсе въ дровахъ или въ глыбахъ земли не замѣтимъ,
Все же какъ только они загнивать начинаютъ отъ влаги,
Тотчасъ въ нихъ черви являются, ибо матеріи тѣльца,
Вслѣдствіе новыхъ условій мѣняя свой старый порядокъ,
Такъ сочетаются, что изъ нихъ твари живыя родятся.

Дальше. Кто думаетъ, что изъ чувствительныхъ тѣлецъ родится
Тварь надѣленная чувствами, въ тѣльцахъ признать долженъ мягкость
На основаніи томъ, что, какъ можемъ замѣтить мы, чувство
Связано тѣсно съ утробою, нервами, кровью, а это
Все состоитъ изъ матеріи смертной и мягкой конечно.
Но предположимъ, что тѣльца такія могли бъ быть безсмертны.

Въ случаѣ этомъ, должно ли въ нихъ быть лишь частичное чувство,
Или же цѣльное, какъ и въ животномъ во всемъ его цѣломъ?
Но части тѣла не могутъ вѣдь чувствовать сами собою;
Члены отдѣльныя чувствъ не пріемлютъ совсѣмъ другъ у друга.
Такъ, ни рука, ни иная любая часть нашего тѣла,
Будучи отдѣлена, неспособна хранить въ себѣ чувство.
Намъ остается признать, значитъ, въ тѣльцахъ первичныхъ тѣ чувства,
Кои присущи животнымъ, и жизнь всесторонне объемлютъ.
Можно ль однако же тѣльцамъ такимъ дать названье первичныхъ?
Какъ они смерти избѣгнутъ, когда всѣмъ животнымъ подобны,
И одинаки по свойствамъ съ созданьями смертными всѣми?
Даже когда бъ это было и такъ, то отъ ихъ сочетаній
Не родилось бы ничто, кромѣ множества сходныхъ созданій,
Также какъ разной породы животныя или же люди,
Совокупившись, родитъ въ состояньи себѣ лишь подобныхъ.
Но, можетъ быть, свои чувства теряютъ первичныя тѣльца
И обрѣтаютъ другія? Зачѣмъ же тогда придавать имъ
Свойства, которыя тотчасъ отъемлются? Видѣлъ не разъ я,
Какъ превращаются яйца пернатыхъ въ птенцовъ оживленныхъ,
И наблюдать приходилось, какъ черви кишатъ, когда почва
Вслѣдствіе влаги обильной дождей загнивать начинаетъ.
Такъ что изъ тѣлецъ безчувственныхъ чувства способны возникнуть.

Если мнѣ скажутъ, что чувство способно возникнуть изъ тѣлецъ
Чувствъ не имѣющихъ съ помощью тѣхъ измѣненій лишь, кои
Также какъ роды у самокъ наружу его проявляютъ,
Я удовольствуюсь тѣмъ подтвержденіемъ и разъясненьемъ,
Что не бываетъ родовъ если не было прежде соитья,
Также какъ быть измѣненій не можетъ пока не сойдутся
Первоначальныя тѣльца; и чувствъ не бываетъ у тѣла,
Прежде чѣмъ не рождена въ немъ природа живого созданья.
Какъ ужъ извѣстно, повсюду матерія распространилась
Въ воздухѣ, въ водахъ, въ землѣ и въ огнѣ порожденномъ въ эфирѣ.
Но не тотчасъ по соитіи тѣлецъ межъ ними движенья
Установляются жизнеспособныя, съ помощью коихъ
Жизнь сохраняютъ свою существа надѣленныя чувствомъ.

Дальше. Ударъ настигая живое созданье сильнѣе,
Чѣмъ оно вытерпѣть можетъ, его повергаетъ на землю,
И чувства духа и тѣла приводитъ въ большое смятенье.
Ибо тутъ въ тѣльцахъ первичныхъ нарушено ихъ положенье,
И затрудняются сильно движенія тѣ, что присущи
Жизни, доколѣ матерія вся, потрясенная въ членахъ,
Узы живыя души порываетъ у тѣла, и душу,
Врозь разметавши, чрезъ поры и скважины вонъ выгоняетъ.
Что жъ бы другого ударъ упомянутый могъ еще сдѣлать
Кромѣ такого разгрома и разъединенья всѣхъ связей?

Въ случаѣ томъ, когда съ меньшею силой ударъ настигаетъ,
Превозмогаютъ порой животворныхъ движеній остатки.
Разъ удалось это имъ, то смятенье они унимаютъ
И въ состояніе прежнее возстановляютъ все снова.
Смерти движенья, уже овладѣвшія было всѣмъ тѣломъ,
Вновь исчезаютъ и вновь оживаютъ угасшія чувства.
Гдѣ же иначе причина того, что отъ смерти предѣловъ
Вновь иногда существа возвращаются къ жизни, къ сознанью,
И не дано имъ оканчивать жизни столь близкой къ кончинѣ?

Далѣе. Тамъ ощущаемъ мы боль, гдѣ первичныя тѣльца
Силой какой-нибудь въ нашей утробѣ живой или въ членахъ
Возбуждены, и въ своихъ потревожены гнѣздахъ глубокихъ;
И намъ пріятно, когда они вновь возвратятся на мѣсто.
Значитъ отсюда, что тѣлецъ первичныхъ не можетъ коснуться
Боль никакая, и сладкое чувство для нихъ недоступно,
Такъ какъ они въ свой чередъ не составлены тоже изъ тѣлецъ
Первоначальныхъ, чтобъ боль ощущать съ перемѣной движенья,
Или же плодъ удовольствія сладкій вкушать черезъ это.
Вслѣдствіе этого тѣльцамъ первичнымъ не свойственны чувства.

Если живая вся тварь, потому только чувствовать можетъ,
Что создалася изъ тѣлецъ первичныхъ, въ которыхъ есть чувство,
То каковы же первичныя тѣльца людей особливо?
Истинно стали бъ они хохотать, сотрясаясь отъ смѣха,

И увлажняться могли бъ ихъ рѣсницы и щеки слезами.
Много бъ сумѣли они разсказать о различныхъ предметахъ
И разсуждали бъ о томъ, изъ чего состоятъ они сами.
Такъ какъ первичныя эти тѣла на людей походили бъ,
То, въ свой чередъ, изъ частицъ составныхъ они-бъ сами слагались;
Эти-жь изъ новыхъ частицъ состояли-бъ и такъ безконечно.
Такъ существа, надѣленныя смѣхомъ, словами и мыслью,
Всѣ бы слагались изъ тѣлецъ, снабженныхъ такими жь дарами.
Если намъ кажется предположенье такое безумнымъ,
Если создался нашъ смѣхъ изъ частицъ не могущихъ смѣяться,
Если возможно быть мудрымъ и знанья въ рѣчахъ обнаружить,
И не родясь отъ сѣмянъ просвѣщенныхъ и краснорѣчивыхъ,
То, очевидно, и прочее все, надѣленное чувствомъ,
Можетъ возникнуть изъ сѣмени вовсе лишеннаго чувства.

Всѣ, наконецъ, изъ небесныхъ сѣмянъ родились мы безспорно.
Небо—нашъ общій отецъ. Отъ него плодоносная матерь
Наша сырая земля насыщается каплями влаги.
Злачныя нивы рождаетъ земля и привольныя рощи,
И человѣческій родъ; создаетъ и звѣриное племя;
Пастьбы роститъ, на которыхъ животныя тѣло питаютъ
И, проводя безпечальную жизнь, размножаютъ потомство.
А потому по заслугамъ дается ей матери имя.
Вновь возвращается въ землю, что раньше въ землѣ находилось,
То же, что было ниспослано намъ изъ предѣловъ эѳира,
Снова несется туда и пріемлется въ сводахъ небесныхъ.
Смерть, разрушая всѣ вещи, однако же не убиваетъ
Тѣлецъ первичныхъ; она разлагаетъ лишь связи межъ ними.
Въ связи другія вступаютъ они, черезъ то происходитъ,
Что превращаются формы вещей, измѣняются краски,
И образуются чувства, чтобъ нѣкогда снова погибнуть.
Можно изъ этого видѣть, сколь важно, какіе зачатки
Сходятся вмѣстѣ, въ какомъ положеньи они пребываютъ,
Что за движенья другъ другу взаимно даютъ и пріемлютъ.
Также не думай, что вѣчность первичнымъ тѣламъ не присуща
Лишь оттого, что ихъ шаткость въ вещахъ мы порой замѣчаемъ,

И наблюдать можемъ ихъ появленье и исчезновенье.

Такъ и въ стихахъ моихъ очень большое значенье имѣетъ,
Съ чѣмъ сопоставлено что̀ и въ какомъ помѣстилось порядкѣ.
Вѣдь одинакими буквами обозначаются: небо,
Море, и земли, и рѣки, и солнце, и злаки, и звѣри.
Если не всѣ одинаки тутъ буквы, то большая часть ихъ.
Но измѣняетъ значенье въ словахъ только буквъ распорядокъ.
То же бываетъ съ вещами. Матерія въ нихъ, измѣнивши
Плотность, пути, сочетанія, вѣсъ, столкновенья, движенье,
Соединенья, порядокъ, толчки, положенья, фигуры—
Необходимо должна измѣнить также самыя вещи.

Нынѣ внимательно долженъ ты выслушать истины слово.
Новыя свѣдѣнья съ силой хотятъ тебѣ въ уши проникнуть,
И предъ тобою откроются новые взгляды на вещи.
Но не бываетъ простыхъ такихъ свѣдѣній, кои вначалѣ
Не показались бы для пониманія трудными очень.
Также какъ нѣтъ во всемъ мірѣ вещей удивленья достойныхъ,
Кои впослѣдствіи не перестали-бъ будить удивленье.
Глянь на прекрасныя чистыя краски небеснаго свода,
Гдѣ прикрѣпились блуждающихъ свѣточей ясные сонмы;
Или на солнце и мѣсяцъ, съ ихъ дивнымъ, лучистымъ сіяньемъ.
Если бы все это предъ человѣкомъ открылось впервые,
Взоры его поражая внезапнымъ своимъ появленьемъ,
Что указать бы онъ могъ удивительнѣй этихъ предметовъ,
Въ существованье которыхъ едва бы повѣрили люди?!
Нѣтъ! Ничего! Столь чудеснымъ казалось бы зрѣлище это!
Нынѣ же къ виду такому привыкнувъ, никто не считаетъ
Нужнымъ и взора поднять къ лучезарнымъ пространствамъ небеснымъ.
А потому перестань уклоняться отъ доводовъ, кои
Могутъ тебя новизной испугать, но скорѣе сужденьемъ
Острымъ ты взвѣсь ихъ; и если найдешь, что они справедливы—
Руку мнѣ дай, если жь ложны они, противъ нихъ ополчайся.

Такъ какъ и тамъ, за предѣлами здѣшняго міра, пространство

Всюду лежитъ безъ конца, то изслѣдовать свойственно духу,
Что тамъ такое? Проникнуть туда домогается умъ нашъ
И своевольный, свободный полетъ свой туда направляетъ.

Прежде всего, какъ сказалъ я, нигдѣ, ни въ какомъ направленьи:
Ни наверху, ни внизу подъ ногами, ни вправо, ни влѣво
Не существуетъ границъ никакихъ. Указуетъ на это
Самое дѣло, и суть безконечности то подтверждаетъ.
Вслѣдствіе этого невѣроятнымъ должно почитаться,
Будто бы тамъ, гдѣ простерта кругомъ безконечность пространства,
Тамъ, гдѣ въ безчисленныхъ числахъ бездонная масса зачатковъ
Въ вѣчномъ броженьи находится, вѣчнымъ движеньемъ гонима,
Образовался одинъ только шаръ нашъ земной съ небесами,
И изъ матеріи всей ничего не возникло другого.
А особливо когда мірозданье есть дѣло природы.
Разнообразно, безъ цѣли, порою напрасно и всуе,
Сами собою, случайно первичныя тѣльца встрѣчались
И напослѣдокъ сплотилися въ то, что внезапно, нежданно
Сдѣлалось многихъ великихъ вещей постоянной причиной,
Какъ напримѣръ: небосвода, земли, океановъ, животныхъ.
А потому непремѣнно ты долженъ со мной согласиться,
Что гдѣ-нибудь во вселенной, въ объятіяхъ жадныхъ эѳира
Есть, кромѣ насъ, и другія скопленья матеріи вѣчной.

Далѣе: гдѣ существуетъ запасовъ матеріи столько,
Гдѣ есть довольно пространства и нѣтъ недостатка въ причинахъ,
Тамъ возникать, нарождаться должно что-нибудь непремѣнно.
Если количество тѣлецъ первичныхъ настолько несмѣтно,
Что человѣчества жизни не хватитъ для ихъ исчисленья,
И одинаки природа и силы, которыя могутъ
Всюду въ пространствѣ разбрасывать тѣльпа такимъ же порядкомъ,
Какъ и разбросаны здѣсь они,—то согласиться ты долженъ,
Что существуютъ иные земные міры во вселенной,
Какъ и иной родъ людей и иныя породы животныхъ.

Вещь не бываетъ притомъ вообще никогда одинокой,

И одиноко не родится и не растетъ одиноко,
Но составляетъ всегда часть породы. Въ породѣ же много
Точно такихъ же вещей. Указуетъ нашъ умъ на животныхъ.
Такъ среди горъ наблюдаемъ мы дикихъ животныхъ породу.
Также мы видимъ людей поколѣнья и племя нѣмое,
Чешуеносное рыбъ и воздушное царство пернатыхъ.
Нужно признать намъ поэтому, что, въ свою очередь, небо,
Солнце и мѣсяцъ, земля и моря и другіе предметы
Не одиноки, но ихъ существуютъ безсчетныя числа.
И установлены также границы ихъ существованья,
И точно также они изъ природныхъ веществъ создалися,
Какъ и порода любая, гдѣ особей сходныхъ такъ много.

Если усвоилъ ты это, должна предъ тобою природа
Вѣчно свободной предстать, неподвластной властителямъ гордымъ,
Движимой волей своей, отъ боговъ независимой вовсе.
Такъ какъ—о боги, чьи души святыя объяты покоемъ!
Боги, чьи годы текутъ безмятежно средь радостей жизни!—
Кто же бы могъ необъятной вселенною править? Кто могъ бы
Сдерживать сильной рукой управленья бразды въ этой безднѣ?
Кто бы съ такой равномѣрностью небо вращалъ, и кто могъ бы
Всю нагрѣвать изобильную землю огнями эѳира?
Быть одновременно всюду въ пространствѣ во всякое время?
Тучами тьму наводить, потрясать лучезарное небо
Звуками грома? Кто бъ молнію могъ ниспослать, что порою
Рушитъ и самые своды небесъ и, въ пространствѣ летая,
Выстрѣломъ на-земь несется, при этомъ нерѣдко минуетъ
Грѣшниковъ и незаслуженно честныхъ людей убиваетъ?

Послѣ того, какъ создался весь міръ, какъ впервые возникли
Наша земля и моря и взошло наше солнце впервые,
Много прибавилось тѣлецъ извнѣ. Изъ огромной вселенной
Много примкнуло зачатковъ, летавшихъ вкругъ нашего міра,
Чтобы земля и моря почерпали приростъ свой оттуда,
Чтобъ небеса расширяли чертоги свои, и ихъ своды
Выше еще уносились, и воздухъ наверхъ воздымался.

Каждая вещь получаетъ отъ силы толчковъ свои тѣльца,
Такъ какъ они постоянно къ породѣ своей примыкаютъ.
Влага стремится ко влагѣ, земля изъ земныхъ же зачатковъ
Черпаетъ ростъ свой, огонь изъ огня и эѳиръ изъ эѳира.
Такъ все идетъ здѣсь, пока совершенная матерь природа
Къ зрѣлому возрасту не приведетъ существа, порожденнаго ею.
Это бываетъ когда то, что служитъ поддержкой для жизни
Не превосходитъ того, что отходитъ отъ тѣлъ и спадаетъ.
Всѣмъ существамъ долженъ быть такой возрастъ предѣльный назначенъ,
Гдѣ прекращается силой природы развитье въ дальнѣйшемъ.
Все что, какъ видишь ты, весело здѣсь прибавляется въ ростѣ
И съ постепенностью къ зрѣлому возрасту жизни восходитъ,
Больше пріемлетъ въ себя вещества, чѣмъ долой выдѣляетъ,
Такъ какъ въ сосудахъ питанье свободно течетъ, и сосуды
Столь широко не открыты, чтобъ многое прочь отходило,
И чтобы тратилось болѣе силы, чѣмъ пища приноситъ.
Нужно сказать вообще, что отходитъ и прочь отпадаетъ
Множество тѣлъ отъ существъ, но должно привходить еще больше
Тѣлъ къ нимъ, доколѣ предѣльный ихъ возрастъ не будетъ достигнутъ.
Послѣ того уменьшаются силы и бодрость слабѣетъ,
И остается созданію худшая часть его жизни.
И чѣмъ полнѣй существо, чѣмъ замѣтнѣе въ немъ приращенье,
Чѣмъ, наконецъ, оно шире размѣрами, тѣмъ оно больше
Тѣлецъ теряетъ и съ разныхъ сторонъ отъ себя отлагаетъ.
Пища уже не легко протекаетъ въ сосудахъ; къ тому же
И недостаточно пищи при столь изобильномъ отливѣ,
Чтобы поддерживать жизнь, возмѣщая такія утраты.
Да, справедливо погибнуть должны тѣ предметы, у коихъ
Тѣло тощаетъ и кои ударамъ извнѣ поддаются,
Такъ какъ имъ въ старости ужь никогда не хватаетъ питанья.
Множество тѣлецъ при этомъ на нихъ и извнѣ нападаетъ,
И сокрушаетъ вліяньемъ губительнымъ ихъ непрестанно.
Пища должна обновленіемъ возстановлять всѣ утраты;
Пища должна укрѣплять и поддерживать существованье.
Все понапрасну! Сосуды удерживать больше не могутъ
То, что имъ нужно, и къ службѣ дальнѣйшей природа негодна.

Нѣкогда тѣмъ же порядкомъ и стѣны великаго міра,
Взятыя приступомъ, рухнутъ и кучею станутъ обломковъ.

Нынѣ къ упадку идутъ времена. Истощенная почва
Слабыя силы рождаетъ въ животныхъ, а между тѣмъ раньше
Дикихъ звѣрей отъ рожденья снабжала огромнѣйшимъ ростомъ.
Мнѣнія я не держусь, что породы всѣ смертныя съ неба
По золотому канату спустилися внизъ на поля къ намъ,
И что ихъ создало море съ волнами, біющими въ скалы.
Ихъ породила земля, какъ и нынѣ она ихъ рождаетъ.
Создала также и злаки она; виноградникъ веселый
Собственной силою людямъ въ утѣху она сотворила;
Собственной силой взростила плоды и привольныя пастьбы.
Нынѣ все это растетъ, уступая лишь нашимъ усильямъ.
Мы истомляемъ быковъ, истомляемъ и пахарей силу,
Тупимъ плуги, чтобъ хоть малое вызвать содѣйствіе почвы,
Но постепенно хирѣютъ плоды, а труды возрастаютъ.
Нынѣ, главою качая, вздыхаетъ сѣдой земледѣлецъ,
Какъ онъ великій свой трудъ убиваетъ порою напрасно;
И при сравненьи плохихъ настоящихъ временъ съ временами
Прошлыми часто онъ счастіе предковъ своихъ восхваляетъ.
И виноградарь, что ветхостью лозъ опечаленъ, припомнивъ
Старое время, клянетъ божество и киваетъ на небо.
Часто твердитъ онъ, что древній народъ, благочестія полный,
Въ тѣсныхъ владѣніяхъ все-таки жизнь проживалъ безпечально,
Даже хотя приходилось на каждаго меньше запашки.
Не понимаетъ того онъ, что чахнетъ все мало-по-малу
И направляется къ гробу, подъ бременемъ лѣтъ истомившись.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Содержаніе.

Хвала Эпикуру. Страхъ смерти у людей. Ихъ лицемѣріе и пороки, вызываемые суевѣріемъ. Краткое повтореніе предыдущаго ученія. Разсужденіе о духѣ (разсудкѣ) и душѣ. Духъ есть субстанція матеріальная и представляетъ такую же часть тѣла, какъ и всѣ остальныя. Опроверженіе понятія о духѣ, какъ о гармоніи. Духъ и душа связаны вмѣстѣ, но духъ главенствуетъ. Духъ помѣщается въ средней части тѣла, тогда какъ душа разлита по всему тѣлу. Доказательства тѣлесности духа. Характерныя черты духа, какъ тѣла, и его атомы. Форма и быстрота послѣднихъ. Составныя части духа: Дуновеніе, Теплота, Воздухъ и четвертая безымянная часть, которая можетъ быть названа «душою души». Части эти тѣсно связаны, но всегда какая-нибудь преобладаетъ. Этимъ объясняются темпераменты у животныхъ. Доказательства связи между духомъ и тѣломъ. Возраженіе Демокриту. Духъ и душа родятся и умираютъ одновременно съ тѣломъ.

Тридцать доказательствъ смертности души. Если духъ и душа смертны, то человѣку нечего страшиться смерти. Смерть, напротивъ, устраняетъ всякое горе, такъ какъ по смерти нѣтъ никакого чувства. Смерть есть естественный, а потому и желанный конецъ существованья. Рѣчь природы къ человѣку. Суевѣрія людей о загробной жизни и объясненіе миѳовъ о Танталѣ, Сизифѣ, Данаидахъ, Фуріяхъ, Церберѣ и проч. Всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, долженъ умереть. Примѣры изъ прошлаго. Боязнь смерти неосновательна, такъ какъ она неизбѣжна, и притомъ длительность нашей жизни не прибавитъ намъ новыхъ радостей, не утолитъ нашихъ желаній и не сократитъ времени вѣчной смерти.

О украшеніе Греціи! Ты, что изъ мрака впервые
Свѣточъ познанья извлекъ, объясняя намъ радости жизни!
Вслѣдъ за тобой я иду и шаги свои сообразую
Съ тѣми слѣдами, что раньше стопы твои напечатлѣли.
Не состязаться съ тобой я хочу, но тебѣ съ восхищеньемъ

Слѣдовать только дерзаю. Вѣдь можетъ ли ласточка спорить
Съ лебедемъ? Можетъ ли тѣломъ дрожащій козелъ состязаться
Съ силою той, что являетъ въ ристалищахъ конь быстроногій?
Ты нашъ отецъ, открывающій тайны вещей, ты ученье
Преподаешь намъ отечески. Въ славныхъ твоихъ сочиненьяхъ
Черпаемъ всѣ мы, подобные пчеламъ, что лучшіе соки
Пьютъ изъ цвѣтовъ. Всѣ мы жаждемъ твоихъ золотыхъ изреченій.
Да! золотыхъ и достойныхъ безсмертья всегда и во вѣки.

Ибо какъ только слова твои мудрыя провозгласили,
Что создалася природа вещей не боговъ изволеньемъ,
Сразу исчезли всѣ страхи души, грани міра распались,
И я узрѣлъ, какъ въ пространствѣ пустомъ нарождаются вещи.
Мнѣ вдругъ открылось боговъ существо, и ихъ мирныя сѣни,
Коихъ ни вѣтры не рушатъ, ни тучи обильно дождями
Не поливаютъ, ни снѣгъ, леденѣющій въ сильномъ морозѣ,
Не засыпаетъ, но кои всегда пребываютъ въ покоѣ,
Въ вѣчно прозрачномъ, безоблачномъ и лучезарномъ эѳирѣ.
Всѣми дарами природа боговъ надѣлила. Ничто ихъ
Мира душевнаго ни на мгновенье коснуться не можетъ,
И Ахерузіи пропасть у нихъ впереди не зіяетъ.
Имъ не мѣшаетъ къ тому же земля разглядѣть, что творится
Тамъ, подъ ногами у насъ въ глубинѣ пустоты преисподней.
При обсужденьи вопросовъ такихъ меня трепетъ объемлетъ
Вмѣстѣ съ отраднымъ сознаньемъ, что ты обнаружилъ природу
Силой ума, и что нынѣ она отовсюду раскрыта.

Раньше сказалъ я уже каковы суть зачатки, поскольку
Между собой они разнятся формами, какъ своевольно
Всюду они пролетаютъ, гонимые вѣчнымъ движеньемъ,
И какимъ образомъ могутъ изъ нихъ созидаться предметы.
Съ тѣмъ сообразно я долженъ, мнѣ кажется, духа природу
Какъ и природу души разъяснить здѣсь моими стихами;
И разогнать всѣ тѣ ужасы предъ глубиной Ахеронта,
Что до глубокихъ основъ возмущаетъ всю жизнь человѣка,
Все на землѣ омрачая печальными красками смерти,

Не оставляя ему даже чистой, невинной утѣхи.
Многіе люди толкуютъ, что слѣдуетъ больше бояться
Всякихъ болѣзней и жизни позорной, чѣмъ Тартара Леты;
И будто знаютъ они, что душа состоитъ ихъ изъ крови,
Или дыханья,—смотря по тому какъ имъ кажется лучше,—
А потому не нуждаются въ нашемъ ученіи вовсе.
Рѣчи такія, повѣрь, внушены имъ скорѣе тщеславьемъ,
Нежели тѣмъ, что на дѣлѣ самомъ подтверждается ими.
Будучи изгнаны родиной и убѣгая далеко
Отъ человѣческихъ взоровъ, запятнаны дѣломъ преступнымъ,
Горемъ подавлены, люди тѣ всетаки жить продолжаютъ.
Гдѣ бъ они, жалкіе, ни были, предкамъ поминки справляя,
Черный свой скотъ они въ жертву приносятъ божественнымъ манамъ
Въ честь преисподней, и въ разныхъ печальныхъ событіяхъ жизни
Часто къ религіи рвенія больше еще проявляютъ.
Да, наблюдать человѣка въ бѣдѣ угрожающей надо,
И познавать лишь въ превратностяхъ рока возможно, каковъ онъ.
Только тогда голосъ правды отъ чистаго сердца исходитъ,
Маска срывается прочь, и дѣйствительность лишь остается.

Жадная скупость, затѣмъ, и слѣпое стремленье къ почету
Могутъ принудить несчастныхъ людей преступить за предѣлы
Права, и даже явить себя въ качествѣ слугъ преступленья.
Ночью и днемъ въ непрестанной работѣ находятся люди,
Съ цѣлью добыть положенье высокое. Всѣ эти раны
Жизни ихъ по большинству происходятъ отъ страха предъ смертью.
Стыдъ же позорной молвы и презрѣнье и горькая бѣдность,
Подстерегая людей у могильнаго будто бы входа,
Не совмѣстимы, сдается имъ, съ тихой пріятною жизнью.
Вслѣдствіе этого люди, смущенные ужасомъ ложнымъ,
Думая всѣхъ такихъ бѣдъ избѣжать и отъ нихъ устраниться,
Кровью согражданъ достатки свои пополняютъ; богатства
Жадно скопляютъ они, громоздятъ на убійство убійство,
Съ радостью шествуютъ на погребеніи собственныхъ братьевъ,
И пировать за столомъ у родныхъ своихъ кровныхъ боятся.

Также мы видимъ что часто людей этотъ страхъ изсушаетъ
Завистью: тотъ облеченъ передъ ними могучею властью,
Этотъ у всѣхъ на виду, окруженный блестящимъ почетомъ,
Между тѣмъ сами они въ нищетѣ и во мракѣ влачатся.
Многіе гибнутъ отъ жажды достигнуть статуи и славы,
И до того иногда ужасъ смерти доходитъ, что къ жизни
Ненависть люди питать начинаютъ, и свѣтъ имъ противенъ;
Такъ что себѣ они сами же смерть скрѣпя сердце наносятъ,
Вовсе забывъ, что бѣды ихъ источникъ и есть этотъ ужасъ,
Тутъ приносящій безчестіе, тамъ разрывающій узы
Дружества и до основъ потрясающій ихъ благочестье.
Ибо нерѣдко отчизну и близкихъ родныхъ предавали
Люди, желая избѣгнуть суровыхъ глубинъ Ахеронта.

Часто подобно дѣтямъ, что̀ дрожатъ и вещей всѣхъ боятся
Въ мракѣ ночномъ, и мы также страшимся иного при свѣтѣ.
А между тѣмъ ничего нѣтъ, чего нужно больше бояться
Нежели вымысловъ, ночью дѣтей напугать лишь способныхъ.
Нынѣ не стрѣлами дня, не лучами блестящими солнца,
А разсмотрѣніемъ тщательнымъ и изученьемъ природы
Надо въ разсудкѣ у насъ суевѣрій потемки разсѣять.

Я утверждаю, что духъ (мы зовемъ его также разсудкомъ),
Духъ, содержащій въ себѣ направленье и смыслъ нашей жизни,
Есть только часть человѣка, подобно тому какъ и руки,
Ноги, глаза составляютъ живого созданія части.
Между учеными многими мнѣніе то проводилось,
Будто бы чувство и духъ не находятся въ части извѣстной
Тѣла, но въ тѣлѣ они составляютъ лишь свойство живое.
Это у Грековъ зовется гармоніей, вслѣдствіе коей
Чувство въ насъ есть, но оно ни съ какою не связана частью.
Такъ иногда говорится о добромъ здоровіи тѣла,
Но части тѣла какой-нибудь не составляетъ здоровье.
Также и духу они не отводятъ извѣстнаго мѣста.
Но, мнѣ сдается, отъ истины сильно они отступаютъ.
Можно нерѣдко замѣтить, что тѣло объято недугомъ,

Духъ же сокрытый внутри, остается веселымъ и бодрымъ.
Также мы видимъ нерѣдко обратное: духъ непокоенъ,
А въ свою очередь тѣло все дышетъ прекраснымъ здоровьемъ.
Можно привесть и тотъ случай когда у насъ ноги болѣютъ,
А голова никакой въ то же время не чувствуетъ боли.
Кромѣ того, когда сладкому сну предаются всѣ члены,
И утомленное тѣло лежитъ безо всякаго чувства,
Всетаки нѣчто такое въ насъ есть, что въ то самое время
Дѣйствуетъ многоразлично, и живо въ себѣ восцріемлетъ
И ощущенья отрады и тщетныя сердца заботы.

Чтобы ты уразумѣлъ, что душа расположена въ членахъ,
И не какой-то гармоніей держится въ цѣлости тѣло,
Прежде всего укажу, что съ утратой частей нѣкихъ тѣла
Жизнь тѣмъ не менѣе въ членахъ у насъ остается порою.
Наоборотъ, когда малая доля тепла исчезаетъ,
И изо-рта вылетаетъ въ ничтожномъ количествѣ воздухъ,
Жизнь прекращается, вдругъ покидая всѣ жилы и кости.
Можно понять изъ того, что не всѣ вещества въ нашемъ тѣлѣ
Съ равною силой поддерживать могутъ здоровіе наше.
Болѣе прочихъ веществъ къ сохраненію жизни пригодны
Тѣ, что содержатъ въ себѣ тѣльца теплыхъ паровъ или вѣтра.
Значитъ тепло и живительный вѣтеръ находится въ самомъ
Тѣлѣ у насъ и въ часъ смерти они отлетаютъ изъ членовъ.

Такъ какъ намъ ясно теперь, что, какъ нашего духа природа,
Такъ и природа души составляютъ часть нашего тѣла,
То возврати имъ названье «гармонія», что съ Геликона
Звучныхъ высотъ или съ мѣста иного принесено ими,
И пріурочено къ вещи, дотоль не имѣвшей названья.
Пусть оно Грекамъ останется, ты жь меня выслушай дальше.

Нынѣ скажу я, что духъ и душа тѣсно связаны вмѣстѣ
Между собой и одно существо изъ себя представляютъ.
Но во главѣ стоитъ, такъ сказать тѣломъ всѣмъ правитъ сознанье,
Именно то̀, что зовется обычно разсудкомъ и духомъ.

Въ области средней, въ груди пребываетъ нашъ духъ постоянно.
Здѣсь разгорается трепетъ и страхъ; вокругъ этого мѣста
Радость блаженствуетъ. Значитъ здѣсь духъ, здѣсь разсудокъ ютится.
Части же нашей души по всѣмъ членамъ разсѣяны въ тѣлѣ
И повинуются въ разныхъ движеньяхъ приказу разсудка.
Онъ лишь одинъ въ себѣ смыслъ заключаетъ и самодовлѣетъ,
Даже когда ничего не вліяетъ на душу и тѣло.
И на подобье того, какъ мы боль головы или глаза
Чувствовать можемъ, не чувствуя общаго въ тѣлѣ разстройства,
Такъ же и духъ иногда ощущаетъ большое страданье,
Или же радость вкушаетъ, тогда какъ въ суставахъ и членахъ
Части души впечатлѣній особыхъ совсѣмъ не пріемлютъ.
Если жь однако разсудокъ объемлется страхомъ чрезмѣрнымъ,
То мы замѣтимъ сочувствіе цѣлой души во всѣхъ членахъ:
Потъ выступаетъ обильно и блѣдность по цѣлому тѣлу
Распространяется, рѣчь заплетается, голосъ слабѣетъ,
Блекнутъ глаза, звонъ въ ушахъ раздается и гнутся колѣни.
Мы, наконецъ, замѣчаемъ, какъ трепетомъ духа объяты
Падаютъ замертво люди. Легко заключить намъ отсюда,
Что тѣсно связана съ духомъ душа, что душа, силой духа
Будучи потрясена, повергаетъ на землю все тѣло.

То̀, что нашъ духъ и душа суть тѣлесны, докажутъ намъ тѣ же
Доводы. Иначе какъ бы могли они члены къ движенью
Вынудить, тѣло отъ сна пробуждать, измѣнять выраженье
Лицъ и людьми всѣми править, ворочая ихъ какъ угодно?
Все это быть не могло бы, понятно, безъ прикосновенья:
Прикосновенье же быть не могло бы безъ тѣла. Не правда ль,
Надо признать намъ, что духъ и душа по природѣ тѣлесны?

Дальше мы видимъ, что тѣло и духъ въ направленьи единомъ
Дѣйствуютъ, и заодно ощущенья пріемлютъ другъ съ другомъ.
Если стрѣла, проникая внутрь тѣла, намъ нервы и кости
Сильно задѣнетъ, но не угрожаетъ опасностью жизни,
То вызывается слабость, желаніе томное падать;
И на землѣ уже послѣ паденья разсудокъ въ тревогѣ

Склонность неясную снова подняться являетъ нерѣдко.
Слѣдуетъ, значитъ, признать намъ, что духа природа тѣлесна,
Такъ какъ стрѣлы пораненье ему причиняетъ страданье.

Нынѣ тебѣ разсказать попытаюсь о томъ, какимъ тѣломъ
Намъ представляется духъ, изъ чего онъ и какъ возникаетъ.
Прежде всего укажу я, что духъ въ существѣ очень тонокъ
И изъ мельчайшихъ слагается тѣлецъ. Чтобъ ты убѣдился
Въ истинѣ этой, ты долженъ внимать, что скажу я въ дальнѣйшемъ.
Болѣе быстраго намъ ничего невозможно представить
Нежели предначертанья разсудка, его начинанья.
Такъ что проворнѣе, движется духъ, чѣмъ всѣ вещи другія,
Коихъ природу приходится намъ созерцать постоянно.
Но при такой необычной подвижности духъ непремѣнно
Долженъ слагаться изъ круглыхъ притомъ наймельчайшихъ зачатковъ,
Чтобы могли они двигаться въ силу малѣйшихъ вліяній.
Движется быстро вода и течетъ отъ ничтожной причины,
Ибо она создана изъ малѣйшихъ подвижнѣйшихъ тѣлецъ.
Меда природа, напротивъ, гораздо устойчивѣй будетъ,
И его влаги лѣнивой движенье медлительно очень,
Такъ какъ матеріи общій составъ его сплоченъ тѣснѣе.
И такъ какъ, кромѣ того еще, тѣльца его составныя
Менѣе гладки и тонки, при томъ недостаточно круглы.
Такъ, дуновеніе легкое вѣтра способно разсѣять
Маковыхъ зернышекъ кучу большую до самаго низу;
А между тѣмъ даже Кавру никакъ разметать не удастся
Скопище камней; а значитъ чѣмъ меньше тѣла по объему,
Чѣмъ они глаже фигурой своей, тѣмъ быстрѣй ихъ движенье.
Наоборотъ, чѣмъ крупнѣе тѣла, чѣмъ въ нихъ тяжесть сильнѣе,
И чѣмъ грубѣе они, тѣмъ устойчивость будетъ въ нихъ больше.

Установили мы значить отнынѣ, что духа природа
Черезвычайно подвижна, а вслѣдствіе этого ясно,
Что состоитъ онъ изъ тѣлецъ мельчайшихъ, легчайшихъ и круглыхъ.
Свѣдѣнья эти во всѣхъ отношеніяхъ, милый мой, будутъ
Очень полезны тебѣ, и вполнѣ здѣсь окажутся кстати.

Кромѣ того указуется самой природою духа
Сколь ѐго ткань легковѣсна, какое ничтожное мѣсто
Занялъ бы онъ еслибъ могъ воедино тѣснѣе сплотиться.
Именно: какъ только смерть человѣка надѣлитъ надежнымъ покоемъ,
Какъ только духъ и душа въ существѣ своемъ прочь удалятся,
Ты не замѣтишь, чтобъ тѣло чрезъ то́ въ чемъ нибудь умалилось
Съ смыслѣ объема и тяжести. Смерть оставляетъ у тѣла
Все кромѣ чувства живаго и теплаго вѣянья жизни.
Наша душа составляется тоже изъ самыхъ мельчайшихъ
Тѣлецъ первичныхъ и скрыта въ утробѣ, въ суставахъ, и жилахъ.
А потому, когда вовсе она исчезаетъ изъ тѣла,
Все же размѣры наружные тѣла во всемъ остаются
Неизмѣненными; не умаляется также и тяжесть.
Тѣмъ же путемъ, когда въ Вакховой влагѣ весь спиртъ испарится,
Или же, въ воздухѣ запахъ ея улетучится сладкій,
Или иначе ея вещество свою крѣпость утратитъ,
То по количеству меньше она не покажется взору,
А равнымъ образомъ и не убудетъ нисколько по вѣсу.
Это понятно вполнѣ, такъ какъ множество тѣлецъ мельчайшихъ
Запахъ и вкусъ производятъ въ матеріи каждаго тѣла.
Стало быть ясно отсюда, что сущность души и разсудка
Создана вся, несомнѣнно, изъ тѣлецъ первичныхъ, мельчайшихъ,
Коихъ отсутствіе тяжести не умаляетъ нисколько.

Сущность же духа однако простою считать не должны мы.
Изъ умирающихъ устъ вылетаетъ слегка дуновенье
Вмѣстѣ съ тепломъ, а тепло за собою влечетъ всегда воздухъ
[Нѣтъ теплоты никакой, куда воздухъ бы не былъ примѣшанъ.
Такъ какъ ея вещество весьма рѣдко, то очень понятно,
Что межъ частями ея составными колеблется воздухъ].
Вотъ уже три составныхъ вещества мы открыли у духа.
Но недостаточно ихъ для того, чтобъ создать у насъ чувство,
Такъ какъ изъ этихъ веществъ ни одно возбудить не способно
Чувственныхъ тѣхъ проявленій, которыя умъ направляютъ.
Вслѣдствіе этого необходимо еще тутъ прибавить
Нѣчто четвертое, что никакого названья не носитъ.

Въ мірѣ всемъ нѣтъ ничего подвижнѣе и тоньше чѣмъ это,
И ничего не содержитъ столь гладкихъ и малыхъ зачатковъ.
Это начало четвертое будитъ чувствительность въ членахъ;
Первымъ оно возбуждается вслѣдствіе мелкости тѣлецъ,
А отъ него ужь пріемлютъ движенье тепло съ дуновеньемъ.
Далѣе воздухъ и все остальное приходитъ въ движенье:
Кровь обращается, внутренность вся проникается чувствомъ,
И сообщаетъ въ дальнѣйшемъ костямъ всѣмъ и костному мозгу
Какъ впечатлѣнія сладкія, такъ и страданія жгучесть.
Впрочемъ сюда въ глубину никогда не доходитъ страданье,
И не гнѣздится тутъ, безъ причиненья столь тяжкой болѣзни
Тѣлу всему, что и жизнь не находитъ въ немъ больше пріюта,
И изъ него вылетаетъ душа чрезъ отверстья и поры.
Большею частью снаружи кончаются всѣ потрясенья
Тѣла, и вотъ почему сохранять свою жизнь мы способны.

Я бъ разъяснилъ, какимъ образомъ связаны между собою
Всѣ вещества эти, и каковы имъ присущія свойства,
Но мнѣ препятствуетъ очень въ томъ бѣдность родной нашей рѣчи.
Я постараюсь однако же суть изложить какъ съумѣю.

Тѣльца веществъ четырехъ составныхъ такимъ быстрымъ движеньемъ
Связаны, что невозможно намъ выдѣлить ни одного здѣсь,
И раздѣлить промежутками дѣйствіе общей ихъ силы.
Нѣтъ, существуютъ они какъ различныя силы въ единомъ
Тѣлѣ. Мы видимъ вѣдь, что въ существѣ у живущихъ созданій
Есть теплота, обоняніе, вкусъ, и однако такія
Свойства различныя вмѣстѣ одинъ организмъ образуютъ.
Тѣмъ же путемъ дуновеніе, воздухъ, тепло и та сила,
Что безъ названья, смѣшавшись одно существо образуютъ.
Та безымянная сила начало даетъ всѣмъ движеньямъ,
Вслѣдствіе коихъ являются всѣ побужденія чувства.
И оттого, что она въ существѣ глубоко залегаетъ,
И внѣдрена она въ тѣло намъ больше всего остальнаго,
Мы признавать ее самой душою души нашей можемъ.
И на подобье какъ въ членахъ твоихъ и во всемъ твоемъ тѣлѣ

Силы души вмѣстѣ съ силами духа сокрыты глубоко
Въ видѣ немногихъ притомъ наймельчайшихъ первичныхъ зачатковъ,
Такъ же въ тебѣ самомъ скрыта въ мельчайшихъ первичныхъ зачаткахъ
Та безымянная сила, что душу души составляетъ,
И пребываетъ владычицей полной во всемъ твоемъ тѣлѣ.
Воздухъ, тепло, дуновеніе, между собою смѣшавшись,
Тѣмъ же порядкомъ во всѣхъ нашихъ членахъ должны проявляться.
Преобладаетъ порою одно вещество надъ другими,
Не нарушая, однако, единства въ составѣ нисколько,
Чтобъ теплота не могла отдѣлиться въ немъ отъ дуновенья,
Или отъ воздуха, и этимъ вызвать погибель для чувства.

Преобладаетъ у духа тепло, когда гнѣвомъ пылая
Весь возбуждается онъ и глаза загораются грозно;
А дуновенье холодное свойственно духу при страхѣ.
Трепетъ вселяетъ по членамъ оно, потрясаетъ все тѣло.
И наконецъ миротворнаго воздуха свойства присущи
Сердцу спокойному, и проясняютъ лица выраженье.
Значитъ тепло больше свойственно тѣмъ, у которыхъ жестоко
Сердце, и духъ у которыхъ легко возгорается гнѣвомъ.
Къ этому виду порода могучая львовъ примыкаетъ,
Грудь потрясающихъ грознымъ рыканьемъ и ревомъ ужаснымъ,
И не могущихъ смирить въ себѣ яраго гнѣва порывы.
Хладное вѣянье больше подходитъ къ породѣ оленя,
И въ его сердцѣ студеные токи скорѣй возбуждаетъ.
Вотъ потому у оленя бываетъ дрожаніе членовъ.
Мирное племя быковъ оживляется воздухомъ больше.
Въ очень значительной мѣрѣ они не подвержены вспышкамъ
Гнѣва, который на все налагаетъ туманныя тѣни,
Но они также отъ хладнаго ужаса не цѣпенѣютъ.
Среднее мѣсто отведено имъ между львомъ и оленемъ.

Тоже и въ родѣ людей происходитъ. Какая бъ наука
Имъ ни дала воспитанія, все жь тѣмъ не менѣе въ каждомъ
Первоначальной душевной природы слѣды остаются.
Даже надежды нѣтъ вырвать изъ нихъ всѣ пороки до корня,

Такъ какъ одинъ проявляетъ наклонность къ суровому гнѣву,
Между тѣмъ робость скорѣе присуща другому, а третій
Всѣ приношенія жизни всегда равнодушно пріемлетъ.
Разнообразится сущность людей и въ другихъ отношеньяхъ
Какъ и тѣ нравы различные, что изъ нея вытекаютъ.
Я не могу изложить тебѣ нынѣ началъ всѣхъ сокрытыхъ
И подыскать столь большое количество разныхъ названій
Тѣмъ изъ зачаточныхъ формъ, отъ которыхъ зависитъ различье.
Въ этихъ вопросахъ, мнѣ кажется, только могу подтвердить я,
Что незначительны тѣ проявленья первичной природы,
Коихъ разсудокъ не могъ устранить бы путемъ воспитанья,
Чтобъ проводили мы жизнь свою также достойно какъ боги.

Наша душа, такимъ образомъ, сдержана тѣломъ всецѣло,
И въ свой чередъ она—стражъ и причина здоровія тѣла.
Тѣло съ душею взаимно связуются общностью корней
И разойтись безъ погибели общей для нихъ невозможно.
Духъ и душа по ихъ свойствамъ присущимъ изъ цѣлаго тѣла
Извлечены быть не могутъ безъ полной погибели нашей,
Тѣмъ же путемъ какъ изъ крошекъ душистаго ладана трудно
Запахъ извлечь и при этомъ его существа не разрушить.
Такъ ихъ первичныя тѣльца сплелись уже въ самомъ началѣ
Между собою и одарены такой общею жизнью!
И безъ взаимной другъ другу поддержки, сдается, не могутъ
Духъ нашъ и тѣло въ отдѣльности чувствовать свойствъ имъ присущихъ,
Но въ силу общихъ съ обѣихъ сторонъ побужденій возникли
Чувства живыя, горящія въ сердцѣ у насъ постоянно.

Далѣе, тѣло не можетъ одно безъ души ни родиться,
Ни возрастать, ни по смерти бытье продолжать, очевидно.
Мы замѣчаемъ нерѣдко какъ влага тепло выдѣляетъ,
Ей сообщенное, но оттого она не высыхаетъ
И измѣненій не терпитъ. Не такъ, утверждаю я, члены
Вынести могутъ тотъ случай, когда ихъ душа покидаетъ.
Гибнутъ они совершенно и всѣ обращаются въ тлѣнье.
Въ насъ отъ зачатія самаго тѣло съ душой привыкаютъ

Къ прикосновенью взаимному въ жизненныхъ всѣхъ побужденьяхъ.
Даже скрываясь у матери въ чревѣ и въ членахъ глубоко,
Разъединяться не могутъ они безъ того, чтобъ не гибнуть.
Если причиной одной обусловлена ихъ безопасность,
Ясно, что общее также они естество составляютъ.

Кромѣ того еще, кто отрицаетъ, что въ тѣлѣ есть чувство,
И говоритъ, что душа только, будучи смѣшана съ тѣломъ,
Тѣ производитъ движенья, которыя чувствомъ зовутся,—
Тотъ съ очевидностью борется и противъ истины споритъ.
Иначе чѣмъ доказать, каково въ насъ тѣлесное чувство,
Какъ лишь не тѣмъ, что дѣйствительность намъ указуетъ на дѣлѣ?
Правда, съ утратой души своей тѣло лишается чувства.
Тѣло, однако, теряетъ не то, что присуще во вѣки
Было ему (какъ теряетъ и много другого съ кончиной).

Но утверждать, что глаза ничего будто видѣть не могутъ,
А черезъ нихъ только духъ, какъ чрезъ двери открытыя смотритъ,
Я почитаю безумнымъ и здравому смыслу противнымъ.
(Чувство вѣдь все привлекаетъ и къ нашему взору подноситъ).
Часто мы взоромъ блестящихъ вещей уловить неспособны,
Такъ какъ сіяніе сильное свѣта мѣшаетъ намъ въ этомъ.
Съ дверью того не бываетъ. Отверстья, въ которыя сами
Смотримъ мы, гнету такому подвергнуться не въ состояньи.
Нѣтъ, если вправду твердятъ, что глаза наши суть только двери,
То потерявши глаза еще далѣе видѣть могла бы
Наша душа оттого, что косякъ ей дверной не мѣшалъ бы.

Въ этихъ вопросахъ, однако, отнюдь ты не долженъ повѣрить
Тѣмъ освященнымъ сужденьямъ, что мужъ Демокритъ предлагаетъ,
Будто зачатки отдѣльныя духа отдѣльнымъ зачаткамъ
Тѣла должны соотвѣтствовать, и этимъ связывать члены.
Нашей души родовыя зачатки во много разъ меньше
Нежели тѣ, изъ которыхъ слагается все наше тѣло.
Численность меньше у первыхъ и значитъ разсѣяны рѣже
Въ членахъ они. И одно только предположить намъ возможно:

Сколько въ суставахъ зачатковъ первичныхъ такихъ залегаетъ,
Кои у насъ въ состояньи создать побужденія чувства,
Сколько же мѣстъ занимаютъ души родовые зачатки.
Мы вѣдь не чувствуемъ вовсе, какъ пыль прикасается къ тѣлу,
Какъ и не чувствуемъ также, какъ известь садится на члены, -
Или же ночью туманъ. Мы не чувствуемъ той паутины,
Что на дорогѣ протянута часто и насъ облѣпляетъ,
Ни шелухи пауковъ, что на голову падаетъ нашу,
Ни также перьевъ и пуха, что въ воздухѣ носятся плавно
И по своей легковѣсности медленно падаютъ на земь.
Не ощущаемъ мы ползанья маленькихъ разныхъ животныхъ,
И уловить неспособны отдѣльныхъ шаговъ, что на тѣлѣ
Дѣлаютъ мошки и прочіе виды другихъ насѣкомыхъ.
Вслѣдствіе этого ясно намъ: нужно, чтобъ много зачатковъ
Нашего тѣла пришло въ возбужденье во всѣхъ его членахъ,
Прежде чѣмъ тѣльца души воспринять впечатлѣніе могутъ;
Прежде чѣмъ могутъ они, находясь на большомъ разстояньи,
Вмѣстѣ собраться, сцѣпиться и врозь оттолкнуться взаимно.

Духъ представляетъ главнѣйшій оплотъ нашей жизни;
Больше чѣмъ сила души онъ надъ жизнью господство являетъ.
Въ членахъ безъ силы разсудка и духа не можетъ остаться
Часть никакая души даже самое краткое время,
И она слѣдуетъ духу какъ спутникъ и въ воздухъ несется,
Хладные члены на вѣкъ покидая въ объятіяхъ смерти.
Но остается въ живыхъ тотъ, въ комъ держится духъ и разсудокъ,
Даже когда у него отовсюду отрѣзаны члены.
Такъ что такая колода съ отъятыми членами все же
Жить безъ души продолжаетъ, вдыхая живительный воздухъ.
Если душа не всецѣло, а только въ значительной части
Удалена въ человѣкѣ, онъ жизнь свою все-таки тянетъ.
Такъ, когда глазъ поврежденъ, но зрачекъ невредимымъ остался,
Все жь отъ того человѣкъ не теряетъ способности видѣть.
Можешь ты рѣзать кругомъ, лишь бы яблоко въ цѣломъ глазное
Не повредить и зрачку какъ-нибудь не нанесть пораненья.
(Это послѣднее было бы не безопаснымъ для глаза).

Но если малая средняя часть повредится у глаза,
Тотчасъ закатятся свѣта лучи и наступятъ потемки,
Даже хотя бъ невредимы остались всѣ прочія части.
Вотъ каково отношеніе духа къ душѣ постоянно.

Нынѣ сказать я намѣренъ, что духъ и душа возникаютъ
И умираютъ съ созданьями вмѣстѣ, чтобъ понялъ
Лучше ты мысли, которыя сладкимъ трудомъ мнѣ достались.
Въ пѣснѣ, достойной тебя, попытаюсь тутъ все изложить я.
Соединить воедино названья ты оба здѣсь долженъ;
Такъ что когда говорю я о томъ, что душей называю,
И почитаю подверженнымъ смерти, то это и къ духу
Также относится. То и другое связуется тѣсно.

Прежде всего, какъ сказалъ я, душа состоитъ изъ мельчайшихъ
Тѣлецъ первичныхъ, которыя много разъ меньше,
Нежели тѣльца первичныя влаги, къ примѣру, и тѣльца
Облака или же дыма, при этомъ подвижность ихъ больше.
Въ силу ихъ тонкости легче душа начинаетъ движенье.
(Зрѣлище тучъ или дыма будитъ въ ней ужъ можетъ движенье)
Такъ, напримѣръ, когда въ сонъ погруженные видимъ алтарь мы;
Видимъ, какъ дымъ и пары отъ него поднимаются къ небу,
Это у насъ, безъ сомнѣнія, зрѣлищемъ вызвано прежнимъ.
А потому, если видишь ты, что изъ разбитыхъ сосудовъ
Влага течетъ отовсюду, и что испаряется жидкость,
Что облака и пары исчезаютъ въ воздушномъ пространствѣ,
Вѣрь мнѣ, что также душа исчезаетъ и гибнетъ всецѣло,
Разъ она прочь изъ суставовъ живыхъ человѣка выходитъ,
Легче, быстрѣе еще разлагаясь въ первичныя тѣльца.
Вѣдь если тѣло, разрушившись, или-же сдѣлавшись дряблымъ
Въ силу потери крови уже сдерживать больше не можетъ,
Душу, которая въ немъ заключается будто въ сосудѣ,
Какъ допустить, чтобы могъ ее сдерживать воздухъ тотъ самый,
Что по сравненію съ тѣломъ является болѣе рѣдкимъ?

Кромѣ того, наблюдаемъ мы, какъ заодно съ нашимъ тѣломъ

Духъ нарождается и заодно съ нимъ растетъ и старѣетъ.
Такъ у людей: пока тѣло въ нихъ дѣтское слабо и ноги
Твердо не держатъ ихъ, мысль направляется духомъ нетвердымъ.
Какъ только съ возрастомъ дюжія силы у нихъ разовьются
Станутъ они и сужденіемъ выше и духомъ сильнѣе.
Послѣ того, какъ суровая времени сила разрушитъ
Тѣло ихъ и съ притуплёнными чувствами члены поникнутъ,
Мысль притупляется, бредитъ языкъ и слабѣетъ разсудокъ.
Все пропадаетъ въ нихъ и постепенно долой исчезаетъ.
А потому надлежитъ, чтобы нашей души существо разложилось
Дыму подобно летучему въ вышнихъ пространствахъ воздушныхъ.
Такъ: вмѣстѣ съ тѣломъ родится душа, какъ сказалъ я ужъ выше,
Вмѣстѣ ростетъ и подъ бременемъ старости вмѣстѣ же гибнетъ.

Къ этому надо прибавить, что такъ-же какъ самое тѣло
Видимо терпитъ порою болѣзнь и большое страданье,
Духъ нашъ объемлется трепетомъ, скорбью, печалью и страхомъ.
А потому надлежитъ ему также быть къ смерти причастнымъ.
Такъ же при тяжкихъ страданіяхъ тѣла и духъ нашъ порою
Съ толку сбивается: онъ начинаетъ безумствовать, бредить.
А иногда человѣкъ въ летаргіи тяжелой вступаетъ
Въ сонъ непробудный, сомкнувши глаза, головою поникнувъ.
Тутъ голосовъ онъ ужъ больше не слышитъ и не въ состояньи
Лицъ распознать, что вокругъ его тѣла толпятся, слезами
Щеки свои орошая и къ жизни его призывая.
А потому согласиться намъ надо, что духъ разлагаться
Долженъ, какъ только въ него проникаетъ зараза болѣзни;
Такъ какъ болѣзнь и страданіе суть мастера нашей смерти.
Много смертей предыдущихъ давно насъ къ тому пріучило.

Кромѣ того, когда сила вина въ человѣка проникнетъ
И въ его жилы попавъ возбудитъ въ немъ пыланіе чувства,
То почему происходитъ отъ этого тяжесть всѣхъ членовъ?
Ноги не тверды, языкъ заплетается, взоры блуждаютъ,
Ослабѣваетъ мышленье, икота и брань раздаются
И вообще приключаются прочія слѣдствія пьянства?

Чѣмъ объяснить это, если не тѣмъ, что душа вся въ смятенье
Приведена въ самомъ тѣлѣ отъ дѣйствія крѣпости винной?
Все то, что можно въ смятенье привесть и ввести въ затрудненье,
Обозначаетъ намъ, что съ примѣненіемъ бо̀льшихъ усилій
Можетъ оно и погибнуть, и въ будущемъ жизни лишиться.

Часто мы видимъ, что кто-нибудь, сразу объятый припадкомъ
Тяжкой болѣзни, склоняется на земь, какъ будто сраженный
Молніей. Съ пѣной у рта онъ кричитъ и трепещетъ всѣмъ тѣломъ;
Лежа безъ памяти, вытянувъ члены, онъ корчится, стонетъ,
Дышитъ порывисто, и обезсилѣвъ, совсѣмъ поникаетъ.
Такъ же припадокъ болѣзни, проникнувъ въ суставы, приводитъ
Душу въ смятенье, подобно тому, какъ на морѣ соленомъ
Сила могучая вѣтровъ вздымаетъ бурливыя волны.
Стоны затѣмъ прорываются, такъ какъ страданіемъ члены
Обременяются сильно, и голосовые зачатки
Рвутся наружу чрезъ ротъ и толпою сплоченной несутся
Вонъ по обычному способу и по знакомой дорогѣ.
Что до потери сознанья,—она оттого происходитъ,
Что возмущается духъ и душа, какъ сказалъ я, и силы
Ихъ разсѣваются врозь и дробятся отъ яда болѣзни.
Тамъ же, гдѣ въ корнѣ болѣзнь отвратить удалося, въ сосуды
Тѣла больного опять возвращаются бодрые соки.
Съ ложа болящій встаетъ, поначалу какъ будто шатаясь;
Онъ понемногу приходитъ въ себя и пріемлетъ вновь душу.
Если душа уже въ тѣлѣ подвержена столькимъ болѣзнямъ
И угнетенная въ этакомъ видѣ печальномъ влачится,
Какъ же повѣрить, чтобъ въ воздухѣ вольномъ, лишенная тѣла
Эта душа удержаться могла среди вѣтровъ могучихъ?

То̀ ужь одно, что нашъ духъ можно вылѣчить такъ же какъ тѣло
И поддается искусству врачебному онъ, какъ мы видимъ,
Предзнаменуетъ, что онъ обладаетъ природою смертной.
Кто добивается что-нибудь перемѣнить въ нашемъ духѣ,
Или желаетъ въ другое что-либо внести измѣненье,
Кое-что долженъ прибавить, порядокъ частицъ переставить,

Или, напротивъ, изъять кое-что изъ состава всей массы.
Вещи безсмертныя не допускаютъ такихъ прибавленій,
Равно какъ не допускаютъ, чтобъ что-либо было изъято,
Ибо, мѣняясь въ чемъ-либо, границы свои преступая,
Всякая вещь прекращаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была она раньше.
Значитъ: болѣетъ ли духъ, поддается ли онъ излеченью,
Онъ проявляетъ всѣ признаки смертности, какъ ужъ сказалъ я.
Истина сильно противится всякимъ воззрѣніямъ ложнымъ.
Съ той и съ другой стороны торжествуетъ она надъ неправдой,
Опровергая ее и лазейки ей всѣ преграждая.

Дальше. Мы видимъ порой въ человѣкѣ, какъ жизнь угасаетъ
Мало-по-малу, какъ въ членахъ теряются всѣ постепенно
Чувства живыя. Сначала въ ногахъ у ногтей и у пальцевъ
Гаснетъ чувствительность, далѣе въ бедрахъ, затѣмъ и въ другіе
Члены тихонько проходятъ холодные признаки смерти.
Если души существо распадается въ это же время,
Цѣлости не сохраняя, то должно считать ее смертной.
Можетъ быть думаешь ты, что душа въ состояньи изъ членовъ
Внутрь удалиться, чтобъ сосредоточиться въ мѣстѣ единомъ,
И такимъ образомъ вытянуть всякое чувство изъ членовъ?
Но въ такомъ случаѣ въ мѣстѣ, гдѣ столько души накопилось
Съ черезвычайною силою чувство должно проявляться.
Но не бываетъ того, какъ я раньше сказалъ. Вылетая
Въ клочья душа разрывается, а потому погибаетъ.

Если бы даже признать заключеніе ложное это,
И допустить, что душа внутри тѣла скопляется гдѣ-то,
Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь отнимая частично у смертныхъ созданій,
Все-жь непремѣнно ты долженъ признать, что душа наша смертна.
Что намъ изъ этого: гибнетъ душа, разлетѣвшись ли въ воздухъ,
Или же въ оцѣпенѣнье приходитъ, сомкнувъ свои части,
Если въ самомъ человѣкѣ все больше и больше слабѣютъ
Чувства, а жизни вездѣ остается все меньше и меньше?

Дальше. Разсудокъ есть часть человѣка и въ опредѣленной

Области тѣла находится, точно глаза или уши,
Или же прочіе органы чувствъ, кои жизнь направляютъ;
Но такъ какъ руки, глаза или ноздри, отъ насъ отдѣлившись,
Самостоятельно быть или чувство являть неспособны
И ужь въ короткое время становятся жертвою тлѣнья,
То самъ собою и духъ обойтись неспособенъ безъ тѣла
Смертнаго, въ коемъ содержится духъ этотъ будто въ сосудѣ
Или же будто въ другомъ чемъ-нибудь, что сдается, тѣснѣе
Съ духомъ связуется, такъ какъ пристало къ нему еще больше.

Духъ и душа сохраняютъ къ тому же всѣ силы живыя
И бытіемъ наслаждаются только въ своемъ единеньи.
Тѣла лишившись сама собой наша душа не способна
Произвести никакихъ побужденій живительныхъ. Также
Тѣлу нельзя безъ души пребывать и являть свое чувство.
Также какъ глазъ отдѣленный отъ тѣла и вырванный съ корнемъ
Не въ состояніи видѣть вещей никакихъ уже больше,
Сами собою ни духъ, ни душа ни на что не способны.
Духъ и душа наши вкраплены въ жилы, во внутренность тѣла,
Въ нервы и кости, и сдержаны крѣпко матеріей тѣла.
Тѣльца первичныя ихъ распадаться не могутъ свободно
На разстоянье далекое, и они будятъ совмѣстно
Тѣ проявленія чувства, которыхъ будить ужъ не могутъ,
Вырвавшись въ воздухъ на волю по смерти и тѣла лишившись,
Такъ какъ ничто на подобіе тѣла ихъ болѣе не замыкаетъ.
Сдѣлался бъ воздухъ созданьемъ живымъ, еслибъ могъ удержать онъ
Душу въ себѣ и притомъ сохранить и ея побужденья,
Бывшія въ нервахъ до этого и управлявшія тѣломъ.
А потому ты еще и еще согласиться съ тѣмъ долженъ,
Что съ разложеніемъ общимъ тѣлесныхъ покрововъ, съ отлетомъ
Вздоха послѣдняго, чувство души, какъ и духа погибнетъ,
Такъ какъ и тѣло и духъ на однихъ основаньяхъ возникли.

Но если тѣло живое съ душою разстаться не можетъ
И безъ нея разлагается, запахъ гнилой издавая,
Есть ли сомнѣніе въ томъ, что душа, удалившись въ пространство

Изъ глубины той укромной, какъ дымъ разлетается всюду?
Также могло ли бы тѣло отъ гнилости столь измѣниться,
Если бъ ужь въ самыхъ своихъ основаніяхъ не потрясалось,
И не стремилась душа изъ всѣхъ членовъ его удалиться
Всѣми путями и хóдами, кои находятся въ тѣлѣ
Черезъ отверстья и поры? Изъ этого ты убѣдишься,
Что вылетаетъ душа изъ суставовъ въ разсѣянномъ видѣ,
И что на части она разлагается въ самомъ ужь тѣлѣ,
Прежде чѣмъ вылетѣть вонъ и по воздуху вольному рѣять.

Даже, покуда душа еще въ граняхъ вращается жизни,
Часто ее мы разслабленной видимъ отъ нѣкой причины:
Кажется, будто ей хочется освободиться отъ тѣла.
Видъ человѣка становится вялымъ, какъ будто предъ смертью,
И поникаютъ безсильно всѣ члены въ блѣднѣющемъ тѣлѣ.
Случай такой представляетъ намъ обморокъ, что называютъ
Также потерей сознанья. Дрожитъ человѣкъ въ это время,
Какъ бы стараясь схватиться за нити послѣднія жизни,
Ибо тогда потрясаются силы души и разсудка
И одновременно съ тѣломъ онѣ ослабляются. Такъ что
Будь тутъ ударъ посильнѣй, узы жизни совсѣмъ бы распались.
Какъ сомнѣваться еще, что душа, удалившись изъ тѣла
Прочь на просторъ, обезсилѣвъ и всякихъ покрововъ лишившись,
Не въ состояньи поддерживать жизни не только во-вѣки,
Но сохраниться не можетъ и самое краткое время.

Кажется, не испыталъ умирая никто ощущенья,
Будто совсѣмъ невредимой душа вылетаетъ изъ тѣла;
Будто сперва она къ горлу, а послѣ ко рту подступаетъ.
Нѣтъ, угасаетъ она въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она залегаетъ
Также, какъ гибнутъ всѣ чувства другія на мѣстѣ присущемъ.

Если бы духъ былъ безсмертнымъ, то вѣрь, что при нашей кончинѣ
Онъ не скорбѣлъ бы. Напротивъ, онъ радостно шелъ бы наружу,
Какъ покидаетъ змѣя обветшалую, старую кожу.

Ради чего, наконецъ, никогда пониманье и разумъ
Ни въ головѣ, ни въ ногахъ, ни въ рукахъ не родятся, а только
Въ мѣстѣ единомъ, и области опредѣленной присущи?
Не отъ того ли, что все возникать должно въ мѣстѣ извѣстномъ,
Гдѣ безопасно продлить бы могло оно существованье?
То́ же мы видимъ въ строеніи членовъ другихъ многократно;
И никогда не бываетъ, чтобъ тутъ нарушался порядокъ.
Каждая вещь за другой всегда слѣдуетъ: пламя не можетъ
Произойти изъ потока, а зной—отъ мороза возникнуть.

Кромѣ того еще, если души нашей сущность безсмертна,
Если она отдѣлившись отъ тѣла являть можетъ чувство,
То, полагаю, и пять нашихъ чувствъ подобаетъ признать въ ней.
Ибо иначе никоимъ путемъ мы представить не можемъ,
Какъ послѣ смерти блуждаетъ душа въ глубинѣ Ахеронта.
Въ прежнее время писатели древности и живописцы
Душу себѣ представляли всегда одаренною чувствомъ.
Но допустить невозможно въ душѣ обособленной зрѣнья,
Носа и рукъ, какъ нельзя допустить, чтобы носъ или уши
Сами собою могли проявлять ощущенья живыя.

Въ насъ есть сознанье затѣмъ, что по цѣлому тѣлу разлито
Чувство живое, присущее только живому созданью;
И если сильный ударъ поразитъ наше тѣло въ srединѣ,
Такъ что оно пополамъ на двѣ части должно раздѣлиться,
То также силы души на такія же самыя части
Будутъ раздроблены, и вмѣстѣ съ тѣломъ онѣ распадутся.
А между тѣмъ все, что можетъ на части такія дѣлиться,
Намъ указанье даетъ, что оно въ существѣ не безсмертно.

Такъ, говорятъ, колесница, снабженная лезвіемъ острымъ,
Кровью враговъ обагряясь, тѣла разрѣзаетъ такъ быстро,
Что на землѣ, иногда, можно видѣть еще содроганье
Лезвіемъ срѣзанныхъ членовъ, покуда душа человѣка
Вслѣдствіе скорости той воспринять чувство боли успѣетъ.
Воинъ, всецѣло предавшійся духомъ своимъ дѣлу битвы,

Часто остатками тѣла наноситъ ударъ за ударомъ,
Не сознавая, что лѣвой руки со щитомъ уже больше
Нѣтъ у него, что она лошадьми и колесами смята.
Не замѣчаетъ одинъ среди боя утраты десницы;
Тутъ же другой опереться желаетъ напрасно на ногу,
Что на землѣ ужь лежитъ, сохранивъ еще въ пальцахъ движенье.
И голова, отдѣлившись отъ теплаго тѣла, живого,
Жизнь сохраняетъ въ лицѣ и глазахъ не закрытыхъ, доколѣ
Вся безъ остатка душа не покинетъ ее совершенно.

Если тебѣ есть охота разрѣзать на мелкія части
Длинное тѣло змѣи, угражающей жаломъ дрожащимъ,
И извивающей хвостъ то туда, то сюда, ты замѣтишь,
Какъ всѣ кусочки отдѣльные вслѣдствіе ранъ своихъ свѣжихъ
Корчатся въ мукѣ жестокой и ядъ выпускаютъ на землю;
И какъ передняя часть отъ болѣзненныхъ ранъ и страданій
Злобно на заднюю часть нападаетъ, зубами кусая.
Можешь ли ты утверждать, что во всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ кусочкахъ
Души отдѣльныя есть? Ты пришелъ бы тогда къ заключенью,
Что не одну только душу вмѣщаетъ живое созданье.
Значитъ душа, что единой была, раздѣлилась тутъ вмѣстѣ
Съ тѣломъ самимъ. Потому, несомнѣнно, и тѣло, и душу
Смертными надо считать, такъ какъ могутъ они раздѣлиться.

Кромѣ того еще, если душа по природѣ безсмертна,
Если она внѣдрена въ наше тѣло ужь послѣ рожденья,
То отчего мы не можемъ припомнить, что̀ было съ ней раньше?
И не хранимъ никакого слѣда ея прошлыхъ дѣяній?
Если въ такой уже степени свойства души измѣнились,
Что отъ прошедшаго всякая память изгладилась вовсе,
То, на мой взглядъ, состоянье ея недалеко отъ смерти.
Вслѣдствіе этого должно признать, что прошедшія души
Умерли, тѣ же, что нынѣ живутъ, рождены были снова.

Надо добавить: когда бъ животворныя качества духа
Послѣ того въ насъ влагались, какъ было ужь создано тѣло,

То-есть, когда мы вступили уже чрезъ порогъ нашей жизни,
Не подобало бы имъ заодно съ оболочкою тѣла
И заодно вмѣстѣ съ членами въ самой крови развиваться,
Но въ одиночествѣ существовали бъ они, точно въ клѣткѣ.
(Нужно, чтобъ чувствомъ душа наполняла намъ цѣлое тѣло).
Между тѣмъ, ровно противное намъ говоритъ очевидность.
Ибо такъ тѣсно связуется наша душа со всѣмъ тѣломъ,
Жилами, сердцемъ, костями, что даже зубамъ дано чувство,
Какъ указуетъ ихъ боль и ломóта отъ влаги холодной,
Или же зернышко твердое въ пищѣ, попавшее нà-зубъ.
Такъ что еще повторяю, не слѣдуетъ думать, что души
Суть непричастны къ рожденью, и смерти законовъ избѣгнутъ.
Нѣтъ, надо думать, душа наша такъ не связалась бы тѣсно
Съ тѣломъ, когда бы она въ насъ извнѣ постоянно внѣдрялась.
Но вѣдь при связи столь тѣсной душа не выходитъ изъ тѣла
Несокрушенною и безъ вреда отдѣлиться не можетъ
Прочь отъ всѣхъ нервовъ, костей и другихъ остальныхъ частей тѣла.

Можетъ быть, думаешь ты, что душа, къ намъ извнѣ прилетая,
Вся растекается черезъ проходы по цѣлому тѣлу?
Въ случаѣ этомъ скорѣе еще ей возможно погибнуть.
Тó, что течетъ, разлагаться способно, а значитъ и гибнуть.
Такъ же, какъ пища, вездѣ проходя по суставамъ и членамъ,
Гибнетъ, но тутъ же собой образуетъ природу другую,
Распредѣляться должна и душа по всѣмъ скважинамъ тѣла.
И какъ бы ни были цѣлы нашъ духъ и душа при вступленьи
Въ тѣло рожденное, все же растекшись они, раздробятся,
Ибо частицы, изъ коихъ они составляются, всюду
Черезъ отверстья и ходы по цѣлому тѣлу проходятъ.
Такъ что душа, въ насъ царящая нынѣ, должна бъ созидаться
Тою душою, что раньше погибла, растекшись по членамъ.
Въ силу того мнѣ сдается, что нашей душѣ день рожденья
Свойственно видѣть, а также достигнуть и дня своей смерти.

Кромѣ того, остаются ли въ тѣлѣ умершемъ зачатки
Этой души или нѣтъ? Если въ немъ остаются зачатки

Кое-какіе, то можно-ль безсмертной считать нашу душу,
Предполагая, что можетъ утратить она свои части?
Если же вся цѣликомъ наши члены она покидаетъ,
Такъ что частей отъ нея никакихъ уже не остается,
Какъ объяснить появленье червей въ разложеніи трупа
И столь несмѣтное сонмище всякихъ безкровныхъ, безкостныхъ,
Мелкихъ животныхъ, кишащихъ въ утробѣ гніющаго трупа?

Если ты думаешь будто извнѣ поселяются души
Въ тѣло червей и, притомъ, по особой душѣ въ каждомъ тѣлѣ,
То ты не вникъ, отъ чего это множество душъ собралося
Въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда одна удалилась? Къ тому же
Надобно то въ рузсужденье принять и внимательно взвѣсить,
Что или души червей собираютъ заранѣ зачатки,
Чтобы построить изъ нихъ для бытья своего помѣщенье,
Или въ тѣла ужъ готовыя после вселяются души.
Но для чего бъ это дѣлали души? Къ чему хлопотали бъ?
Надо спросить. Такъ какъ, еслибъ онѣ пребывали внѣ тѣла,
То далеко отъ болѣзней, нужды и мороза витали бъ.
Только вѣдь тѣло одно ото всѣхъ этихъ недуговъ страждетъ,
И много бѣдъ сообщается духу присутствіемъ тѣла.
Но, допустивъ даже мысль, что душѣ будетъ выгодно строить
Тѣло себѣ, непонятно, какъ можно ей это исполнить?
Такъ же входить неспособна душа и въ готовое тѣло.
Иначе бъ съ тѣломъ душа не вязалась столь тѣсною связью
И между ними сочувствія произойти не могло бы.

Далѣе, ради чего такъ присуща жестокость угрюмой
Львиной породѣ, а хитрость лисицамъ? Зачѣмъ у оленей
Бѣгъ замѣчается быстрый и робость природная въ членахъ?
Или все прочее въ этомъ же родѣ? Почто возникаетъ
Все отъ начала вѣковъ сообразно съ природой присущей,
Если не ради того, что отъ свойственныхъ роду зачатковъ
Силы души одновременно съ тѣломъ всегда возрастаютъ?
Если бы духъ былъ безсмертенъ и тѣло мѣнялъ постоянно,
То перемѣшаны были бы нравы и свойства животныхъ.

Часто гирканскій бы песъ избѣгалъ нападенья рогатыхъ,
Робкихъ оленей, равно, какъ по воздуху ястребъ трусливый
Въ страхѣ метался бъ, спасенья ища отъ погони голубки.
Были бы люди безумны, а дикіе звѣри—разумны.

Вовсе неправильно предположеніе, будто мѣняя
Тѣло, душа при безсмертьи своемъ измѣняется также.
Вещь, измѣняясь, должна разложиться, а, значитъ, и можетъ
Вся она гибнуть отъ перемѣщенья порядка въ частицахъ.
Вслѣдствіе этого также душа разлагаться по членамъ
Необходимо должна, чтобы съ тѣломъ совмѣстно погибнуть.

Намъ говорятъ, будто души людей переходятъ въ людей же.
Но я хотѣлъ бы спросить: почему изъ людей умудренныхъ
Выдти бъ могли дураки? Почему неразумны младенцы?
И почему жеребенокъ въ сравненьи съ конемъ столь неловокъ?
Не отъ того ль, что изъ опредѣленныхъ зачатковъ породы
Силы души выростаютъ всегда одновременно съ тѣломъ?
Можно найти, правда, выходъ: въ тѣлахъ-де безсильныхъ внѣдрились
Хилыя души. Но все жъ въ этомъ случаѣ надо признать ихъ
Смертными, такъ какъ онѣ до того измѣняются въ тѣлѣ,
Что вмѣстѣ съ жизнью теряютъ всецѣло и прежнія свойства.

Какъ бы могла одновременно съ тѣломъ душа развиваться,
Крѣпнуть, рости и цвѣтущаго возраста жизни достигнуть,
Если бъ она не была сопричастной ему отъ рожденья?
Ради чего она жаждетъ уйти изъ старѣющихъ членовъ?
Или боится быть запертой въ нѣдрахъ гніющаго трупа?
Или страшится, что старый пріютъ ея при разрушеньи
Сгубитъ ее? Но, вѣдь, гибели нѣтъ для созданій безсмертныхъ.

Далѣе: было бы прямо смѣшно, какъ мнѣ кажется, думать,
Что при рожденьи и случкѣ животныхъ присутствуютъ души.
Будто безсмертныя души въ количествѣ неисчислимомъ
Смертнаго тѣла себѣ ожидаютъ и суетно спорятъ
Между собой, кому слѣдуетъ ранѣе въ тѣло вселиться.

Если онѣ не составили между собой договора,
Что прилетѣвшая раньше душа и внѣдряется раньше
Въ новое тѣло, имъ даже пришлось бы помѣряться силой.

Дальше. Въ эѳирѣ деревья не могутъ расти, а въ соленомъ
Морѣ не можетъ быть облака. Рыбы не станутъ водиться
Въ полѣ. Не можетъ быть крови въ дровахъ или соковъ у камня.
Точно назначено, гдѣ что̀ должно возрастать и водиться.
Также и духа природа не можетъ безъ тѣла возникнуть,
И пребывать независимой вовсе отъ крови и нервовъ.
Если же было бы это возможно, то духъ пріютился бъ
Прежде всего въ головѣ, или выбралъ себѣ помѣщенье
Въ пяткахъ, въ плечахъ и въ любой части тѣла бы могъ зародиться,
Такъ какъ онъ все жь помѣщался бы въ тѣлѣ, какъ будто въ сосудѣ.
Въ силу того же, что духъ постоянно находится въ мѣстѣ
Точно назначенномъ, гдѣ бы возникнуть онъ могъ и развиться,
Смѣло должны признавать мы, что духъ и душа въ своемъ цѣломъ
Существовать и родиться никакъ не могли бы безъ тѣла.
А потому непремѣнно со смертію тѣла погибнуть
Также должна и душа, отдѣлившись отъ цѣлаго тѣла.

Да. Сочетать воедино со смертнымъ безсмертное; думать,
Будто совмѣстныя чувства являютъ они и дѣянья,—
Было бъ безумно. Возможно-ль придумать что-либо различнѣй
И отдаленнѣй одно отъ другого по свойствамъ природы
Нежели то̀, что безсмертно и то̀, что подвержено смерти,
Чтобы ихъ вмѣстѣ заставить сносить всѣ житейскія бури!

Вещи при этомъ, которыя вѣчны, должны непремѣнно
Или въ виду своей плотности противустать всѣмъ ударамъ,
Не допуская, чтобъ что-нибудь внутрь ихъ проникло и этимъ
Ихъ раздробило на мелкія части. Сюда отношу я
Т ѣ л ь ц а   п е р в и ч н ы я, сущность которыхъ указана выше.
Или же въ силу того могутъ вещи во вѣки продлиться,
Что недоступны онѣ для толчковъ. П у с т о т у я причислю
Къ этому роду. Ей чужды удары и прикосновенье.

Вещи безсмертны еще оттого, что вкругъ нихъ нѣтъ пространства,
Гдѣ бы онѣ разложиться на части могли и исчезнуть.
Вотъ такова вѣковѣчная сущность вселенной, внѣ коей
Нѣтъ ни пространства, куда она перемѣститься могла бы,
Ни такихъ тѣлъ, что могли бъ ее силой ударовъ разрушить.
Но какъ сказалъ ужь я, духа природа собой представляетъ
Нѣчто неплотное, ибо повсюду въ него пустота примѣшалась.
Духъ же съ другой стороны и не есть пустота. Недостатка
Не ощущается въ разныхъ тѣлахъ, что возставши, способны
Съ силой на духъ нашъ обрушиться, производя въ немъ смятенье,
Или же какъ-нибудь иначе гибель ему причиняя.
Нѣтъ, наконецъ, недостатка въ такомъ безконечномъ пространствѣ,
Гдѣ бы душа человѣка разсѣять могла свои силы,
Или погибнуть отъ разныхъ иныхъ какихъ-либо условій.
Такъ что не заперты смерти врата и для нашего духа.

Черезвычайно далеко отъ истины предположенье,
Будто бы долженъ нашъ духъ потому почитаться безсмертнымъ,
Что защищеннымъ является онъ отъ вещей смертоносныхъ
Частію тѣмъ, что онѣ до него не доходятъ, а частью
Тѣмъ, что хотя бъ и могли доходить, отступать передъ силой
Нѣкой должны они прежде, чѣмъ вредъ нанести здѣсь успѣютъ.
Не говоря уже, что при страданіяхъ тѣла болѣетъ
Часто и духъ, что о будущемъ мысли его удручаютъ,
Что онъ отъ страха не мало страдаетъ, томится въ заботахъ
И угнетается онъ угрызеніемъ совѣсти. Вспомни
Рядъ исключительно духу присущихъ болѣзней, утрату
Памяти и, наконецъ, погруженье во мракъ летаргіи.

А потому если смертенъ нашъ духъ, то и жизни утрата
Не составляетъ для насъ ничего и пугать насъ не можетъ.
И на подобье того, какъ въ прошедшіе тяжкіе годы
Не сознавали того мы, какъ Пуны, для битвы собравшись,
Землю повсюду неистовымъ шумомъ войны потрясали;
Не сознавали, какъ все содрогалось подъ сводомъ небеснымъ
И изнывало въ сомнѣньи, кому предоставитъ побѣда

Власть надо всѣмъ человѣчествомъ, власть надъ землею и моремъ.
Тѣмъ же порядкомъ, когда мы умремъ, когда духъ нашъ и тѣло,
Коихъ единствомъ мы живы, всѣ связи порвутъ межь собою,
Съ нами уже ничего не случится и чувства не смогутъ
Насъ никакія задѣть, даже если бы перемѣшалось
Море съ землею и небомъ, затѣмъ что въ живыхъ насъ не будетъ.

Даже когда бъ наше тѣло могло проявлять ощущенье
Послѣ утраты души всей и силы живительной духа,
Все-жь это не послужило бы намъ ни къ чему, такъ какъ только
Связью единаго тѣла съ душою мы всѣ существуемъ.
Если бы снова матерія тѣла сплотилась по смерти
И возвратилась къ тому состоянью, въ какомъ она нынѣ,
Если бы одарены свѣтомъ жизни мы были вторично,
Все-таки по существу не коснулось бы это насъ вовсе,
Разъ у насъ порваны воспоминанія нити съ минувшимъ.
Нынѣ изъ насъ вѣдь никто не заботится, чѣмъ до рожденья
Были мы. Равнымъ же образомъ насъ не тревожитъ нисколько
То̀, что со временемъ станетъ съ матеріей нашего тѣла.
При разнородности всякихъ движеній, въ прошедшее время
Бывшихъ въ матеріи, можешь легко ты понять, что зачатки
Раньше не разъ ужь бывали въ такомъ положеньи, какъ нынѣ.
Но нашъ разсудокъ не въ силахъ держать это въ памяти, такъ какъ
Жизни періоды раздѣлены промежутками смерти,
Въ это же время отсутствуютъ всѣ побужденія чувства.

Тотъ, кому въ будущемъ столько тревогъ предстоитъ и несчастій,
Долженъ сносить ихъ и жить, когда горе его постигаетъ.
Между тѣмъ смерть упраздняетъ всѣ бѣды. Она отклоняетъ
Зло то, которое впредь человѣка постигнуть могло бы,
Если бы къ этому времени жилъ онъ на свѣтѣ. А значитъ
Можемъ познать мы отсюда, что смерти бояться не надо.
Тотъ, кого нѣтъ ужь на свѣтѣ, не можетъ бѣдѣ подвергаться.
Разъ ужь безсмертною смертью похищена жизнь человѣка,
То для него это все равно, будто бы онъ не родился.

Между тѣмъ можешь ты встрѣтить порой человѣка, который
Ропщетъ на то, что сгніетъ его тѣло по смерти, иль станетъ
Жертвою пламени, или же пищей для дикихъ животныхъ.
Знай, что не искренне слово его, что таится въ немъ все же
Скрытая сердца заноза, и онъ допускаетъ въ грядущемъ
Нѣкое чувство по смерти, хотя на словахъ отрицаетъ.
Слову не вѣренъ, сдается мнѣ, онъ своему, и не можетъ
Онъ допустить таковой окончательной съ жизнью разлуки,
Но безсознательно мнитъ, что останется нѣчто по смерти.
Тотъ, кто при жизни себѣ представляетъ, какъ въ будущемъ станутъ
Хищные звѣри и птицы по смерти терзать его тѣло,
Самъ сожалѣетъ себя, потому что въ достаточной мѣрѣ
Сущности не отдѣляетъ своей отъ гніющаго трупа.
Видитъ онъ въ трупѣ себя и свои придаетъ ему чувства,
И оттого негодуетъ, что смертнымъ онъ созданъ на свѣтѣ,
Позабывая совсѣмъ, что по смерти его ужь не будетъ,
Чтобы о томъ сокрушаться надъ собственнымъ трупомъ,
Какъ этотъ трупъ разлагается и изнываетъ отъ боли.
Если прискорбно по смерти стать пищей для дикихъ животныхъ,
То я не вижу причинъ, отчего было бъ менѣе тяжко
Сдѣлаться жертвой огня и изжариться въ пламени жгучемъ,
Или въ меду утопать, или зябнуть отъ злого мороза,
Лежа на хладной поверхности камня могильнаго, или
Тяжестью грузной земли, наконецъ, быть придавленнымъ сверху.

«Я не увижу ужь больше свой домъ и жену дорогую!
«Дѣтки мои не сбѣгутся ловить у меня поцѣлуи,
«Что наполняютъ мнѣ втайнѣ отрадою сладкою сердце!
«Я не свершу больше славныхъ дѣяній, что будутъ на пользу
«Мнѣ и роднымъ моимъ! Бѣдный я, бѣдный! Всѣ радости жизни
«День незадачный одинъ вдругъ уноситъ собою». Такъ ропщутъ
Люди всѣ, но въ такихъ случаяхъ позабываютъ, что вовсе
Ихъ тяготить ужь не будетъ желаніе радостей этихъ.
Еслибъ они это поняли и поученіямъ правды
Вѣрили, то отъ заботы и страха избавили бъ душу.
Ты, когда смерть тебя въ сонъ погрузитъ, все дальнѣйшее время

Будешь избавленъ отъ всякихъ невзгодъ и страданій тяжелыхъ;
А между тѣмъ передъ страшнымъ костромъ мы оплакивать будемъ
Тѣло твое, обращенное въ пепелъ, и нашему сердцу
Отдохновенья не будетъ во вѣки отъ тяжкаго горя.
А потому я спросить пожелалъ бы: ужь будто такъ грустно,
Если кто-либо поверженный въ сонъ свой покой обрѣтаетъ,
Что изъ-за этого стоило бъ такъ сокрушаться въ печали?

Именно такъ поступаютъ нерѣдко участники пира.
Чаши съ напиткомъ поднявъ и чело разукрасивъ вѣнками,
Часто они отъ души говорятъ: «Молъ у насъ, у людишекъ,
«Коротки радости! Скоро онѣ безвозвратно насъ кинутъ!»
Будто для нихъ послѣ смерти особой невзгодою будетъ
То, что ихъ жажда измучитъ и тѣло несчастныхъ изсушитъ,
И что ихъ будетъ тревожить не мало другихъ вожделѣній.

Нѣтъ, когда тѣло и духъ одновременно въ сонъ погрузились,
Перестаетъ хлопотать человѣкъ о себѣ и о жизни.
Такъ что, хотя бы нашъ сонъ и во вѣки вѣковъ продолжался,
Насъ вожделѣнье уже никакое не можетъ затронуть.
Все жь, тѣмъ не менѣе, наши первичныя тѣльца во время
Сна удаляются мало отъ чувственныхъ всѣхъ побужденій,
Такъ какъ, отъ сна пробудясь, мы ихъ сызнова возстановляемъ.
Смерть еще меньше, чѣмъ сонъ, оставляетъ у насъ побужденій.
(Если ничто въ состояньи быть меньше чего-нибудь въ свѣтѣ).
Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣльцахъ матеріи слѣдствіемъ смерти бываетъ
Большій еще безпорядокъ, и вновь пробудиться не можетъ
Тотъ, кого разъ остановка холодная смерти постигнетъ.

Если бъ природа сама, наконецъ, подала намъ свой голосъ,
И кого-либо изъ насъ укорила такими словами:
«Смертный! что стало съ тобой? Отчего предаешься ты грусти
«Столь непомѣрной? Почто ты о смерти горюешь и плачешь?
«Если твоя предыдущая жизнь протекала пріятно,
«Если твои наслажденья и радости въ ней не исчезли,
«Точно въ сосудѣ просверленномъ и не пропали безслѣдно,

«То отчего ты, глупецъ, не уходишь, какъ гость насыщенный,
«И равнодушно покоя надежнаго ты не пріемлешь?
«Если же все, что служило утѣхой, истрачено даромъ,
«И ненавистною жизнь тебѣ стала, зачѣмъ ты стремишься
«Далѣе множить то зло, что отрады тебѣ не приноситъ?
«Развѣ не лучше предѣлъ положить и заботамъ и жизни?
«Такъ какъ чего бъ не измыслила я и ни создала дальше,
«Ты не найдешь утѣшенья. Всегда остается все то же.
«Хоть бы подъ бременемъ лѣтъ твое тѣло еще не увяло,
«И не состарились члены пойдетъ все однимъ же порядкомъ,
«Даже когда ты вѣка побѣдишь долголѣтіемъ жизни
«Или, тѣмъ больше, когда умереть ты не долженъ во вѣки».

Что мы отвѣтимъ на это? Не то-ли, что искъ справеддивый
Къ намъ предъявляетъ природа и вѣрно ея обвиненье?
И если кто-нибудь жалкій по поводу смерти тоскуетъ,
Если особенно старецъ скорбитъ удрученый годами,
То не по праву ль бранитъ его и восклицаетъ природа?
«Прорва! уйди со слезами и жалобнымъ воемъ отсюда!
«Не одряхлѣлъ ли ты отъ пресыщенья утѣхами жизни?
«Такъ какъ ты вѣчно желаешь того, чего нѣтъ, презирая
«То, что имѣешь, прошла твоя жизнь безъ довольства и счастья.
«И неожиданно смерть настигаетъ главу твою прежде
«Нежели сытый, довольный способенъ ты съ міромъ разстаться.
«Нынѣ, однако, покинь все, что къ лѣтамъ твоимъ не подходитъ,
«И равнодушно другимъ уступи это, ибо такъ надо».

Думаю были бъ заслужены брань и упреки природы.
Ветхая старость должна уступать постоянно напору
Юности. Нужно, чтобъ все восполнялось одно изъ другого,
И не нисходитъ ничто въ пропасть ада и тартаръ глубокій.
Силамъ матеріи нужно расти въ поколѣньяхъ грядущихъ,
Эти же въ свой чередъ послѣ кончины пойдутъ за тобою.
Сущее нынѣ умретъ, какъ все умерло бывшее прежде,
И непрестанно одно изъ другого родится во вѣки.
Жизнь намъ дается не въ собственность, а во владѣнье на время.

Но оглянись ты на прошлое. Насъ не касается вовсе
Та вереница вѣковъ, что прошла передъ нашимъ рожденьемъ.
Этимъ природа намъ зеркало ставитъ, чтобъ тутъ отразились
Дальнія судьбы грядущихъ временъ послѣ нашей кончины.
Видишь ли что-нибудь страшное тамъ? Или кажется грустнымъ
Это? Не сна ли спокойнаго видъ возстаетъ предъ тобою?

Все, что согласно преданью на днѣ Ахеронта творится,
То несомнѣнно, уже въ самой жизни находится нашей.
Млѣетъ ли Танталъ несчастный отъ страха подъ глыбой утеса,
Гдѣ-то повисшаго въ воздухѣ, какъ намъ толкуетъ сказанье?
Нѣтъ. Но тревожитъ людей въ самой жизни и страхъ безпричинный
Передъ богами, и всякая ихъ устрашаетъ случайность.

Птицы не рвутъ тѣло Титія на берегу Ахеронта.
Да и притомъ, прокопавшись всю вѣчность въ груди его мощной,
Птицы уже для себя ничего въ ней найти не могли бы,
Какъ велико бы тамъ ни было тѣла его протяженье,
И хоть-бы члены его занимали не только лишь девять
Югеровъ, но покрывали бы даже собою всю землю.
Кромѣ того еще вѣчно мученій сносить онъ не могъ бы,
Какъ не могло бъ доставлять его тѣло питанія вѣчно.
Тотъ изъ насъ Титій, котораго недуги страсти любовной
Будто бы коршуны жрутъ и терзаютъ тревоги и бури,
Или котораго мучитъ тоска похотливыхъ желаній.

Также стоитъ и Сизифъ у насъ въ жизни всегда предъ глазами.
Тотъ, кто задумалъ добиться въ народѣ почета и стражи
Ликторской, долженъ съ печалью назадъ отступить побѣжденный;
Такъ какъ стремленіе къ власти есть трудъ безуспѣшный, напрасный
И сопряженный притомъ постоянно съ тяжелой заботой.
Вотъ что и впрямь называется вскатывать силой на гору
Камень, который достигнувъ вершины обратно катится,
И съ быстротой устремляется снова на ровное поле.

Далѣе. Вѣчно питать существо ненасытное духа;

Кучу сокровищъ копить [illegible] льствуясь ими,
Вотъ, полагаю, что значатъ цвѣтущаго возраста дѣвы,
Льющія воду въ бездонный сосудъ, какъ толкуетъ преданье,
И не могущія все же его совершенно наполнить.
Это бываетъ когда временъ года чреда круговая
Намъ безпрестанно приноситъ плоды и другія утѣхи
И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда нашей жизни не можетъ насытить.

Да, въ самомъ дѣлѣ ни Церберъ, ни Фуріи, ни безпросвѣтный
Тартаръ, изъ пасти своей изрыгающій страшное пламя,
Не существуютъ и существовать никогда не могли бы.
Между тѣмъ въ жизни боязнь передъ карою за злодѣянья
Очень значительна. Для наказанья проступковъ бываютъ
Тюрьмы, сверженье преступниковъ внизъ со скалы, заточенье,
Розги, смола, палачи, раскаленныя бляхи и пытки.
Даже безъ этого совѣсть виновная въ скверномъ дѣяньи
Вѣчныхъ уколовъ пугается и бичеванья страшится.
И не предвидитъ она, гдѣ границы такимъ всѣмъ невзгодамъ,
Гдѣ отыскать она можетъ конецъ наказаньямъ жестокимъ.
Мало того, еще совѣсть боится и мукъ послѣ смерти.
Этимъ путемъ у безумцевъ становится жизнь Ахеронтомъ.

Далѣе вотъ еще что ты бъ внушить себѣ могъ между прочимъ.
Свѣтъ созерцать перестали глаза добронравнаго Анка,
Хоть онъ и лучше тебя, нечестиваго, былъ по дѣяньямъ.
Также и множество прочихъ царей и властителей міра
Кончило жизнь, хотя страны большія имъ были подвластны.
Самъ даже тотъ, кто когда-то проникъ черезъ море большое,
Кто проложилъ чрезъ пучины своимъ легіонамъ дорогу,
Кто научилъ проходить по соленымъ волнамъ какъ по сушѣ,
Кто презиралъ всѣ опасности грозныя водной стихіи,
Долженъ былъ свѣта лишиться и выпустить душу изъ тѣла.
Самъ Сципіонъ, молньеносецъ сраженья, гроза Карѳагена,
Предалъ землѣ свои кости, какъ всякій невольникъ безродный.
Да, представители разныхъ наукъ и изящныхъ твореній,
Братья пѣвцы съ Геликона, изъ коихъ безспорно Гомеру

Первенство принадлежитъ,—всѣ погибли какъ прочіе люди.
И, наконецъ, Демокритъ, когда онъ уже въ старости поздней
Сталъ замѣчать, что слабѣть начинаетъ въ немъ сила разсудка,
Самъ добровольно понесъ свою голову смерти навстрѣчу.
Умеръ и самъ Эпикуръ, когда жизненный путь имъ былъ пройденъ;
Онъ, тотъ что геніемъ родъ весь людской превзошелъ и затмилъ всѣхъ,
Какъ затмеваетъ взошедшее солнце всѣ звѣзды въ эѳирѣ!

Будешь ли ты колебаться, досаду являть передъ смертью,
Ты, что живя и лучи созерцая, почти уже умеръ?
Ты, что во снѣ свою жалкую жизнь большей частью проводишь?
Даже во бдѣньи храпишь ты и сны непрестанные видишь,
Свой возбужденный разсудокъ видѣньями тщетно пугая.
И между тѣмъ какъ кидаешься въ стороны ты будто пьяный,
И среди волнъ перемѣнчивыхъ духа блуждаешь въ потемкахъ,
Выяснить не въ состояньи ты то, что во вредъ тебѣ служитъ.
Если бы люди могли распознать и извѣдать, откуда
Тяжесть души происходитъ и что̀ ихъ гнететъ постоянно;
Если бъ постигнуть могли тѣ причины, которыя столько
Муки приносятъ имъ, столькимъ трудомъ удручая имъ сердце;
То не вели бы такъ жизни, какъ видимъ мы большею частью.
Нынѣ не знаетъ никто, чего жаждетъ, но всякій хлопочетъ,
Мѣсто мѣняетъ, какъ будто желая сложить съ себя тяжесть.

Тотъ изъ большого дворца своего убѣгаетъ порою,
Такъ какъ ему тутъ наскучило, но возвращается снова,
Чувствуя также себя и внѣ дома нисколько не лучше.
Этотъ, сорвавшись, махая руками, вдругъ мчится въ помѣстье,
Точно торопится онъ на пожаръ, охватившій постройку,
Но начинаетъ зѣвать, лишь достигнувъ предѣловъ помѣстья.
То погружается въ сонъ, то забвенія ищетъ онъ всюду,
То онъ торопится снова покинутый городъ увидѣть.
Каждый бѣжитъ отъ себя самого, но себя онъ избѣгнуть
Все же не можетъ никакъ. Онъ невольно колеблется, страждетъ,
Такъ какъ больной не способенъ причину болѣзни постигнуть.
Если бъ онъ понялъ причину, то, всякія средства оставивъ,

Сталъ бы учиться онъ знанью природы вещей по началу.
Ибо тутъ дѣло идетъ не о времени жизни короткомъ,
Но о тѣхъ вѣчныхъ порядкахъ, въ которыхъ поставлены будутъ
Люди по смерти, и сущность которыхъ всегда неизмѣнна.

Ради чего, въ заключенье, такая привязанность къ жизни
Насъ трепетать заставляетъ при всякихъ опасностяхъ тяжкихъ?
Все равно жизни конецъ неизбѣжный для смертныхъ настанетъ;
Смерти не можетъ избѣгнуть никто и должны всѣ погибнуть.
Впрочемъ, когда бы мы долѣе жили и въ мірѣ вращались,
Радостей новыхъ уже никакихъ намъ не встрѣтится въ жизни.
Кажется намъ наилучшимъ все то, чего мы не имѣемъ,
Но получивъ это сызнова мы вожделѣть начинаемъ.
Вѣчно въ сомнѣньи мы, что за удѣлъ предстоитъ намъ въ грядущемъ,
Случай какой насъ постигнетъ и гдѣ изъ него будетъ выходъ.

Тѣмъ, что живемъ мы на свѣтѣ, нисколько мы не убавляемъ
Времени смертнаго сна. Оттого, что насъ смерть захватила
Нѣсколько позже, ея продолжительность не сократится.
Даже хотя бъ люди жили въ теченіи многихъ столѣтій,
Вѣчная смерть, тѣмъ не менѣе, той же всегда остается.
Смертный вѣдь сонъ у того, кто предѣловъ на поприщѣ жизни
Только сегодня достигъ, продолжаться не менѣе будетъ
Чѣмъ у того, кто ужь мѣсяцы, годы предъ этимъ скончался.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Содержаніе.

Вступленіе. Оправданіе стихотворной формы изложенія. Происхожденіе различныхъ ощущеній въ тѣлѣ человѣка. Образы вещей (simulacra), какъ чрезвычайно легкія и тонкія оболочки, отдѣляющіяся частью отъ поверхности вещей, частью-же изнутри. Двоякій характеръ образовъ. Одни истекаютъ отъ самыхъ вещей, другіе-же образуются въ воздухѣ самостоятельно. Тонкость образовъ. Ихъ быстрота. Непрерывность ихъ истеченія. Происхожденіе чувства зрѣнія и отношеніе образовъ къ зрительному органу. Объясненіе зеркальныхъ отраженій. Обманы зрѣнія: при желтухѣ, вслѣдствіе дальняго разстоянія. Тѣнь. Кажущееся движеніе предметовъ при нашемъ собственномъ передвиженіи. Обманчивая глубина воды и обратныя отраженія въ ней образовъ. Перспектива портика. Другіе примѣры. Объясненіе всѣхъ такихъ явленій. Непосредственное чувство никогда не лжетъ. Обманъ происходитъ отъ неправильныхъ заключеній разсудка изъ данныхъ, доставляемыхъ чувствами. Происхожденіе остальныхъ внѣшнихъ чувствъ. Звукъ. Матеріальность звука. Доказательства. Отраженіе звука. Эхо. Вкусъ. Разнообразіе пищи, объясняемое строеніемъ тѣла и органовъ у различныхъ животныхъ. Обоняніе. Тѣльца, производящія чувство обонянія исходятъ изъ глубины вещей. Тѣльца образовъ производятъ въ различныхъ животныхъ разныя ощущенія. Примѣръ: левъ и пѣтухъ. Происхожденіе идей изъ образовъ, возникающихъ самостоятельно въ воздухѣ. Эти образы значительно тоньше нежели образы, исходящіе отъ вещей, и потому легко проникаютъ во внутрь до самаго существа духа. Иногда сочетаются образы разнаго порядка—отсюда понятіе о чудищахъ: о Кентаврахъ, о Сциллѣ, о Церберѣ и т. д. Разсудокъ побуждается къ мышленію только благодаря существованію образовъ, также какъ глаза къ зрѣнію. Происхожденіе сновидѣній. Гармонія между представленіями и волевыми актами. Отрицаніе цѣлесообразности въ построеніи органовъ чувствъ. Употребленіе, какое мы дѣлаемъ изъ вещей, не есть ихъ цѣль, а только слѣдствіе нашего къ нимъ отношенія. Движеніе тѣла въ связи съ волей возбужденной представленіями. О сновидѣніяхъ. Причины сна—душа, подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, пришедшая въ смятенье. Связь между характеромъ занятій и сновидѣніями. Вліяніе образовъ на половое чувство. Опасность любовныхъ грезъ и заблужденія влюбленныхъ. Обманчивость представленій подъ вліяніемъ любви. Вліяніе любовной страсти при зарожденіи плода въ женщинѣ. Истинная, счастливая любовь.

Въ темныя дебри, въ поля Піэридъ ухожу я, гдѣ раньше
Не былъ никто. Я источниковъ дѣвственныхъ первый достигну,

Первый изъ нихъ зачерпну и нарву тамъ цвѣтовъ себѣ новыхъ,
Чтобы стяжать для своей головы тотъ вѣнокъ знаменитый,
Коимъ еще до меня никого не украсили Музы.
Прежде всего потому, что о важныхъ вещахъ я толкую,
Души людей отъ оковъ суевѣрья стараясь избавить.
Далѣе, ясныя пѣсни слагая о разныхъ предметахъ
Тьмою объятыхъ, я Музъ обаянье на міръ изливаю.
Это послѣднее, кажется, не лишено основанья.
Я поступаю какъ врачъ. Когда горькій полынь онъ ребятамъ
Маленькимъ дать пожелаетъ, сперва по краямъ свою чашу
Сладкою влагой янтарнаго меда немного онъ мажетъ,
Чтобъ услажденіемъ губъ ихъ неопытный дѣтскій разсудокъ
Ввесть въ заблужденіе. Такъ безъ труда поглощаютъ ребята
Горькій полынный настой, и подобный обманъ не вредитъ имъ,
Наоборотъ еще болѣе возстановляетъ здоровье.
Такъ же и я поступаю. Мое разсужденье для многихъ
Непосвященныхъ покажется скучнымъ; толпа отвернется
Вся отъ него, и я задался цѣлью ученіе это
Въ сладкихъ и звучныхъ стихахъ Піэридъ изложить предъ тобою
И, такъ сказать, его сдобрить поэзіи сладостнымъ медомъ,
Чтобъ хотя этимъ путемъ удалось мнѣ стихами своими
Твой испытующій умъ направлять пока ты не узнаешь
Въ цѣломъ природу вещей и поймешь этихъ знаній полезность.

Я говорилъ ужь о томъ, каковы суть зачатки предметовъ,
Какъ они всѣ различаются между собою по формѣ,
Какъ они носятся вольно, влекомые вѣчнымъ движеньемъ,
И какимъ образомъ могутъ изъ нихъ созидаться всѣ вещи.
Я говорилъ уже, что̀ представляетъ нашъ духъ по природѣ
И изъ чего въ единеніи съ тѣломъ онъ черпаетъ силу;
Какъ разлагается онъ на зачатки отъ тѣла отставши.

Въ томъ, что открою я нынѣ, есть тѣсная связь съ предъидущимъ.
Въ мірѣ есть нѣчто такое, что образомъ вещи зовемъ мы,
Что составляетъ у тѣлъ какъ бы родъ оболочки наружной.
Образы тѣлъ, отдѣлившись, по воздуху всюду летаютъ

И поселяютъ въ насъ ужасы, какъ на яву намъ являясь
Такъ и во снѣ, когда необычайные облики чудищъ
Вдругъ возстаютъ передъ нами, и призраки лицъ опочившихъ
Насъ, угнетенныхъ боязнью, порою отъ сна пробуждаютъ.
Все же не думай, что души изъ тьмы Ахеронта возстали,
Или что тѣни умершихъ проносятся между живыми,
И что отъ насъ оставаться должно кое что послѣ смерти.
Какъ только сущность души отдѣлилась отъ нашего тѣла
Тотчасъ въ насъ все разлагаться должно на первичныя тѣльца.

Я утверждаю теперь, что съ наружной поверхности тѣла
Всякихъ вещей отдѣляются образы ихъ постоянно.
Ихъ называть бы я могъ оболочкой, корою предметовъ,
Такъ какъ имѣютъ тѣ образы сходство съ фигурой и видомъ
Тѣхъ же предметовъ, отъ коихъ въ пространство они отлетаютъ.

Истину эту легко даже слабый разсудокъ восприметъ:
Прежде всего существуетъ не мало вещей, отъ которыхъ
Кое-что вонъ выдѣляется явно, при этомъ: порою
Въ видѣ отдѣльныхъ частицъ—какъ тепло или дымъ при горѣньи,
Или порою какъ кое-что цѣльное;—такъ, для примѣра,
Старую шкурку свою среди лѣта снимаетъ цикада.
Такъ и телята, рождаясь, съ себя оболочку срываютъ.
Тѣмъ же путемъ и змѣя, пресмыкаясь въ кустарникѣ частомъ,
Старый покровъ оставляетъ. Нерѣдко мы можемъ замѣтить
Вѣтки терновника, обогащенныя этой добычей.
Разъ это въ мірѣ бываетъ, то также и прочія вещи
Выдѣлить тонкіе образы могутъ съ поверхности тѣла;
Такъ какъ нельзя объяснить, почему отдѣлялась бы легче
Шкурка цикады, чѣмъ-то, что сравнительно болѣе нѣжно.
Кромѣ того, на поверхности внѣшней предметовъ бываетъ
Множество крошечныхъ тѣлецъ, которымъ легко отдѣлиться,
Прежнюю форму и обликъ предметовъ вполнѣ сохраняя.
Это тѣмъ легче для нихъ, что они не встрѣчаютъ препятствій,
Будучи малы, притомъ расположены въ плоскости крайней.

Мы замѣчаемъ, что много частицъ отъ вещей отлетаетъ,
Не изнутри ихъ,—какъ мною уже было сказано выше,—
Но лишь отъ внѣшней поверхности ихъ, отъ наружной окраски.
Подъ парусами багроваго, желтаго, чернаго цвѣта,
Что надъ театрами укрѣплены высоко на колоннахъ,
И развѣваются въ воздухѣ, это всегда происходитъ.
Цвѣтъ придаютъ паруса эти сходбищу въ зрительномъ залѣ,
Сценѣ, матронамъ, старѣйшинамъ и изваяньямъ безсмертныхъ,
Властно надъ всею толпою окраску свою разливая.
И чѣмъ плотнѣе со всѣхъ сторонъ стѣны театра закрыты,
Чѣмъ сюда менѣе свѣта лучи проникаютъ, тѣмъ больше
Вноситъ сюда пестрота парусовъ красоты и веселья.
Если съ поверхности этихъ полотенъ исходятъ окраски,
Значитъ и образы тонкіе могутъ истечь отъ вещей всѣхъ,
Такъ какъ съ поверхности тѣлъ отдѣляются тѣ и другіе.
А потому существуютъ ужь нѣкіе признаки формъ тѣхъ,
Кои витаютъ кругомъ и сотка̀ны изъ нитей тончайшихъ,
Въ силу чего ихъ въ отдѣльности видѣть никакъ невозможно.

Далѣе, запахи, дымъ, испаренья, тѣла всѣ другія
Въ родѣ того, изъ вещей истекаютъ въ разсѣянномъ видѣ.
Эти тѣла, зародившись внутри, изнутри пробиваясь,
Косвенный путь пролагаютъ, дороги прямой не имѣя,
Черезъ которую можно имъ было бы выйти наружу.
Тонкій же слой, исходящій всегда отъ поверхности красокъ,
Расположенный снаружи на плоскости внѣшней, напротивъ,
При выдѣленіи вовсе не долженъ ничѣмъ разсѣваться.

Изображенія, кои являются намъ постоянно
Въ зеркалѣ, въ водахъ, въ блестящихъ другихъ плоскостяхъ, своимъ видомъ
Будучи на настоящія вещи похожи, конечно
Изъ отдѣлившихся образовъ этихъ должны составляться.
Такъ какъ нельзя объяснить, почему отдѣляться могли бы
Многія тѣльца отъ разныхъ предметовъ въ природѣ скорѣе
Нежели то, что сравнительно съ ними гораздо нѣжнѣе.

А потому существуютъ тончайшіе образы эти,
Схожіе съ формой предметовъ, а порознь невидные глазу.
Но многократно и часто въ зеркальномъ стеклѣ отражаясь,
Образы передаются и нашему зрѣнію также.
Иначе мы не найдемъ объясненья той точности, съ коей
Зеркало намъ представляетъ подобіе каждой фигуры.

Нынѣ ты долженъ узнать, какъ тонка по составу природа
Образовъ этихъ. Первичныя тѣльца ихъ не поддаются
Нашему чувству совсѣмъ. Они меньше гораздо и тоньше
Нежели самое малое, что примѣчать можетъ взоръ нашъ.
Чтобы яснѣе еще ты себѣ могъ представить, какъ тонки
Эти первичныя тѣльца, я вотъ что повѣдаю вкратцѣ.
Я укажу поначалу на нѣкихъ животныхъ, столь малыхъ,
Что уже третья ихъ часть незамѣтна для нашего глаза.
Должно судить изъ того, какъ ничтоженъ размѣръ ихъ желудка,
Какъ невелики комочки сердецъ, ихъ глаза, всѣ ихъ члены,
Всѣ ихъ суставы, а также первичныя тѣльца, изъ коихъ
Сущность души ихъ и духа должны состоять несомнѣнно!
Не понимаешь ли ты, какъ все это ничтожно и мелко?

Дальше возьми ты растенія, что изъ себя испускаютъ
Острые запахи, какъ-то: полынь и цѣлебныя травы,
Пряное Божіе дерево, золототысячникъ горькій.
Стоитъ тебѣ къ одному изъ нихъ даже легко прикоснуться,
Чтобъ убѣдиться, что въ видахъ различныхъ отъ нихъ истекаетъ
Множество образовъ, кои, однако, для чувствъ непримѣтны.
Но сколь ничтожную часть тѣхъ растеній они составляютъ
Можетъ ли кто-нибудь опредѣлить или выразить словомъ?

Но не подумай, однако же, будто въ пространствѣ витаютъ
Только тѣ образы, кои отъ разныхъ вещей истекаютъ.
Нѣтъ, существуютъ такіе, которые сами родятся
И создаются въ томъ небѣ, что воздухомъ мы называемъ.
Тамъ въ высотѣ они носятся въ множествѣ формъ разнородныхъ,
И непрестанно мѣняютъ свой видъ, расплываясь въ пространствѣ,

И всевозможныя тамъ въ небесахъ образуютъ фигуры.
Мы наблюдаемъ вѣдь, какъ облака разростаются въ выси,
Радостный ликъ міроваго пространства собой застилаютъ,
Воздухъ лаская движеніемъ. Часто приходится видѣть
Въ нихъ очертанья гиганта, далеко кладущаго тѣни,
Или высокія горы и скалъ раздробленныхъ обломки.
То они солнцу предшествуютъ, то вслѣдъ за солнцемъ влекутся,
То образуютъ средь тучъ очертанія страшныя чудищъ.

Нынѣ скажу, съ какой легкостью и быстротой истекаютъ
Образы тѣ отъ вещей, непрестанно долой отдѣляясь.
Съ верхняго слоя вещей кое-что постоянно исходитъ.
Тȯ, что онѣ изъ себя выдѣляютъ, на вещи другія
Можетъ попасть и сквозь нихъ проходить,—для примѣра сквозь ткани.
А попадая на твердые камни и дерево, это
Врозь распадается и передать образъ вещи не можетъ.
Но если что-нибудь гладкое, плотное противоставятъ,
По преимуществу зеркало, то происходитъ иное.
Здѣсь невозможно проникнуть насквозь, какъ чрезъ ткань, но распасться
Тоже причины нѣтъ,—гладкость зеркалъ сохраняетъ всю цѣльность;
Вотъ отчего нарождаются образы тутъ передъ нами;
Вотъ отчего съ быстротой величайшей во всякое время
Образъ является, чтȯ-бы предъ зеркаломъ ты ни поставилъ.
Знай же поэтому, что отъ поверхности тѣлъ постоянно
Образовъ тонкая ткань и тончайшій ихъ обликъ исходитъ.
Множество образовъ такъ возникаетъ въ кратчайшее время,
И справедливо считается ихъ зарожденье внезапнымъ.
И на подобье, какъ солнца лучи въ промежутокъ короткій
Всюду должны разлетаться, чтобъ все преисполнить собою,
Тѣмъ же путемъ непремѣнно должны отходить отъ предметовъ
Образы этихъ предметовъ во всякое данное время,
И проноситься во множествѣ всюду, по всѣмъ направленьямъ.
Такъ какъ въ какую бъ мы сторону зеркала ни повернули
Въ немъ отражаются вещи съ такой же окраской и формой.

Часто въ то время, когда небосводъ совершенно прозраченъ,
Вдругъ неожиданно мракъ и смятеніе въ немъ наступаютъ.
Можно подумать, что тѣни всѣ, глубь Ахеронта покинувъ,
Тутъ собрались, чтобъ наполнить пустоты огромныя неба.
Вотъ до чего эти грозныя скопища тучъ, нависая
Съ вышнихъ предѣловъ небесъ, мрачный ужасъ повсюду вселяютъ!
Но какъ ничтожна та часть ихъ, что образы ихъ составляетъ,
Можетъ ли кто-нибудь опредѣлить или выразить словомъ?

Нынѣ въ стихахъ своихъ болѣе сладостныхъ, чѣмъ изобильныхъ
Я передамъ, съ какой скоростью носятся образы эти,
И при полетѣ по воздуху сколь велика ихъ подвижность,
Вслѣдствіе коей въ короткое время они проникаютъ
Очень далеко, куда бы ихъ ни увлекло тяготѣнье.
Краткая пѣснь лебединая лучше, чѣмъ крикъ журавлиный,
Что высоко въ облакахъ аустріальнымъ разносится вѣтромъ.
Прежде всего убѣдиться возможно, что легкимъ и тонкимъ
Всякимъ тѣламъ вообще быстрота подобаетъ большая.
Къ этому роду относятся жаръ и сіяніе солнца,
Въ силу того, что они состоятъ изъ мельчайшихъ зачатковъ.
Эти зачатки, сквозь воздуха слой проникая, не могутъ
Мѣшкать въ пути подъ напоромъ зачатковъ за ними идущихъ.
Свѣтъ пополняется свѣтомъ внезапно и безъ перерыва.
Солнца лучи на подобіе стрѣлъ подгоняютъ другъ друга.
Вслѣдствіе этого нужно, чтобъ образы тѣмъ же порядкомъ
На разстояніе неизмѣримое въ мигъ улетали.
Прежде всего потому, что есть сила, которая сзади
Гонитъ ихъ тѣльца первичныя и издалека толкаетъ.
Кромѣ того въ этихъ образахъ ткань столь неплотна, что даже
Съ легкостью могутъ они проникать сквозь любые предметы;
Могутъ пространство воздушное какъ бы пронизывать на́-сквозь.

Изъ середины предметовъ съ высотъ истекаетъ на землю
Множество мелкихъ частицъ. Напримѣръ, постоянно мы видимъ,
Какъ теплота и лучи, среди дня отдѣляясь отъ солнца,
Вмигъ разливаются всюду въ пространствѣ небеснаго свода;

Какъ по землѣ и по морю они пробѣгаютъ и небо
Все наполняютъ вверху и съ крылатою легкостью мчатся.
Стало быть то, что въ вещахъ расположено въ плоскости внѣшней,
При выдѣленьи не можетъ никоимъ путемъ задержаться.
Развѣ оно не должно относиться скорѣе и дальше,
И пробѣгать многократно въ такое же самое время
То разстоянье, которое солнца лучи пробѣгаютъ?

Опытъ такой еще лучше всего, мнѣ сдается, докажетъ
Сколь велика быстрота при движеніи образовъ этихъ.
Стоитъ лишь зеркало чистое влаги на воздухъ открытый
Вынести, чтобъ при сіяніи звѣзднаго неба мгновенно
Сонмище ясныхъ свѣтилъ міровыхъ здѣсь тотчасъ отразилось.
Развѣ ты не примѣчаешь, какъ быстро изъ далей эѳира
Образы этихъ предметовъ предѣловъ земли достигаютъ?

А потому повторяю еще, что тѣла выдѣляютъ
Образы, кои глаза поражаютъ, и въ насъ возбуждаютъ
Зрѣніе. А отъ извѣстныхъ вещей выдѣляется запахъ,
Также какъ холодъ отъ рѣкъ, какъ отъ солнца тепло, а отъ моря
Мощный прибой, размывающій часто прибрежныя зданья.
Безъ остановки по воздуху всякіе звуки несутся;
Въ ротъ, наконецъ, попадаетъ при нашихъ прогулкахъ близь моря
Влага соленаго вкуса; когда же настойку полыни
Изготовляютъ при насъ, то во рту ощущаемъ мы горечь.

Каждая вещь изъ себя такимъ образомъ вонъ выдѣляетъ
Нѣчто такое, что носится всюду по всѣмъ направленьямъ;
И при такомъ выдѣленіи нѣтъ никакихъ перерывовъ,
Такъ какъ мы безостановочно чувствуемъ и постоянно
Видимъ и нюхаемъ вещи и слышимъ порою ихъ звуки.

Кромѣ того, прикасаясь въ потемкахъ къ различнымъ предметамъ,
Мы тоже самое въ нихъ признаемъ, что при помощи зрѣнья
Мы среди бѣлаго дня различаемъ. Поэтому нужно,
Чтобъ осязанье и зрѣнье причиной одной вызывались.

Если, допустимъ, къ фигурѣ квадратной во тьмѣ мы коснемся
И впечатлѣнье квадрата получимъ, то что же иное
Можетъ при свѣтѣ представиться кромѣ фигуры квадрата?
А потому, какъ мнѣ кажется, нашего зрѣнья причина
Въ образахъ этихъ лежитъ, и безъ нихъ неспособны мы видѣть.

Нынѣ тебѣ говорю я, что образы всякихъ предметовъ
Всюду проносятся и пролетаютъ по всѣмъ направленьямъ.
Истинно: такъ какъ мы зрѣть въ состояніи только глазами,
То и понятно, что тамъ лишь, куда мы глаза обращаемъ,
Можемъ мы видѣть предметы, прельстившись окраской и формой.
Образы также даютъ намъ возможность узнать разстоянье,
Въ коемъ находится вещь, и ее отъ другихъ всѣхъ отличить.
Такъ какъ въ движеньи они предъ собою толкаютъ и гонятъ
Воздухъ, который находится между глазами и вещью.
Весь этотъ воздухъ тотчасъ устремляется къ нашему взору
И, потихоньку зрачки задѣвая, въ глаза проникаетъ.
Вотъ почему происходитъ, что можемъ мы видѣть какъ близко
Каждая вещь отстоитъ. Чѣмъ движеніе воздуха больше
И чѣмъ длиннѣй тотъ воздушный потокъ, что зрачки задѣваетъ,
Тѣмъ удаленнѣй отъ насъ будетъ каждый предметъ намъ казаться.
Это творится съ большой быстротой, посему происходитъ,
Что одновременно видимъ мы вещи и ихъ разстоянье.

При обсужденьи вопросовъ такихъ удивляться не должно,
Что мы не можемъ въ отдѣльности видѣть тѣхъ образовъ, кои
Взоръ поражаютъ нашъ, видимъ же мы только самыя вещи.
Такъ, когда вѣтеръ слегка на насъ дуетъ, когда насъ пронзаетъ
Холодъ жестокій, то мы ощутить никакими путями не можемъ
Каждой отдѣльной частицы въ томъ холодѣ или же вѣтрѣ.
Нѣтъ, въ совокупности всей мы ихъ чувствуемъ. Кажется, будто
Нашему тѣлу сторонее тѣло наноситъ удары,
Съ помощью коихъ извнѣ намъ даетъ о себѣ представленье.
Кромѣ того еще, если мы трогаемъ пальцами камень,
То прикасаемся къ самой поверхности, къ внѣшней окраскѣ.
Но осязаньемъ мы краски не чувствуемъ, чувствуемъ только

Твердость, присущую камню до нѣдръ его самыхъ глубокихъ.

Нынѣ узнай, отчего по ту сторону зеркала образъ
Намъ представляется; (образъ во внутрь отодвинутымъ будто
Кажется намъ)—нѣчто сходное съ тѣмъ, когда мы созерцаемъ
Вещи какія-нибудь на дворѣ, чрезъ открытыя двери,
И изнутри наблюдаемъ за тѣмъ, что творится наружу.
Зрѣнья лучи раздѣляются на двѣ воздушныя части:
Первая та, что является намъ по сю сторону двери,
Изъ за которой мы справа и слѣва наружныя вещи
Видимъ; другая же та, что извнѣ поражаетъ намъ зрѣнье,
И обнимаетъ тѣ вещи, что мы на дворѣ замѣчаемъ.
Образъ вещей отражается въ зеркалѣ тѣмъ же порядкомъ.
Къ нашему взору стремясь, этотъ образъ толкаетъ и гонитъ
Воздуха столбъ, что находится тутъ между нимъ и глазами.
Вотъ отчего происходитъ, что раньше мы видимъ тотъ воздухъ,
Нежели зеркало. Но въ тотъ-же мигъ, какъ мы зеркало видимъ,
Образъ отъ насъ исходящій до глади зеркальной доходитъ,
И, отразившись въ немъ, вновь возвращается къ нашему взору,
И струю новую воздуха передъ собою толкаетъ.
Эту послѣднюю видимъ мы прежде чѣмъ образъ, а значитъ
Образъ намъ въ зеркалѣ кажется на отдаленьи извѣстномъ.
Вслѣдствіе этого мы не должны удивляться нисколько
Изображеніямъ, кои даются поверхностью зеркалъ;
Это является дѣломъ двоякихъ воздушныхъ теченій.

Тѣ части тѣла затѣмъ, что у насъ расположены справа,
Въ зеркалѣ будутъ являться намъ слѣва всегда, потому что
Образы, встрѣтившись съ плоскостью зеркала и отразившись,
Не возвращаются безъ измѣненія къ намъ, но въ обратномъ
Видѣ намъ кажутся. Такъ если кто-нибудь маску изъ глины,
Прежде чѣмъ дать ей просохнуть, ударитъ о столбъ или стѣну,
И, сохраняя при этомъ у маски всю цѣльность фигуры,
Вывернетъ лишь на изнанку черты всѣ ея, то увидитъ,—
Что у нея вмѣсто праваго глаза окажется лѣвый,
А вмѣсто лѣваго глаза, напротивъ, очутится правый.

Образъ предмета, изъ зеркала въ зеркало передаваясь,
Можетъ здѣсь пять или шесть такихъ образовъ вызвать порою.
И въ этомъ случаѣ все, что во внутреннихъ скрыто покояхъ,
Какъ-бы глубоко въ косомъ направленьи оно ни лежало,
Можетъ быть извлечено чрезъ кривые проходы жилища
Съ помощью нѣсколькихъ зеркалъ, и видимо такъ-же какъ вещи,
Тутъ-же стоящія. Вотъ какъ изъ зеркала въ зеркало образъ
Передается! Все лѣвое тутъ отразится направо,
Но отразившись вторично видъ прежній свой вновь принимаетъ.

Далѣе, есть зеркала съ боковыми притворами, кои
Наклонены сообразно съ наклонами нашего тѣла,
И оттого передать всякій образъ нашъ правильно могутъ.
Тутъ или передается изъ зеркала въ зеркало образъ,
Такъ что доходитъ до насъ онъ въ двойномъ отраженіи, или
Самый наклонъ того зеркала такъ здѣсь на образъ вліяетъ,
Что на пути своемъ перевернуться онъ долженъ обратно.

Образъ является въ зеркалѣ вмѣстѣ-же съ нами; при этомъ
Дѣлаетъ съ нами шаги, повторяетъ всѣ наши движенья,
Такъ какъ вѣдь каждое зеркало въ той его части, отъ коей
Мы отошли прекращаетъ тотчасъ отражать въ себѣ видъ нашъ.
Все по законамъ природы подъ тѣмъ-же угломъ отражаться
И отклоняться должно, подъ какимъ предъ зеркалами встало.

Далѣе, взоръ уклоняется нашъ отъ блестящихъ предметовъ.
Солнце слѣпитъ тебя, если къ нему ты глаза поднимаешь,
Такъ какъ великая сила присуща ему и несутся
Съ натискомъ образы внизъ отъ него черезъ воздухъ небесный.
Кромѣ того нестерпимый блескъ солнца порой воспаляетъ
Наши глаза оттого, что оно заключаетъ не мало
Огненныхъ тѣлецъ, глазамъ причиняющихъ боль и страданье.
Людямъ, болящимъ желтухою, кажутся всякія вещи
Желтыми, такъ какъ отъ этихъ людей истекаетъ не мало
Желтыхъ зачатковъ, которые къ образамъ всѣмъ прилипаютъ.
Да и ктому-же въ глазахъ появляется много такого,

Что покрываетъ всѣ вещи какой-то окраскою желтой.

Сидя въ потемкахъ мы видѣть способны предметъ освѣщенный,
Такъ какъ здѣсь прежде всего проникаетъ въ глаза наши темный
Воздухъ окрестный, и раньше проходы въ нихъ всѣ занимаетъ.
Послѣ того-же немедленно свѣтлый къ намъ воздухъ доходитъ,
И очищаетъ какъ будто глаза, прогоняя отсюда
Тѣни всѣ черныя, въ силу того, что во всѣхъ отношеньяхъ
Онъ подвижнѣе и тоньше и тѣльца въ немъ болѣе гладки.
Какъ только въ нашихъ глазахъ всѣ проходы наполнятся свѣтомъ
И всѣ пути тутъ раскроются, раньше объятые тьмою,
Тотчасъ войдутъ туда образы всѣхъ освѣщенныхъ предметовъ,
Кои въ глаза намъ бросаются, такъ что мы можемъ ихъ видѣть.
Наоборотъ-же не можемъ мы со-свѣту видѣть въ потемкахъ,
Ибо воздушный составъ вслѣдъ за свѣтомъ идущаго мрака
Гуще значительно. Мракъ наполняетъ собою всѣ ходы
И замыкаетъ пути всѣ въ глазахъ нашихъ; такъ что не могутъ
Образы тьмою объятыхъ вещей возбудить здѣсь движенья.

Башни четыреугольныя города кажутся взору
Издали круглыми. Это всегда оттого происходитъ,
Что всякій уголъ вдали представляется намъ притупленнымъ,
Или что мы его не замѣчаемъ. Угла впечатлѣнье
Гибнетъ для глаза; оно не доходитъ до нашего взора,
Въ силу того что у образовъ, къ намъ доходящихъ чрезъ воздухъ,
Живость теряется отъ постояннаго тренья о воздухъ.
Такъ что, гдѣ уголъ такой недоступнымъ становится зрѣнью,
Кажется, будто бы видимъ мы круглое скопище камней.
Но не вполнѣ это кажется круглымъ, какъ ближнія вещи,
А представляется только неяснымъ подобіемъ круга.

Кажется, будто при солнцѣ шевелится тѣнь и за нами
Слѣдуетъ всюду она, подражая всѣмъ нашимъ движеньямъ.
(Можетъ быть вѣришь ты, что освѣщенье утратившій воздухъ
Можетъ ходить, повторяя движенія всѣ человѣка;
Такъ какъ вѣдь то, что обычно у насъ называется тѣнью,

Можетъ ли быть чѣмъ инымъ, какъ не воздухомъ, свѣта лишеннымъ?)
Да, несомнѣнно, когда мы идемъ, то въ извѣстномъ порядкѣ
Свѣта лучи заслоняемъ, мѣшая имъ падать на землю,
Но они вновь наполняютъ то мѣсто, откуда ушли мы.
А потому намъ сдается, что тѣнь, ниспадая отъ тѣла,
Сопровождаетъ насъ всюду съ одной стороны постоянно.
Новые свѣта лучи проливаются вѣчно на землю,
Старые жъ гибнутъ, какъ шерсть, коей нитку сквозь пламя мы тянемъ.
Значитъ не трудно отнять у земли лучи свѣта и снова
Ихъ возвратить, и при этомъ разсѣять всѣ черныя тѣни.

Но, чтобъ глаза наши тутъ погрѣшали, мы не допускаемъ.
Свойственно имъ замѣчать, только есть ли тутъ свѣтъ или тѣни.
Но тотъ же самый ли свѣтъ, та же самая-ль тѣнь, что и прежде,
Въ данное время сопутствуя намъ, предъ глазами проходитъ,
Или же все происходитъ какъ я объяснилъ уже выше—
Этотъ вопросъ разрѣшить надлежитъ одному лишь разсудку.
Наши глаза познавать не умѣютъ природу предметовъ,
А потому не навязывай имъ заблужденій разсудка.

Такъ, когда на кораблѣ мы идемъ, намъ сдается—стоитъ онъ,
Все же, что въ пристани есть, представляется мимо бѣгущимъ.
Кажется, будто къ кормѣ набѣгаютъ холмы и долины,
Мимо которыхъ, надувъ паруса, направляемъ мы судно;
Кажется, будто созвѣздія всѣ, пригвожденныя къ небу,
Остановились, межь тѣмъ какъ они въ постоянномъ движеньи,
Такъ какъ восходятъ они и должны далеко закатиться,
Ясное тѣло свое протащивъ черезъ цѣлое небо.
Тѣмъ же порядкомъ недвижными кажутся солнце и мѣсяцъ,
Но, что они подвигаются, дѣло само указуетъ.
Горы, что вверхъ возстаютъ средь пучинъ далеко другъ отъ друга,
Такъ что межь ними есть выходъ свободный для цѣлаго флота,
Намъ представляются издали соединенными вмѣстѣ;
Кажется, будто сцѣпились онѣ въ одинъ островъ громадный.
Дѣтямъ же, послѣ того, какъ они перестали кружиться,
Кажется, будто бы вертится зданіе все и колонны

Ходятъ кругомъ, а порою едва ихъ возможно увѣрить,
Что не грозитъ имъ нисколько своимъ разрушеніемъ крыша.

Въ пору, когда по утрамъ изъ-за горнаго кряжа природа
Трепетный свѣтъ красноватой зари воздымать начинаетъ,
Часто тебѣ представляется будто бы самое солнце
Пламенемъ жаркимъ своимъ прикасается къ горнымъ вершинамъ,
Кои отъ насъ отстоятъ на двѣ тысячи выстрѣловъ лука,
Или едва на пять тысячъ пролетовъ метательныхъ копій.
Между горами и солнцемъ однако же тянутся глади
Моря безбрежнаго, подъ необъятнымъ просторомъ эѳира;
Тянутся многія сотни и тысячи странъ, населенныхъ
Множествомъ разныхъ племенъ и породами разныхъ животныхъ.

Далѣе, лужа воды, глубиною не болѣе пальца,
На мостовой между камнями улицъ скопившись порою,
Видъ подъ землей открываютъ намъ столь же большой, необъятный,
Какъ и зіяющій сводъ надъ землей вознесеннаго неба.
И представляется намъ, будто тутъ подъ землею мы видимъ
Тучи и все вообще, что таитъ въ себѣ дивное небо.

Если въ срединѣ потока нашъ конь остановится борзый,
И въ это время посмотримъ мы въ быстротекущія воды,
То мы увидимъ коня въ нихъ, стоящаго кверху ногами,
И съ быстротой уносимаго волнами противъ теченья.
Такъ же куда бъ мы ни кинули взора намъ будетъ казаться,
Будто всѣ вещи плывутъ и несутся такимъ же порядкомъ.

Портикъ возьми, наконецъ, представляющій ходы прямые,
И состоящій притомъ изъ колоннъ одинакихъ повсюду.
Если же вдоль поглядѣть отъ какой-нибудь точки предѣльной,
Кажется, что постепенно сужается портикъ тотъ въ конусъ:
Крыша склоняется къ полу, сближается правый бокъ съ лѣвымъ
Вплоть, пока все тутъ къ вершинѣ конической въ немъ не сойдется.

Такъ корабельщикамъ кажется на морѣ, будто бы солнце

Всходитъ изъ волнъ и заходитъ, лучи свои въ волнахъ скрывая;
Вѣдь ничего моряки кромѣ моря и неба не видятъ,
А потому не подумай, что ихъ обмануло тутъ чувство.
И для незнающихъ моря суда, что на якорѣ стали,
Кажутся очень непрочными и поврежденными бурей,
Такъ какъ тѣ части у веселъ, которыя вверхъ выдаются
Здѣсь надъ поверхностью, прямы и правильна часть кормовая.
Но вся подводная часть представляется сломанной, будто
Нѣсколько кверху отогнутой и выпираемой кверху,
Такъ что сдается она близь поверхности плаваетъ самой.

Въ пору ночную, когда облака разгоняются вѣтромъ,
Намъ представляется, будто блестящіе свѣточи неба
Поверху, какъ бы навстрѣчу идутъ облакамъ и при этомъ
Вовсе не тѣми путями, какими идти надлежитъ имъ.

Далѣе: если ты руку къ глазамъ поднесешь и немного
Снизу надавишь ихъ, то образуется чувство, какъ будто
Все, что ты видишь, въ двойномъ предъ тобою является видѣ.
Видишь въ свѣтильникахъ какъ разгорается пламя двойное
Видишь въ жилищѣ своемъ какъ двоится домашняя утварь,
Какъ у людей появляется по два лица, по два тѣла.

А когда сонъ повергаетъ въ безчувствіе всѣ наши члены,
И наше тѣло объято всецѣло полнѣйшимъ покоемъ,
Намъ представляется будто мы бодрствуемъ, будто бы члены
Движутся наши и будто бы ночью, во тьмѣ непроглядной,
Солнца лучи созерцаемъ мы и освѣщенье дневное.
Кажется, что передъ нами смѣняются рѣки и горы,
Небо и море, что мы чрезъ поляны шагаемъ ногами,
Что средь безмолвія ночи всеобщаго слышимъ мы звуки
И на вопросъ отвѣчаемъ, хотя мы молчимъ въ это время.

Въ этомъ же родѣ встрѣчается множество странныхъ явленій,
Кои хотятъ подорвать какъ бы наше довѣріе къ чувствамъ.
Но понапрасну все то. Большей частью насъ вводятъ въ ошибку

Тѣ заключенья разсудка, которыя вносимъ мы въ чувство,
Такъ что мы чувствуемъ тò, чего чувства намъ не указуютъ.
Но ничего нѣтъ труднѣй, какъ изъ вещи, вполнѣ очевидной,
Выдѣлить тѣ заблужденья, которыя вноситъ разсудокъ.

Тотъ же, кто думаетъ, что ничего онъ не знаетъ, не знаетъ
Также возможно-ль познать что-нибудь при подобномъ незнаньи.
Значитъ и опровергать я не буду того человѣка,
Кто отвращаетъ свой собственный умъ отъ слѣдовъ очевидныхъ.
Даже, хотя бъ согласился я съ этимъ его положеньемъ,
Все-жь я спросилъ бы: откуда беретъ онъ понятье о знаньи
Или незнаньи, всегда отрицая во всемъ достовѣрность?
Въ чемъ же различіе между сомнѣньемъ и свѣдѣньемъ вѣрнымъ?
Что составляетъ мѣрило для истины и заблужденья?
Прежде всего ты найдешь, что понятье объ истинѣ точной
Чувства рождаютъ въ тебѣ. Невозможно вѣдь чувствъ опровергнуть,
Такъ что довѣрія стоитъ наибольшаго то, гдѣ побѣда
Истины надъ заблужденьемъ дается самою природой.
Можетъ ли быть что-нибудь достовѣрнѣе чувства на свѣтѣ?
Можно-ль сказать, что разсудокъ, всецѣло изъ чувства возникшій,
Стòитъ чего-нибудь, если на чувствѣ онъ ложномъ основанъ?
Нѣтъ, при обманчивыхъ чувствахъ ошибоченъ также разсудокъ.
Можетъ ли удостовѣриться зрѣніе слухомъ, равно какъ
Слухъ осязаніемъ? Можетъ ли вкусъ передать чувство слуха?
Можно ли то опровергнуть ноздрями, что глазъ воспріемлетъ?
Нѣтъ, невозможно, я думаю. Каждому чувству способность
Удѣлена и у каждаго есть своя сила; а значитъ
То, что тепло или холодно, твердо и мягко, должно намъ
Теплымъ, холоднымъ, равно какъ и твердымъ и мягкимъ казаться.
Также должны ощущаться особо и краски предметовъ
И вообще все, что въ мірѣ связуется съ разной окраской.
Свойства особыя также имѣетъ и вкусъ. Возникаютъ
Звуки и запахъ особо. Поэтому необходимо
Чтобъ не могли состязаться другъ съ другомъ отдѣльныя чувства.
Опровергаться взаимно, притомъ же, несвойственно чувствамъ,
Такъ какъ довѣріе къ нимъ въ одинаковой степени сильно.

А потому показанія чувства всегда достовѣрны.

И если даже разсудокъ не можетъ найти ту причину,
Вслѣдствіе коей четыреугольникъ намъ издали круглымъ
Кажется, все-жь при отсутствіи доводовъ вѣрныхъ разсудка
Лучше давать объясненіе ложное этимъ фигурамъ,
Чѣмъ выпускать изъ рукъ то, что для всѣхъ насъ вполнѣ очевидно,
И подрывать этимъ высшую вѣру въ насъ, ниспровергая
Всѣ основанья, на коихъ покоится жизни блаженство.
Знай, что не только одинъ твой разсудокъ потерпитъ крушенье,
Но и сама твоя жизнь неминуемо тотчасъ погибнетъ,
Если, погибельныхъ мѣстъ избѣгая, слѣдя за вещами,
Кои тебѣ почему-нибудь могутъ представить опасность,
Ты вдругъ осмѣлишься не довѣрять своимъ собственнымъ чувствамъ.
А потому наставленья, идущія противу чувства,
Могутъ въ глазахъ твоихъ быть только скопищемъ словъ безполезныхъ.

Такъ при постройкѣ домовъ: если первыя линіи кривы,
Если угольникъ твой отъ направленій прямыхъ отступаетъ,
И уклоняется уровень тутъ или тамъ хоть немного,
То неизбѣжно окажется зданье все криво и косо.
Лишь изогнется, накренится это нестройное зданье,
Будто готовясь упасть; и дѣйствительно падаетъ часто,
Лишь оттого, что неправильны первыя были начала.
А потому долженъ быть непремѣнно обманчивъ и ложенъ
Также разсудокъ, когда изъ обманчивыхъ чувствъ онъ исходитъ.

Нынѣ разсмотримъ мы, какъ ощущаютъ всѣ прочія чувства
То, что присуще имъ. Здѣсь не извилистый путь предстоитъ намъ.
Прежде всего мы услышать должны всякій голосъ и звуки,
Если ихъ тѣльца первичныя въ наши внѣдряются уши.
Нужно признать вѣдь, что звуки и голосъ въ себѣ заключаютъ
Сущность тѣлесную, такъ какъ воздѣйствовать могутъ на чувство.
Голосъ подчасъ мимоходомъ царапаетъ гортань, а крики
Горлу всегда придаютъ хрипоту, изъ него вылетая.
Ибо когда тѣльца голоса, кучею тѣсной собравшись,

Черезъ отверстіе узкое вонъ вылетать начинаютъ
И заполняютъ весь ротъ, то шершавымъ становится горло,
И повреждается путь, коимъ голосъ несется наружу.
Такъ что, сомнѣнія нѣтъ, голоса и слова заключаютъ
Сущность тѣлесную, такъ какъ намъ боль причинять они могутъ.

Опытъ не лжетъ, указавъ тебѣ, какъ утомляется тѣло,
И сколько нервной работы и силъ у людей отнимаетъ
Рѣчь непрерывная, что начиная съ лучей восходящихъ
Ранней зари до глубокаго сумрака ночи ведется,
А особливо когда произносится голосомъ громкимъ.
Стало-быть голосъ въ себѣ заключаетъ тѣлесную сущность,
Такъ какъ при долгихъ рѣчахъ кое-что убываетъ у тѣла.

Въ голосѣ грубость зависитъ отъ грубости тѣлецъ первичныхъ,
А его нѣжность, напротивъ, отъ нѣжности этихъ послѣднихъ,
Такъ что: реветъ ли угрюмо труба, подавляя свой рокотъ,
Или изогнутый рогъ издаетъ свои тусклые звуки,'
Или же лебедь, рожденный въ холодныхъ поляхъ Геликона,
Голосомъ грустнымъ послѣднюю жалобу къ небу возноситъ,
Въ уши всегда проникаютъ различныя формы зачатковъ.

Звуки, при этомъ, которые мы вытѣсняемъ изъ глуби
Нашего тѣла и прямо чрезъ ротъ выпускаемъ наружу,
Тутъ же въ слова языкомъ расчленяются быстрымъ,
И измѣняются частью сложеніемъ губъ разновиднымъ.
Если то мѣсто, откуда доносится чей-нибудь голосъ,
Не черезчуръ далеко отстоитъ, то слова непремѣнно
Явственно будутъ слышны и дойдутъ до насъ членораздѣльно,
Такъ какъ они сохраняютъ свой складъ, сохраняютъ фигуру.
Если жъ, напротивъ, имѣемъ мы тутъ разстоянье большое,
То, проходя черезъ воздухъ, слова всѣ мѣшаются въ кучу,
И при полетѣ воздушномъ приводятся звуки въ смятенье.
Въ случаѣ этомъ мы можемъ услышать отдѣльные звуки,
Не понимая, какое значенье словамъ придается;
До такой степени голосъ доходитъ неясно и смутно.

Дальше. Эдиктъ, возвѣщенный устами глашатая, часто
Единовременно трогаетъ уши всей массы народной.
Такъ одинъ голосъ на много другихъ голосовъ съ быстротою
Дѣлится. Ибо, во много отдѣльныхъ ушей попадая,
Онъ сообщаетъ имъ ясные звуки и словъ распорядокъ.

Часть же тѣхъ звуковъ, которая не достигаетъ до слуха,
Мимо несется и гибнетъ, разсѣявшись въ воздухѣ даромъ,
Или, толкнувшись о твердый предметъ, отраженные звуки
Передаетъ намъ и вводитъ въ ошибку подобіемъ рѣчи.
Если понятно все это, то ты объясненье представить
Сможешь себѣ и другимъ, какимъ образомъ въ мѣстѣ пустынномъ
Скалы подобіе словъ издаютъ въ надлежащемъ порядкѣ,
Въ пору, когда мы въ горахъ заблудившихся путниковъ ищемъ
И разбѣжавшихся голосомъ громкимъ къ себѣ призываемъ.

Видѣть пришлось мнѣ мѣста, гдѣ разъ шесть или семь отражался
Изданный звукъ; и къ холму отъ холма отряжаясь взаимно,
Произнесенныя рѣчи неслись и блуждали въ пространствѣ.
Эти мѣста козлоногихъ сатировъ и нимфъ пріютили,
Какъ утверждаютъ туземцы, и здѣсь поселилися фавны.
Здѣсь они, ночью блуждая, веселой игрою и шумомъ
Тишь нарушаютъ безмолвную, по увѣренью народа.
Слышатся струнные тихіе звуки порой, и изъ флейты
Нѣжную жалобу чьи-то персты извлекаютъ искусно.
Издали людъ земледѣльческій слышитъ, какъ Панъ, потрясая
На головѣ полудикой уборъ свой изъ вѣтокъ сосновыхъ,
Часто губами кривыми по трости пустой пробѣгаетъ
И заставляетъ свирѣль заливаться пастушеской пѣснью.
Ходитъ молва и о разныхъ другихъ чудесахъ въ томъ же родѣ.
Въ басняхъ порой выставляется чудо, чтобъ мѣстность пустая
Не почиталась какъ будто покинутой вовсе богами.
Есть и другая причина, а именно та, что всѣ люди
До чрезвычайности жадны ко всякимъ разсказамъ чудеснымъ.

Впрочемъ, не должно дивиться тому, что по нѣкимъ причинамъ

Къ намъ проникаютъ различные звуки, нашъ слухъ поражая,
Съ помощью органовъ, коими видѣть вещей мы не можемъ.
Часто бесѣда ведется у насъ чрезъ закрытыя двери.
Не удивляйся, что звукъ чрезъ косыя всѣ скважинки двери
Можетъ пройти невредимо, а образы вещи не могутъ
И разрываются, если идутъ не чрезъ ходы прямые,
Какъ у стекла, чрезъ которое образы всѣ проникаютъ.

Кромѣ того, разлетается голосъ во всѣхъ направленьяхъ,
Такъ какъ одинъ изъ другого рождаются звуки и тамъ, гдѣ
Звукъ единичный раздался, не мало другихъ возникаетъ,
Такъ же, какъ искры огня разсыпаются въ новыя искры.
Такъ что кругомъ всѣ мѣста наполняются голосомъ, даже
То, что сокрыто въ глубокихъ мѣстахъ, пробуждается звукомъ.
Между тѣмъ образы, разъ отдѣлившись, всегда проникаютъ
Къ намъ лишь прямыми путями; поэтому мы сквозь заборы
Видѣть не можемъ, межь тѣмъ какъ насквозь къ намъ доносятся звуки.
Все же и голосъ, когда онъ проходитъ чрезъ перегородку,
Глуше становится, нѣсколько смутно къ ушамъ проникая,
Такъ что тутъ слышатся болѣе звуки, чѣмъ внятныя рѣчи.

То, какъ мы чувствуемъ вкусы путемъ языка или нёба,
Дѣломъ является болѣе сложнымъ, труднѣй объяснимымъ.
Прежде всего ощущаемъ мы вкусы во рту, когда въ пищѣ
Выдавимъ соки жеваньемъ, подобно тому какъ порою
Можно рукою изъ губки насыщенной выдавить воду.
Соки, что мы выжимаемъ, проходятъ чрезъ скважинки нёба
И чрезъ неплотную ткань языка по запутаннымъ ходамъ.
Тамъ, гдѣ первичныя тѣльца сочащейся жидкости гладки,
Прикосновенье ихъ нѣжно, и сладостнымъ чувствомъ ласкаютъ
Всюду они языка увлажненныя, слизкія поры.
Наоборотъ, тамъ, гдѣ тѣльца шершавы и сложены грубо,
Жидкости нашему вкусу претятъ и его оскорбляютъ.

Сладость отъ соковъ, засимъ, воспріемлется въ области нёба,
Ибо ужь послѣ того, какъ они устремляются въ глотку

И когда въ членахъ текутъ они, нѣтъ никакихъ ощущеній.
Тутъ безразлично становится, чѣмъ ни питалось бы тѣло;
Лишь бы все то, что ты скушалъ, сварившись могло просочиться
Въ члены твои и поддерживать легкую влажность въ желудкѣ.

Нынѣ скажу отчего разнородная пища присуща
Разнымъ созданьямъ, и то, что противно и горько иному,
Можетъ другому казаться, напротивъ того, очень вкуснымъ.
Много несходства и разницы видимъ мы въ этихъ предметахъ;
То, что питаетъ однихъ, для другихъ острымъ ядомъ бываетъ.
Такъ, прикоснувшись къ слюнѣ человѣка, змѣя погибаетъ
И умерщвляетъ себя, свое тѣло кусая зубами.
Кромѣ того, чемерица весьма для людей ядовита,
А въ перепелкахъ и козахъ она только жиръ приращаетъ.

Чтобы понять отъ какихъ это все происходитъ условій,
Прежде всего тебѣ слѣдуетъ вспомнить, что сказано выше.
Смѣшаны многообразно первичныя тѣльца въ предметахъ.
Кромѣ того еще всѣ существа, кои пищу пріемлютъ,
Столь межъ собою различны наружностью, и по семействамъ
Столь различаются всѣ очертаньями внѣшними членовъ!
А потому и различны они по зачаткамъ первичнымъ.
Если несходны зачатки, то также должны измѣняться,
Видъ, разстоянья, пути или, какъ называемъ мы, поры
Всюду по членамъ всѣмъ, а между прочимъ во рту и на нёбѣ.
Такъ что одни тѣльца малы, другія немного побольше;
Тѣ—треугольны, а эти являютъ фигуру квадрата;
Многія круглы по формѣ, другія же многоугольны.
Самыя поры должны различаться всегда межъ собою
И измѣнять направленье согласно строенію ткани,
Какъ того требуетъ смыслъ и порядокъ движенья въ предметахъ.
Вкусы, пріятные для одного, непріятны другому.
Стало быть тамъ, гдѣ что-либо пріятно для вкуса, зачатки
Гладки и входятъ въ отверстія нёба слегка прикасаясь;
А у того, кому вещь эта самая кажется горькой,
Въ ротъ попадаетъ она, какъ неровное, цѣпкое тѣло.

Нынѣ нетрудно по этимъ примѣрамъ узнать остальное.
Если отъ желчныхъ избытковъ трясетъ насъ порой лихорадка,
Или же какъ-нибудь иначе силу болѣзнь отнимаетъ,
То этимъ самымъ въ смущенье приводится цѣлое тѣло,
И всѣ первичныя тѣльца мѣняютъ свое положенье.
А потому все, что раньше ко вкусамъ вполнѣ подходило,
Тою порой не подходитъ, а кажется болѣе вкуснымъ
То, что во рту ощущеніе горечи вызвало бъ раньше.
Тѣ и другіе зачатки во влагѣ медовой смѣшались,
Какъ многократно тебѣ говорилъ я уже въ предыдущемъ.

Нынѣ внимай! Я скажу, какимъ образомъ запахъ на ноздри
Дѣйствуетъ. Прежде всего есть не мало вещей, изъ которыхъ
Запаховъ разныхъ потоки исходятъ и льются въ пространство.
(Надо признать, что они разсѣваются и истекаютъ).
Вслѣдствіе разницы въ формѣ зачатковъ различнымъ созданьямъ
Запахъ различный пріятенъ. Летая по воздуху пчелы
Издалека привлекаются сладостнымъ запахомъ меда,
Птицы же хищныя—падалью. Такъ направляютъ собаку
Дикихъ животныхъ слѣды отъ расколотыхъ мелкихъ копытцевъ.
А бѣлоснѣжные гуси, спасители крѣпости римской,
Чувствуютъ на разстояньи большомъ человѣческій запахъ.
Такъ къ надлежащему корму приводитъ различныхъ животныхъ
Запахъ, и онъ отвращаетъ притомъ ихъ отъ ядовъ опасныхъ.
Этимъ путемъ сохраняется дикихъ животныхъ порода.

Самъ по себѣ всякій запахъ, у насъ раздражающій ноздри,
Можетъ разсѣяться на разстояньи большомъ или маломъ,
Но, тѣмъ не менѣе, онъ никогда не летитъ такъ далеко,
Какъ голоса или звуки (я не говорю ужь о тѣльцахъ,
Что на зрачекъ нашъ воздѣйствуютъ и поражаютъ намъ зрѣнье).
Медленно носится запахъ летучій и гибнетъ,
Въ вѣяньи воздуха мало-по-малу легко разсѣваясь,
Прежде всего оттого, что изъ глуби вещей онъ исходитъ.
Намъ указанье даетъ на его истеченье изъ глуби
То, что разбитыя вещи, какъ знаемъ мы, пахнутъ сильнѣе,

Равно какъ все, что испорчено пламенемъ или растерто.
Запахъ, затѣмъ, возникаетъ изъ тѣлецъ значительно бо́льшихъ,
Нежели тѣльца первичныя голоса, такъ какъ сквозь камни
Онъ не проходитъ, а голосъ и звуки, напротивъ, проходятъ.
Кромѣ того, то, что пахнетъ, съ трудомъ намъ даетъ указанье
Гдѣ, въ какой именно части предмета оно пребываетъ.
Медля въ движеніи воздуха запахи всѣ остываютъ
И показа̀нія ихъ охладѣвшими къ чувству доходятъ.
Вотъ почему ошибаются псы, когда слѣдъ они ищутъ.

Дѣйствуютъ такъ не одни только запахи или же вкусы.
Нѣтъ, точно также и образы или окраска предметовъ
Не въ одинаковой степени къ каждому чувству подходятъ.
И одному они болѣе рѣжутъ глаза, чѣмъ другому.
Такъ для примѣра: проворные львы никогда не выносятъ
Видъ пѣтуховъ, нарушающихъ крыльями тишь полуночи
И возвѣщающихъ голосомъ громкимъ зари появленье.
Левъ съ пѣтухомъ повстрѣчавшись тотчасъ вспоминаетъ о бѣгствѣ.
Неудивительно, такъ какъ во всѣхъ пѣтухахъ существуютъ
Нѣкія тѣльца, которыя льву на глаза попадая
Въ нихъ протыкаютъ зрачки и при этомъ ему причиняютъ
Столь нестерпимую боль, выносить коей хищникъ не можетъ.
А между тѣмъ эти тѣльца для нашего глаза не вредны,
Такъ какъ они или не проникаютъ въ него, или даже
Хоть проникаютъ, но все жь имъ оттуда есть выходъ свободный,
И на возвратномъ пути повредить они глазу не могутъ.

Нынѣ узнай изъ немногихъ стиховъ моихъ, что подвигаетъ
Духъ нашъ; откуда берется все то, что на умъ намъ приходитъ.
На́перво я утверждаю, что образы всякихъ предметовъ
Многообразно и всюду по всѣмъ направленьямъ блуждаютъ.
Будучи тонки, при встрѣчахъ они безъ труда межь собою
Соединяются въ воздухѣ, какъ паутина, какъ блестки
Золота. А такъ какъ ткань этихъ образовъ много нѣжнѣе
Нежели въ тѣхъ, кои взоръ поражаютъ, въ глаза проникая,
То черезъ поры внутрь тѣла проходятъ и тамъ возбуждаютъ

Сущность легчайшую духа и чувство внутри вызываютъ,

Такъ что мы видимъ центавровъ, со страшными лапами Сциллу,
Цербера морды собачьи и призраки тѣхъ, кои смертью
Были унесены, коихъ останки пріяты землею.
Образы всякаго рода вездѣ въ безпорядкѣ блуждаютъ,
Частью они порождаются въ воздухѣ собственной силой,
Частью совмѣстно они истекаютъ отъ разныхъ предметовъ,
И возникаютъ, слагаясь изъ формъ и фигуръ однородныхъ.
Ясно вѣдь, что не съ живаго центавра былъ взятъ его образъ,
Ибо не существовало въ природѣ подобныхъ животныхъ.
Такъ что когда человѣческій образъ встрѣчается съ конскимъ,
То они оба сцѣпляются быстро, какъ сказано выше,
Вслѣдствіе ихъ легковѣсной природы и тонкости ткани.
Прочее все въ этомъ родѣ отъ тѣхъ же причинъ возникаетъ.

То, что легко и съ подвижностью высшею носится всюду,
Какъ я сказалъ уже ранѣе, можетъ легко однимъ разомъ
Умъ возбуждать нашъ смѣшеніемъ образовъ тонкихъ,
Такъ какъ разсудокъ нашъ самъ чрезвычайно подвиженъ и тонокъ.

Что это такъ, какъ сказалъ я, ты можешь легко убѣдиться.
Всѣ воспріятья разсудка тождественны съ тѣмъ, что пріемлютъ
Наши глаза. Потому и причины у нихъ одинаки.
Стало быть если, какъ сказано, льва мнѣ возможно увидѣть
Только путемъ его образовъ, кои мой взоръ поражаютъ,
То и разсудокъ по той же причинѣ придти въ возбужденье
Можетъ лишь съ помощью образовъ, кои столь ясно онъ видитъ,
Какъ и глаза, съ тою разницей, что эти образы тоньше.

Бодрствуетъ разумъ и духъ, когда въ сонъ погружаются члены
Не по иной какой либо причинѣ какъ та, что разсудокъ
Рядомъ подобныхъ-же образовъ, какъ на яву, поколебленъ.
И до того тутъ доходитъ, что, кажется, видимъ мы ясно
Тѣхъ, коихъ жизнью давно уже смерть и земля овладѣли.
Къ этому нудитъ природа сама, потому что всѣ чувства

Въ членахъ уснувшаго тѣла находится въ полномъ покоѣ
И отличить неспособны дѣйствительность отъ заблужденья.
Кромѣ того еще память во снѣ ослабляется, блекнетъ,
И ей нельзя доказать, что разсудокъ считаетъ живыми
Тѣхъ, кто давно уже сталъ достояньемъ могилы и смерти.

Впрочемъ и не удивляйся, что движутся образы эти,
И съ равномѣрностью руки и прочіе члены подъемлютъ.
(Кажется часто во снѣ будто призраки такъ поступаютъ).
Гдѣ улетучился образъ одинъ, тамъ другой возникаетъ,
И намъ сдается, что первый изъ нихъ положенье мѣняетъ.
Стало быть это случается отъ быстроты, надо думать.

Многое въ этихъ вещахъ объяснить и изслѣдовать надо,
Если предметъ мы хотимъ изложить съ очевидностью полной.
Прежде всего я спрошу, отчего нашъ разсудокъ тотчасъ-же
Самъ собой мыслитъ о томъ, о чемъ мыслить приходитъ охота?
Если природа по прихоти нашей творитъ и готовитъ
Все, что угодно намъ: образы моря, земли, небосвода,
Пиршествъ, собраній народныхъ, сраженій торжественныхъ шествій,
То не слѣдятъ-ли за нашею волею образы эти,
Чтобы являлось видѣніе, какъ только мы пожелаемъ?
А особливо когда у людей въ одномъ мѣстѣ живущихъ
Умъ о несходныхъ и разныхъ предметахъ всегда размышляетъ.

Но отчего, затѣмъ, образы такъ выступаютъ размѣрно,
Какъ это видимъ во снѣ мы, и двигаютъ членами плавно,
Или руками обѣими гибкими быстро разводятъ,
И повторяютъ ногами рядъ правильныхъ вѣрныхъ движеній?
Не научились-ли гдѣ-нибудь образы этимъ пріемамъ,
Чтобы возможность имѣть среди ночи затѣивать игры?
Или вѣрнѣй объяснить это тѣмъ, что мы образы видимъ
Единовременно? Такъ-же и голосъ звучащій скрываетъ
Множество словъ, изъ которыхъ разсудокъ слагаетъ понятье.
Вслѣдствіе этого въ мѣстѣ любомъ и въ любое мгновенье
Всякіе образы тотчасъ готовы предстать передъ нами.

Вотъ до чего велико ихъ число, велика ихъ подвижность!
Такъ какъ они очень нѣжны, то умъ ихъ не можетъ различить
Явственно безъ напряженья извѣстнаго. Такъ что безслѣдно
Гибнутъ они, если умъ не слагаетъ ихъ самъ воедино.
Духъ себѣ образы самъ созидаетъ, съ надеждой въ грядущемъ
Видѣть любой изъ предметовъ, какіе онъ видѣть желаетъ.

Не примѣчаешь-ли ты, какъ, на что-нибудь тонкое глядя,
Приспособляется и напрягаетъ вниманіе взоръ твой,
И какъ безъ этого явственно видѣть никакъ онъ не можетъ?
Даже предметы, которые ты наблюдаешь повсюду,
Если не вникнешь разсудкомъ ты въ нихъ, существуютъ какъ будто
На разстояньи большомъ и въ различное время съ тобою.
Можно-ль дивиться тому, что нашъ духъ упускаетъ изъ виду
Все, исключая вещей тѣхъ, гдѣ сосредоточился самъ онъ?

Малыя вещи, затѣмъ, мы считаемъ нерѣдко большими,
Но ошибаемся и въ заблужденіе сами впадаемъ.
Часто бываетъ, что чей-нибудь образъ другимъ, но такимъ-же
Вдругъ подмѣняется, но то, что женщиной раньше казалось
Въ нашихъ объятьяхъ, затѣмъ, превращается будто въ мужчину,
Или же образъ одинъ за другимъ измѣняетъ наружность.
Не удивляйся. Забытье и сонъ производятъ все это.

Вотъ еще что составляетъ большую погрѣшность, которой
Нужно тебѣ избѣгать, уклоняясь отъ всякихъ ошибокъ.
Не полагай, будто созданы свѣточи глазъ съ той лишь цѣлью,
Чтобъ мы имѣли возможность смотрѣть; будто икры и бедра
Утверждены на ногахъ и при этомъ способны сгибаться,
Чтобы большими шагами могли мы шагать по дорогѣ;
Или же будто бы руки изъ мощныхъ плечей выростаютъ,
И снабжена изъ нихъ каждая ловкой, проворною кистью
Съ тѣмъ, чтобъ могли исполнять мы потребности всякія жизни.

Все остальное, что многіе въ этомъ же родѣ толкуютъ,
По заключеньямъ своимъ совершенно превратно и ложно.

Въ тѣлѣ у насъ ничего не родилось для нашей потребы,
Но мы используемъ многое, такъ какъ оно въ насъ родилось.
Зрѣніе не появлялось, покуда глаза не возникли;
Также какъ не было рѣчи, покуда языкъ не былъ созданъ.
Нѣтъ, языка сотворенье предшествуетъ очень задолго
Рѣчи, и созданы были значительно ранѣе уши
Нежели слышались звуки. И всѣ, наконецъ, наши члены
Раньше, сдается мнѣ, существовали, чѣмъ ихъ примѣненье.
Значитъ не могутъ они выростать лишь въ виду нашей пользы.

Раньше, напротивъ, чѣмъ вдаль полетѣли каленыя стрѣлы,
Люди въ борьбѣ межъ собой наносили удары руками,
Кровью себя обагряя и члены другъ другу ломая;
А избѣгать пораненій природа людей побуждала
Раньше, чѣмъ лѣвой рукой со щитомъ обращаться учила;
И, безъ сомнѣнья, усталое тѣло просило покоя
Раньше гораздо, чѣмъ мягкія постланы были постели.
И утолялася жажда предъ тѣмъ какъ явились стаканы.
Все это можетъ считаться возникшимъ ввиду нашей пользы
И изобрѣтено только согласно потребностямъ жизни.
То же, что было само по себѣ и что создано раньше,
Только впослѣдствіи намъ указало свое примѣненье.
Прежде всего въ этомъ родѣ отмѣтимъ мы чувства и члены.
А потому подтверждаю: держись далеко ты отъ мнѣнья,
Будто возникли они для того, чтобъ служить нашимъ нуждамъ.

Не удивительно вовсе притомъ, что по самой природѣ
Самаго тѣла живыя созданія ищутъ питанья.
Какъ ужь сказалъ я, отъ тѣлъ выдѣляется и истекаетъ
Много частицъ и различнымъ путемъ; но особенно много
Тѣ выдѣляютъ животныя, кои бываютъ въ движеньи.
Много частицъ изнутри чрезъ потѣнье выходитъ наружу;
Многое ртомъ выдѣляется при утомленномъ дыханьи.
Вслѣдствіе этого тѣло тощаетъ, идетъ къ разрушенью
Все существо его, и вслѣдъ затѣмъ наступаетъ страданье.
Пища затѣмъ принимается, чтобъ подкрѣпить ею члены,

Возстановить ею силы утрату, насытивши голодъ,
Что̀ во всемъ тѣлѣ даетъ себя знать по суставамъ и членамъ.
Жидкость проходитъ въ тѣ части, которыя требуютъ влаги,
И разсѣваетъ большія скопленья горячаго пара, который
Вызвать бы могъ воспаленіе сильное въ нашемъ желудкѣ.
Влагой здѣсь жаръ умѣряется, также какъ гасится пламя,
Чтобъ не могли наши члены изсохнуть отъ сильнаго жара.
Такъ устраняется жгучая жажда изъ нашего тѣла,
Тѣмъ же путемъ мы удовлетворяемъ потребность въ питаньи.

Нынѣ скажу я о томъ, почему сообразно желанью
Можемъ мы дѣлать шаги и другія движенія тѣла;
Сила какая толкаетъ впередъ столь тяжелое бремя
Нашего тѣла. А ты постарайся понять мои рѣчи.
Я утверждаю, что образы, кои ходьбу вызываютъ,
Прежде всего поражаютъ нашъ духъ, какъ указано выше.
Послѣ того образуется *воля*: никто не начнетъ вѣдь
Дѣйствовать, прежде чѣмъ духъ не постигнетъ чего онъ желаетъ.
То же, что *кажется* нашему духу, есть образъ предмета.
Такъ что, какъ только желаньемъ ходить и впередъ подвигаться
Духъ возбуждается, тотчасъ же онъ поднимаетъ всѣ силы
Нашей души, что разсѣяна всюду въ суставахъ и членахъ,
И безъ труда, притомъ, ибо душа тѣсно связана съ духомъ.
Дѣйствуетъ дальше на тѣло душа, и такимъ путемъ тѣло
Движется все и несется впередъ оно мало-по-малу.
Тѣло при этомъ становится болѣе дряблымъ, а значитъ
Воздухъ, бывающій въ вѣчномъ движеньи, какъ то и должно быть,
Входитъ во внутрь, проникая туда чрезъ широкія поры
И разсѣвается этимъ путемъ по мельчайшимъ частицамъ
Тѣла. Поэтому силою двухъ сихъ вещей наше тѣло
Движется, также какъ вѣтромъ и парусомъ движется судно.

Но не должно удивительнымъ то представляться однако,
Что столь ничтожныя тѣльца способны огромное тѣло
Двигать впередъ, поворачивать всю нашу грузную тяжесть.
Вѣтеръ такимъ же путемъ, состоя изъ матеріи тонкой,

Вѣяньемъ гонитъ своимъ съ напряженіемъ судно большое,
Коимъ рука управляетъ одна даже въ быстромъ движеньи,
Всюду рулемъ однимъ только его какъ угодно вращая.
Съ помощью блоковъ, зубчатыхъ колесъ подвигаетъ машина
Грузы тяжелые, и безъ труда ихъ наверхъ поднимаетъ.

Нынѣ въ стихахъ своихъ, болѣе сладостныхъ, чѣмъ изобильныхъ,
Я передамъ, какимъ образомъ сонъ наполняетъ покоемъ
Члены, и въ сердцѣ душевныя всѣ разгоняетъ тревоги.
Лебедя краткая пѣсня вѣдь лучше чѣмъ крикъ журавлиный,
Что высоко въ поднебесіи южнымъ разносится вѣтромъ.
Чуткій свой слухъ напряги, окажи мнѣ живое вниманье,
Чтобъ не отвергнуть того, что найду я возможнымъ на дѣлѣ;
Чтобъ по своей же винѣ не склониться къ тому, что противно
Здравому смыслу, вполнѣ отказавшись понять очевидность.

Сонъ наступаетъ тогда, когда сила души вся изъ членовъ
Прочь удаляется. Частью она отлетаетъ наружу,
Частью же, тѣсно сплотившись, глубоко во внутрь проникаетъ.
Въ изнеможеніи полномъ тогда опускаются члены.
Такъ какъ сомнѣнія нѣтъ, что отъ нашей души происходитъ
Всякое чувство, то разъ оно связано сномъ, надо думать,
Что въ это время душа вся находится въ полномъ смятеньи,
Или же прочь отлетаетъ. Конечно не вся, потому что
Тѣло тогда погрузилось бы въ вѣчность холодную смерти;
Въ тѣлѣ бы не было больше души той, которая скрыта
Въ членахъ, какъ пламя сокрыто подъ грудою пепла,
И изъ которой всѣ чувства воскресли бы сызнова въ членахъ,
Какъ изъ покрытаго пепломъ огня возгорается пламя.

Но изъ чего обновляется чувство, какая причина
Душу приводитъ въ смятенье и въ сонъ погружаетъ все тѣло—
Я разскажу; ты-жь устрой, чтобъ слова не летѣли по вѣтру.
Прежде всего я скажу, что къ наружной поверхности тѣла
Вѣянье смежнаго воздуха всюду должно прикасаться
И непрерывно ее потрясать, наносить ей удары.

Вотъ почему почти всѣ изъ созданій покрыты то кожей,
То чешуею, то шерстью, то коркою, то скорлупою.
Части же тѣ, что внутри, потрясаются воздухомъ также
У оживленныхъ существъ при вдыханіи и выдыханьи,
Такъ что съ обѣихъ сторонъ поражается тѣло толчками.
Черезъ малѣйшія поры и скважинки эти толчки всѣ
Внутрь до первичныхъ частицъ, до первичныхъ зачатковъ доходятъ,
И какъ бы мало-по-малу готовятъ погибель всѣмъ членамъ.
Тѣльца первичныя плоти и духа свое положенье
Перемѣняютъ. Одна часть души улетаетъ наружу,
Часть же другая, во внутрь удалившись, скрывается въ нѣдрахъ;
Та же частица души, что осталась въ суставахъ, не можетъ
Ни воедино сплотиться, ни вызвать взаимныхъ движеній,
Такъ какъ природа всѣ входы и выходы ей заграждаетъ.
Такъ съ перемѣной движенія вглубь удаляется чувство.
Падаютъ руки, смыкаются вѣки и гнутся колѣни,
Вялымъ становится тѣло и члены всѣ изнемогаютъ,
Такъ какъ ужь нѣтъ ничего, что могло бы поддерживать тѣло.

Слѣдуетъ часто за пищею сонъ, ибо такъ же, какъ воздухъ
Дѣйствуетъ пища въ то время, когда разливается въ жилахъ.
По преимуществу сонъ у тебя возникаетъ тяжелый,
Если ты сытъ или очень усталъ, потому что въ то время
Вслѣдствіе сильной работы приходятъ въ смятеніе тѣльца.
Вслѣдствіе той же причины души устремляются тѣльца
Глубже во внутрь, широко извергаются частью наружу
И раздробляется все въ ней, внутри разлагаясь на части.

Далѣе. Большею частью во снѣ намъ приходится видѣть
То, что бываетъ предметомъ усиленныхъ нашихъ занятій,
Или же то, на чемъ долѣе остановиться пришлось намъ,
Для изученья чего напрягался разсудокъ нашъ больше.
Иски вчиняетъ во снѣ правовѣдъ или пишетъ законы,
Грозныя битвы и схватки какъ будто ведетъ полководецъ
А мореходцу мерещатся съ вѣтрами вѣчныя войны.
Кажется мнѣ самому, что природу вещей испытую

Я непрестанно, и рѣчью родной излагаю открытья.
Да, полагаю, во снѣ ремесла и другія искусства
Большею частью разсудокъ твой могутъ держать въ заблужденьи.

Мы замѣчаемъ нерѣдко, что люди, которые играмъ
Трудъ свой усердный въ теченіи нѣсколькихъ дней посвящаютъ,
Послѣ того какъ окончилось все, сохраняютъ то чувство,
Будто въ умѣ ихъ остались открытыми ходы, чрезъ кои
Образы бывшихъ на играхъ вещей могутъ снова ворваться.
Людямъ такимъ представляется множество разныхъ предметовъ.
Бодрствуя даже, порой они живо себѣ представляютъ,
Будто бы видятъ прыжки и движенія плавныя членовъ,
Будто веселую пѣсню киѳары и струнъ переборы
Слышатъ ихъ уши, и будто они тѣхъ же зрителей видятъ
И одновременно блескъ, пестроту украшеній на сценѣ.
Вотъ до чего здѣсь имѣютъ значенье занятіе, склонность,
Все вообще, къ чему силы свои существо прилагаетъ.
Не у людей лишь единственно, нѣтъ, и у прочихъ животныхъ.

Видишь ты, что отдышаться не могутъ порой и потѣютъ
Сильные кони въ то время какъ сномъ у нихъ члены объяты.
Снится имъ, что изъ-за пальмы они напрягаютъ усилья,
И что предъ ними въ ристалищахъ перегородку спускаютъ.
Также нерѣдко собаки охотничьи въ сладкомъ забытьи
Бедрами вдругъ шевелить начинаютъ и голосъ крикливый
Свой подаютъ и ноздрями по воздуху долго поводятъ
Будто бы съ тѣмъ, чтобъ держаться слѣдовъ обнаруженныхъ дичи.
Даже отъ сна пробудившись преслѣдуютъ часто собаки
Призракъ оленя пустой и за бѣгомъ его наблюдаютъ,
Прежде чѣмъ отъ заблужденій не придутъ въ себя, отряхнувшись.
Ласковой же собаченки породы, привыкшія къ дому,
Сонъ свой летучій и легкій нерѣдко изъ глазъ прогоняютъ;
И непрестанно съ земли онѣ тѣло свое поднимаютъ
Какъ бы увидѣвши лица и облики чьи-то чужіе.
И чѣмъ грубѣе и рѣзче природа подобныхъ видѣній,
Тѣмъ потревожиться больше должны среди сна собаченки.

Такъ ~~и отъ ястре~~ба птицы летятъ и біеніемъ крыльевъ
Въ рощахъ священныхъ порою ночной тишину нарушаютъ,
Если средь мирнаго сна онѣ видятъ, что хищникъ надъ ними
Носится и ихъ преслѣдуетъ въ поискахъ битвъ и добычи.

И побужденья, затѣмъ, что въ разсудкѣ людей возникаютъ,
Осуществляются часто во снѣ и приводятся въ дѣло.
Снится царямъ, что ведутъ они войны, что въ плѣнъ они взяты;
Крики они испускаютъ какъ будто ихъ кто-нибудь душитъ.
Снится инымъ, что дерутся они и при этомъ отъ боли
Стонутъ; что ихъ поѣдаютъ свирѣпые львы и пантеры,
И потому своимъ крикомъ пространство они наполняютъ.
Многіе люди во снѣ о дѣлахъ очень важныхъ толкуютъ
И выдаютъ такимъ образомъ часто дѣла свои сами.
Многіе при смерти видятъ себя, будто съ горъ высочайшихъ
Падаютъ книзу въ глубокую пропасть всей тяжестью тѣла,
Такъ что въ испугѣ очнуться едва они могутъ отъ сновъ тѣхъ,
Коими умъ ихъ объятъ, и ихъ тѣло дрожитъ отъ волненья.
Жаждущій видитъ рѣку или видитъ, какъ будто стоитъ онъ
Подлѣ ручья, будто въ глотку свою онъ ручей тотъ пріемлетъ.
Кажется дѣтямъ нерѣдко во снѣ, что они подлѣ лужи
Или же низкаго чана рубашку свою поднимаютъ,
А въ это время они выпускаютъ изъ тѣла всю жидкость
И вавилонскія ткани роскошныя пачкаютъ ею.

Въ отрокахъ послѣ вселяется юнаго возраста пылкость,
И образуется въ членахъ со временемъ зрѣлое сѣмя.
Образы разныхъ предметовъ тогда выступаютъ совмѣстно,
И во всей дивной красѣ открываютъ имъ обликъ, который
Въ нихъ возбуждаетъ извѣстныя, сѣменемъ вздутыя части.
Юноши часто при этомъ потокъ изъ себя изливаютъ,
Точно какъ будто бы кончилось дѣло, и платье мараютъ.

Сѣмя у насъ возбуждается, какъ уже сказано выше,
Въ пору, когда наши члены всѣ въ возрастѣ юномъ мужаютъ.
Всякимъ созданьямъ присущи свои возбужденья и чуткость,

У человѣка же лишь человѣкъ возбудить можетъ сѣмя.
Сѣмя, коль скоро изъ нѣдръ оно вырвалось, вонъ выступаетъ
И чрезъ суставы и члены стекаетъ изъ цѣлаго тѣла
Къ нервамъ извѣстнымъ, къ мѣстамъ установленнымъ и возбуждаетъ
Тотчасъ же самую ткань дѣтородныхъ частей того тѣла.
Сѣменемъ части вздуваются эти; приходитъ желанье
Выбросить то, чѣмъ у насъ напрягается пылъ сладострастья.
Умъ тогда требуетъ тѣла, чтобъ рану любви въ немъ извѣдать.
Большею частью вѣдь тѣло наноситъ любовную рану
И обагряемъ мы часть ту, изъ коей ударъ намъ нанесенъ;
А если врагъ—по сосѣдству, то кровью бываетъ покрытъ онъ.

Вслѣдствіе этого тотъ, кто пораненъ стрѣлою Венеры,—
Будь это юноша съ женоподобными членами, или
Женщина съ тѣломъ прекраснымъ сулящимъ любовныя чары,—
Тянется къ мѣсту, откуда былъ раненъ и жаждетъ связаться
Съ нимъ, чтобы въ тѣло изъ тѣла притомъ перелить свои соки,
Ибо великая страсть предвѣщаетъ большую усладу.
Вотъ какова къ намъ Венера и что значитъ имя Амура!
Вотъ изъ какого источника въ сердце впервые сочится
Сладкая капля Венеры, а вслѣдъ за ней злыя тревоги.
Такъ какъ въ отсутствіи той, кого любишь ты, все жь ея образъ
Будетъ съ тобою, и будетъ звучать ея нѣжное имя!

Но избѣгать должно образовъ тѣхъ и отъ пищи любовной
Умъ отвращать, направляя его на другіе предметы;
И накопившійся сокъ извергать нужно въ тѣло любое,
А не хранить этотъ сокъ лишь для той, кто въ насъ страсть возбудаетъ.
Тѣмъ оградимъ мы себя отъ тревогъ и отъ вѣрныхъ страданій.
Зрѣетъ вѣдь рана любви и растетъ когда пищу находитъ.
Изо дня въ день матерѣетъ безумство, скопляются бѣды,
Если раненіемъ новымъ ты не исцѣлишь своей раны,
И не излѣчишь любви своей общедоступной любовью *),
Или къ другимъ побужденьямъ ума своего не направишь.

---

*) Venus volgivaga.

Кто избѣгаетъ любви, не лишенъ наслажденій Венеры;
Наоборотъ, безъ труда онъ ихъ съ большимъ удобствомъ вкушаетъ,
Такъ какъ дѣйствительнѣй, чище услада у этихъ здоровыхъ,
Чѣмъ у несчастныхъ влюбленныхъ людей. Вѣдь отъ страсти любовникъ
Часто въ сомнѣньяхъ колеблется въ самое важное время
И не рѣшаетъ: должны ль наслаждаться глаза или руки?
Плотно сжимая предметъ своей страсти, онъ боль причиняетъ;
А иногда онъ зубами своими впивается въ губы
При поцѣлуяхъ; а, значитъ, здѣсь полнаго нѣтъ наслажденья,
И остается заноза, которая все жь непрестанно
Мучитъ любовниковъ и пробуждаетъ въ нихъ дикую ярость.
Но средь любовныхъ порывовъ Венера смягчаетъ страданье,
И заживляетъ укусы, внося въ нихъ свое наслажденье.

Думаютъ, будто то самое тѣло, которое будитъ
Пылкую страсть, можетъ столь же легко погасить ея пламя.
Опровергается это однако самою природой.
Здѣсь есть особенность та, что чѣмъ больше любви мы пріемлемъ
Тѣмъ горячѣй распаляется сердце жестокою страстью.
Пища и влага напитковъ внутри усвояются въ членахъ
И осѣдаютъ во всемъ нашемъ тѣлѣ въ частяхъ его разныхъ.
Такъ что удовлетворяемъ легко мы и голодъ и жажду.
Но отъ лица человѣка, которое блещетъ красою,
Пищи вѣдь нѣтъ никакой, кромѣ образовъ нѣжныхъ, воздушныхъ
И не надежныхъ настолько, что вѣтеръ ихъ часто уноситъ.
Жаждущій ищетъ порою во снѣ, гдѣ бы выпить, а влаги
Не получаетъ нигдѣ, чтобы жаръ утолить въ своихъ членахъ.
Образы жидкостей онъ вызываетъ и тщетно томится,
Воображая себя утоляющимъ жажду въ потокѣ.
Такъ и въ любви, постоянно съ влюбленными шутитъ Венера.
Зрѣніемъ не въ состояньи любовники тѣла насытить;
Тщетно блуждаютъ дрожащія руки по цѣлому тѣлу,
И ничего соскоблить съ упоительныхъ членовъ не могутъ.

Тою порой, когда въ юныхъ лѣтахъ наслаждаются двое,
Членами всѣми обнявшись, когда предвѣщаетъ имъ тѣло

Сладость, Венера старается женщинамъ пашню засѣять *).
Жадно другъ къ другу любовники жмутся, сливается вмѣстѣ
Влага ихъ губъ и дыханье, въ уста ихъ впиваются зубы.
Все понапрасну! Они ничего соскоблить тутъ не могутъ,
Или проникнуть другъ въ друга, чтобъ съ тѣломъ смѣшать свое тѣло.
(Этого видимо часто любовники сильно желаютъ).
И до тѣхъ поръ въ узахъ страсти ихъ держитъ Венера, покуда
Не изнемогутъ ихъ члены, отъ сладкихъ утѣхъ ослабѣвши.
Послѣ того прерывается въ нервахъ скопленіе страсти,
Тише становится пылъ, настаетъ промежутокъ недолгій.
Но возвращается снова безумство и ярая пылкость,
Какъ только явится жажда къ предмету любви прикоснуться,
И устранить это зло невозможно какимъ-либо средствомъ.
Вотъ какъ приходится чахнуть отъ тайныхъ любовныхъ раненій!

Вспомни къ тому-же, что тратятся силы и гибнутъ въ работѣ;
Вспомни, что жизнь протекаетъ подъ гнетомъ чужимъ постоянно.
Дѣло приходитъ въ упадокъ и множество тяжбъ возникаетъ;
Служба не спорится, добрая слава колеблясь страдаетъ.

Вотъ на ногахъ Сикіонская обувь красуется, мази;
Въ золотѣ блещутъ зеленые, чудной игры, изумруды,
Носятся изо дня въ день Ѳесалійскія свѣтлыя ткани
И насыщаются пóтомъ отъ сильныхъ любовныхъ стараній.
Да! пріобрѣтенья предковъ идутъ на повязки и шляпы,
Тратятся на украшенье плащей и на ткани Хіоса;
Изготовляются пиршества съ роскошью явствъ и убранства,
Игры, гирлянды цвѣточныя, мáсла, вѣнки и бокалы!
Все понапрасну! Изъ нѣдръ, изъ источниковъ роскоши этой
Нѣкая горечь рождается и средь цвѣтовъ насъ тревожитъ,
Иль оттого, что терзается духъ, сознавая ошибку,
Что среди праздности жизнь протекаетъ и гибнетъ;
Иль оттого, можетъ быть, что намекъ былъ двухсмысленный брошенъ,

*) Три послѣднихъ стиха здѣсь не кстати. Они нарушаютъ только связь въ изложеніи предмета и были бы болѣе у мѣста между 1202 и 1203 стихомъ. *Прим. перев.*

Воспламенившій какъ-будто огнемъ твое сердце любовью;
Иль потому, что зазноба твоя на другихъ много смотритъ,
И тебѣ кажется, что на лицѣ ея видишь насмѣшку.

Вотъ сколько золъ заключаетъ любовь при счастливомъ исходѣ,
А при любви несчастливой, зазнобой отвергнутой, бѣды,
Кои ты можешь увидѣть съ закрытыми даже глазами,
Столь многочислены, что отъ любви надлежитъ сторожиться.
Вслѣдствіе этого я говорю: избѣгай ей попасться!
Такъ какъ вѣдь легче гораздо любви избѣгать поначалу
Нежели, въ сѣти однажды попавши, оттуда на волю
Вырваться и сокрушить столь могучія узы Венеры.

Все таки, даже запутавшись и потерявши свободу,
Могъ бы ты бѣдъ избѣжать если-бъ самъ у себя на дорогѣ
Ты не стоялъ и не медлилъ душевные видѣть пороки
И недостатки тѣлесные въ той, кого страстно ты любишь.
Такъ поступаетъ людей большинство, ослѣпленное страстью,
И добродѣтели склонно приписывать, коихъ нѣтъ вовсе.
Такъ постоянно мы видимъ порочныхъ, уродливыхъ женщинъ,
Кои живутъ среди роскоши и въ величайшемъ почетѣ.
Часто смѣется одинъ надъ другимъ, говоря, что Венеру
Надо задобрить, чтобъ друга отъ женщины скверной избавить,
Не замѣчая, что самъ-же онъ въ худшемъ еще положеньи.
Черную онъ называетъ «брюнеткой»; въ неряхѣ нечистой
«Безпритязательность» видитъ онъ, а въ пучеглазой—«Палладу»;
Нервную и сухопарую онъ называетъ «газелью»;
Карлицу малую—«граціей» и «образцомъ остроумья»;
А черезмѣрно высокую—«грозной» и «полной величья»;
Косноязычную—«чуть-чуть картавой»; нѣмую—«стыдливой».
Эту, которая отъ худобы еле дышетъ, зоветъ онъ
«Маленькой крошкой»; а ту, что страдаетъ въ чахоткѣ—«субтильной»,
И полногрудную чтитъ онъ «Церерой, питающей Вакха».
Съ фавномъ въ курносой онъ сходство находитъ; въ губастой-же видитъ
«Для поцѣлуевъ удобство» и многое прочее въ этомъ-же родѣ.
Но допусти, что какая-нибудь обладаетъ красою

Той несравненной, какую создать можетъ только Венера.
Развѣ одна она? Развѣ дотоль безъ нея мы не жили?
И поступаетъ иначе-ль, чѣмъ женщины всѣ остальныя?
Вѣдь иногда издаетъ она запахъ столь скверный, бѣдняжка,
Что, забѣжавъ далеко, потихоньку смѣются служанки.

Да, со слезами любовникъ отвергнутый часто вѣнками
Дверь украшаетъ зазнобы своей, а подчасъ майораномъ
Мажетъ пилоны у входа и издали шлетъ поцѣлуи.
Но когда цѣли любовникъ достигъ и какой-нибудь запахъ
Въ немъ оскорбитъ обонянье, онъ ищетъ предлоговъ къ размолвкѣ;
И глубоко сожалѣетъ о долгихъ мольбахъ своихъ прежнихъ.
Самъ-же себя онъ глупцемъ называетъ за то, что безъ толку
Качествъ ей больше приписывалъ, чѣмъ вообще всякой смертной.
Этого не забываютъ красавицы наши и прячутъ
Очень старательно всѣ сокровенныя дѣйствія жизни
Отъ обожателей, коихъ держать хотятъ связью любовной.
Но понапрасну заботы. Разсудкомъ ты можешь все это
Вывести къ свѣту и вывѣдать всякія хитрости женщинъ;
А если женщина благоразумна и нѣтъ въ ней жеманства,
То снизойти къ человѣческимъ слабостямъ нужно взаимно.

Но не всегда дышетъ женщина только поддѣльной любовью
Тою порой, когда тѣло мужчины она обнимаетъ
И овлажняетъ его поцѣлуями устъ похотливыхъ.
Часто она это искренне дѣлаетъ и наслажденій
Ищетъ взаимныхъ, когда побуждаетъ въ любви подвизаться.
Не по иной вѣдь причинѣ у птицъ, у домашнихъ животныхъ
И у звѣрей всякихъ самки охотно самцамъ поддаются?
Самокъ природа сама исполняется похотью жгучей
И оттого онѣ всѣ нападенью самцовъ уступаютъ.
Не замѣчаешь-ли ты какъ жестоко страдаютъ въ соитьи
Тѣ существа, что къ нему обоюдною страстью склонились?
Какъ разобщиться стараются на перекресткахъ собаки,
И прилагаютъ усилія, чтобъ отойти другъ отъ друга?
А между тѣмъ въ крѣпкихъ узахъ ихъ все-таки держитъ Венера.

Ни въ какомъ случаѣ этого не совершали-бъ собаки,
И не могли бы въ такую попасть западню и застрять въ ней
Еслибъ къ тому не склонялись онѣ наслажденьемъ взаимнымъ.
А потому, повторяю, утѣхи любви—обоюдны.

Если случится при совокупленьи, что сѣмя мужское
Женщина силой своей одолѣетъ и сразу восприметъ,
То отъ матерняго сѣмени схожія съ матерью дѣти
Родятся, а отъ отцовскаго—схожи съ отцомъ выйдутъ дѣти.
Тѣ-же, у коихъ замѣтенъ обоихъ родителей обликъ,
Произошли отъ смѣшенья отцовской крови съ материнской.
Сѣмя обоихъ тогда возбужденное въ членахъ Венерой
Здѣсь воедино слилося въ стремленіи страсти взаимной,
Такъ что ни то ни другое здѣсь сѣмя не преобладало.
Также случается часто, что дѣти походятъ на предковъ
Дальнихъ, и прадѣдовъ воспроизводятъ черты родовыя,
Въ силу того, что въ родительскомъ тѣлѣ бываетъ порою
Въ видѣ сокрытомъ большое количество тѣлецъ первичныхъ,
Кои къ отцу отъ отца переходятъ отъ перваго предка.
Вотъ почему производитъ Венера различіе въ лицахъ
И придаетъ инымъ голосъ, фигуру и волосы предковъ.
Все это также зависитъ отъ опредѣленныхъ зачатковъ,
Какъ остальной нашъ составъ, какъ тѣла наши, лица и члены.
Сѣмя мужское рождаетъ порой поколѣніе женщинъ,
И происходитъ отъ сѣмени женщинъ мужское потомство,
Такъ какъ всегда изъ двоякаго сѣмени плодъ возникаетъ.
Всетаки тотъ изъ родителей болѣе сѣмени вноситъ
Съ кѣмъ больше сходства имѣетъ рожденный. Въ немъ можно увидѣть
Или же отрасль отца, или женское больше начало.

Не изволеньемъ боговъ отъ иного посѣвъ плодотворный
Отнятъ совсѣмъ, чтобы онъ отъ дѣтей никогда не услышалъ
Имя отца, чтобъ безплоднымъ всю жизнь его бракъ оставался.
Многіе думаютъ такъ, орошая потоками крови
Жертвенникъ, и алтари одѣляя большими дарами,
Чтобъ плодотворное сѣмя наполнило чрево ихъ женамъ.

Но божество и оракуловъ тщетно они безпокоятъ.
Сѣмя бываетъ безплодно, когда оно густо чрезмѣрно,
Или тогда, когда слишкомъ оно водянисто и жидко.
Жидкое сѣмя не можетъ гдѣ нужно ему прикрѣпиться.
Всюду оно расплывается или стекаетъ обратно.
Сѣмя густое, напротивъ, течетъ слишкомъ плотною массой,
И вылетаетъ притомъ съ недостаточной силой стремленья,
А потому въ надлежащее мѣсто проникнуть не можетъ,
Или, проникнувъ, сливается плохо тамъ съ сѣменемъ женскимъ.

Отъ соотвѣтствія много зависитъ въ любви, мнѣ сдается.
Женщинъ однѣхъ отягчаетъ успѣшнѣй иной, а другія
Женщины лишь отъ извѣстныхъ мужчинъ свое бремя пріемлютъ.
Многія женщины раньше въ супружествѣ были безплодны,
Но получали впослѣдствіи мужа, отъ коего дѣти
Произошли, и онѣ красовались счастливымъ потомствомъ.
Также и тѣ, у которыхъ въ дому были жены безплодны,
Послѣ того находили жену подходящую больше
Къ свойствамъ ихъ, такъ что могли они старость дѣтьми обезпечить.
Вотъ до чего тутъ большое значенье имѣетъ, чтобъ сѣмя
Съ сѣменемъ тѣмъ сочеталось, какое подходитъ по свойствамъ:
Жидкое сѣмя съ густымъ, густое-же—съ сѣменемъ жидкимъ.

Важно затѣмъ какой пищею жизнь сохраняется наша.
Вслѣдствіе пищи одной у насъ сѣмя сгущается въ членахъ;
Пища другая, напротивъ, его разжижаетъ и сушитъ.
Важно не меньше и то, какимъ образомъ кто воспріемлетъ
Сладость любовныхъ утѣхъ. Очень многіе думаютъ, будто
Жены ихъ больше способны къ зачатью по способу дикихъ
Четвероногихъ животныхъ, и будто свой задъ подставляя,
Груди-же внизъ опуская, ихъ жены скорѣй тяжелѣютъ.

Но для супруговъ не нужно совсѣмъ похотливыхъ движеній.
Женщина противодѣйствуетъ и затрудняетъ зачатье,
Рѣзвымъ движеніемъ бедеръ отъемля у мужа охоту,
И своей мягкою грудью волненіе въ немъ возбуждая.

Отъ борозды надлежащей она только плугъ совращаетъ,
И изверженіе сѣмени съ вѣрныхъ путей совлекаетъ.
Тѣлодвиженья такія присущи блудницамъ съ той цѣлью,
Чтобъ не беременѣть, чтобъ избѣгать непрестанныхъ зачатій
И вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ любовью своей быть угоднѣй мужчинамъ.
Нашимъ супругамъ въ движеньяхъ такихъ, мнѣ сдается, нѣтъ нужды.

Безъ изволенья боговъ иногда и безъ стрѣлъ Афродиты
Женка хотя некрасивая все-же бываетъ любима.
Но въ такомъ случаѣ женщина эта своимъ поведеньемъ,
Скромнымъ, пріятнымъ своимъ обращеньемъ, опрятностью тѣла
Дѣлаетъ то, что супругъ съ нею жизнь раздѣлять привыкаетъ.
Нужно прибавить: привычка сильнѣй чѣмъ любовь насъ связуетъ,
Такъ какъ толчки, даже легкіе, при повтореніи частомъ
Все побѣждаютъ съ теченіемъ времени и ослабляютъ.
Развѣ не видишь какъ капли дождя, упадая на камень,
Точатъ его и чрезъ долгое время насквозь пробиваютъ?

КНИГА ПЯТАЯ.

Содержаніе.

Похвала Эпикуру и сравненіе его заслугъ съ заслугами боговъ и героевъ. Краткій перечень предметовъ, составляющихъ содержаніе пятой книги. Исторія образованія міра. Независимость міра отъ боговъ и отсутствіе при созданіи міра сознательной цѣлесообразности. Доказательства послѣдняго положенія и примѣры несовершенства природы. Природа міра имѣла когда-то начало и ей будетъ конецъ, такъ какъ составныя части ея: земля, вода, воздухъ, огонь также имѣютъ начало и подвержены гибели, такъ какъ историческія свѣдѣнія имѣютъ извѣстный предѣлъ во времени, такъ какъ нашъ міръ отъ природы различенъ съ субстанціей трехъ вѣчныхъ вещей: первичныхъ тѣлецъ, вселенной и пустоты, и наконецъ, такъ какъ въ нашемъ мірѣ у насъ на глазахъ постоянно происходитъ борьба силъ, уничтожающихъ одна другую, причемъ иногда беретъ верхъ огонь, а иногда вода.

Образованіе нашего міра вслѣдствіе разнообразныхъ случайныхъ комбинацій между первичными тѣльцами. Начало началъ. Хаосъ. Раздѣленіе стихій. Происхожденіе луны и солнца. Причины ихъ вращенія по воздуху. Отдѣленіе воды отъ суши. Происхожденіе звѣздъ и ихъ движеній. Изложеніе нѣсколькихъ возможныхъ причинъ звѣздныхъ движеній, изъ которыхъ одна должна быть дѣйствительна. Земля какъ тѣло—утвержденное (вросшее) въ особую родственную ему атмосферу. Связь земли съ небесной атмосферой. Движеніе луны. Возможныя причины этого движенія и фазы. Причины согрѣванія земли солнцемъ. Возможныя причины временъ года, ночи и дня, постепеннаго возрастанія и уменьшенія дня и ночи, блеска луны, солнечныхъ и лунныхъ затменій и т. под. предметовъ. Исторія происхожденія и развитія земли. Появленіе деревьевъ и травъ; рожденіе первыхъ животныхъ, ихъ первоначальное питаніе. Появленіе доисторическихъ животныхъ и причина ихъ исчезновенія. Невозможность рожденія чудовищъ вродѣ: Центавровъ, Сциллы, Химеры. Появленіе первобытнаго человѣка. Его нравы и обиходъ. Нѣкоторыя преимущества въ жизни первобытныхъ людей. Изобрѣтеніе одежды, жилищъ, ознакомленіе съ силой огня. Возникновеніе рѣчи. Построеніе городовъ. Учрежденіе царской власти и ниспроверженіе ея. Возникновеніе идеи божества.

Религія, ея происхожденье изъ суевѣрнаго страха. Истинная религія — спокойное познаваніе вещей. Открытіе металловъ. Мѣдь. Желѣзо. Изобрѣтеніе оружія и примѣненіе дикихъ звѣрей къ военному дѣлу. Изобрѣтеніе тканья, орудій для обработки почвы, музыкальныхъ инструментовъ, грамоты, судостроенія и искусствъ.

Можетъ ли чей-нибудь стихъ, исходящій изъ мощнаго сердца,
Славить достойно его за величіе дѣлъ и открытій?
Кто обладаетъ искусствомъ рѣчей, чтобы въ пѣснѣ хвалебной
Выразить всю совокупность заслугъ того мужа, чей разумъ
Столько задачъ разрѣшилъ и оставилъ намъ столько сокровищъ?
Нѣтъ, полагаю, никто изъ рожденныхъ со смертною плотью.
Ибо, судя по значенью великому добытыхъ знаній,
Надо назвать его богомъ, да! богомъ, блистательный Меммій!
Онъ изобрѣлъ намъ впервые тотъ способъ веденія жизни,
Что называется мудростью. Онъ съ несравненнымъ искусствомъ
Жизнь нашу вывелъ изъ многихъ сомнѣній, изъ мрака густого,
Давъ ей покой и ее къ лучезарному выставивъ свѣту.

Взять для сравненья открытья, что дали намъ въ древности боги.
Такъ, говорятъ, намъ Церера плоды доставляетъ, а Либеръ
Ввелъ потребленіе пьянаго виннаго сока у смертныхъ.
Между тѣмъ въ жизни безъ этихъ вещей обходиться возможно,
Какъ существуютъ, по слухамъ, безъ нихъ и иные народы.
Но благоденствовать въ жизни нельзя намъ безъ чистаго сердца.
Вотъ потому-то тѣмъ болѣе долженъ казаться намъ богомъ
Тотъ, отъ кого утѣшеніе сладкое жизни исходитъ,
Распространяясь и нынѣ среди величайшихъ народовъ.

Если дѣламъ Геркулеса ты думаешь дать предпочтенье,
То уклоняешься этимъ ты сильно отъ вѣрнаго взгляда.
Что составляетъ для насъ въ настоящее время зіянье
Пасти Немейскаго льва, иль чудовищный вепрь Аркадійскій.
Что можетъ сдѣлать намъ Критскій тѣлецъ и страшилище Лерны,
Гидра, повсюду обвитая множествомъ змѣй ядовитыхъ?
Или великая мощь Геріонова тѣла тройного?
Сила коней Діомеда, огонь изъ ноздрей извергавшихъ
По берегамъ Бистонійскимъ, Фракійскимъ и даже въ Исмару?

Можетъ ли какъ-нибудь это вредить намъ? И нужно-ль бояться
Ранъ отъ когтей хищныхъ птицъ Аркадійскихъ на брегѣ Стимфала?
Или же змѣя со взглядомъ свирѣпымъ и тѣломъ огромнымъ,
Сторожа яблокъ златыхъ въ отдаленныхъ садахъ Гесперидскихъ,
Что вкругъ ствола обвивался? И что, наконецъ, угрожаетъ
Намъ среди моря суроваго у береговъ Атлантійскихъ,
Къ коимъ ни мы не дерзаемъ приблизиться ни чужеземцы?
Если бы непобѣжденными чудища въ этакомъ родѣ
Жили донынѣ, какой они вредъ принести намъ могли бы?
Думаю я—никакого. Земля изобилуетъ вдосталь
Дикой породой звѣрей, и исполнены ужасовъ всякихъ
Заросли горныхъ высотъ и глубокія дебри лѣсныя;
Но въ большинствѣ въ нашей власти бываетъ тѣхъ мѣстъ сторониться.

А если сердце у насъ не очищено, сколько боренья,
Сколько опасностей тяжкихъ ему причиняется тотчасъ!
Сколько суровыхъ тревогъ раздираетъ того человѣка,
Коего страсть обуяла! И сколько, затѣмъ, опасеній!
Сколько потерь причиняютъ ему неопрятныя мысли,
Наглая дерзость, гордыня, а также бездѣлье и роскошь!
Тотъ, кто все это съумѣлъ побѣдить и изъ нашего духа
Вытѣснить вонъ не оружьемъ, а словомъ, не стоитъ ли, чтобы
Люди его наравнѣ съ божествомъ почитали безсмертнымъ?
И потому особливо, что самъ о безсмертныхъ богахъ онъ
По вдохновенію свыше привыкъ изрекать поученья,
И разъяснялъ существо всѣхъ вещей въ поученіяхъ этихъ.

Я по слѣдамъ его здѣсь приступлю къ изложенью вопроса,
И докажу въ сочиненьи моемъ, что условія, въ коихъ
Всѣ существа были раньше, должны продолжаться въ дальнѣйшемъ,
И отмѣнить невозможно законовъ незыблемыхъ жизни.
(Такъ уже съ первыхъ шаговъ открываетъ намъ духа природа,
Что возникаетъ онъ только во плоти рожденной и смертной,
Что невредимымъ онъ долгое время не можетъ остаться,
Но въ заблужденіе часто во снѣ его образы вводятъ,
Такъ что, сдается, онъ видитъ того, кто лишенъ уже жизни).

Требуетъ кромѣ того моего разсужденья порядокъ,
Чтобъ доказалъ я, что міръ состоитъ весь изъ тѣлъ преходящихъ,
А въ то же время и то, что весь міръ сотворенъ былъ когда-то.
Также о томъ скажу, какъ изъ скопленья матеріи разной
Образовались моря, и земля, и свѣтила, и небо,
Солнечный шаръ и луна, и какія созданья бываютъ
Здѣсь на землѣ, а какія—еще никогда не родились.
Дальше скажу я, какъ люди, нарѣчіе разнообразя
И прилагая къ вещамъ имена, разговаривать стали.
Также о томъ, какимъ образомъ въ сердцѣ у нихъ вкоренился
Страхъ предъ богами, вездѣ на землѣ охраняющій святость
Капищъ, священныхъ озеръ, алтарей и божественныхъ статуй.

Кромѣ того разсмотрю я движеніе солнца, блужданье
Мѣсяца; сила какая въ природѣ ихъ путь направляетъ;
Чтобы не думали мы, что они межъ землею и небомъ,
Вслѣдствіе собственной воли свой путь непрестанно свершаютъ,
Всюду содѣйствуя произрастанью плодовъ и животныхъ,
Или что эти движенья по волѣ боговъ происходятъ.
Даже и тѣ, кои правильно мыслятъ, что боги проводятъ
Жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь къ суевѣрьямъ
Древнихъ религій, и власть допускаютъ жестокихъ тирановъ
Въ пору, когда наблюдаютъ явленія разныя въ мірѣ,
А особливо явленія тѣ, что у нихъ происходятъ
Надъ головою въ предѣлахъ эѳирныхъ. Несчастные вѣрятъ,
Что божество всемогуще. Не знаютъ они, что̀ возможно
Въ мірѣ и что̀ невозможно, и чѣмъ ограничены свойства
Въ каждомъ предметѣ, какія съ нимъ связаны высшія цѣли.

Впрочемъ, чтобъ дальше тебя не держать на однихъ обѣщаньяхъ,
Взглянемъ съ тобой поначалу на землю, на море и небо.
Эти три разныя сущности, эти три тѣла, мой Меммій,
Три существа, столь несхожія между собою по складу
Нѣкогда сгинуть должны, и громада міровъ, продержавшись
Множество лѣтъ, пропадетъ какъ и вся міровая машина.

Не сомнѣваюсь въ душѣ, что въ умахъ возбудитъ удивленье
Новая вѣсть о крушеньи въ грядущемъ земли всей и неба,
И что къ ученью сему мнѣ людей преклонить будетъ трудно.
Это бываетъ, когда до ушей ихъ доводимъ мы вещи
Необычайныя, коихъ нельзя на глаза имъ представить,
Или руками ощупать, чтобъ способомъ этимъ надежнымъ
Вѣра къ нимъ въ сердце и въ область разсудка проникла глубоко.
Все таки выскажусь я. Само дѣло, быть можетъ, ученью
Вѣру придастъ. При большихъ колебаньяхъ земли ты увидишь,
Съ силой какой разрушаются въ краткое время всѣ вещи.
Но пусть отъ насъ отвратятъ это руководящія судьбы!
Пусть лучше разумъ, чѣмъ самое дѣло, насъ въ томъ убѣждаетъ,
Что съ ужасающимъ грохотомъ міръ весь разрушиться можетъ.

Прежде чѣмъ я приступлю къ изреканью объ этомъ предметѣ
Тѣхъ прорицаній, которыя много вѣрнѣй и священнѣй
Пиѳіи, въ Фебовой рощѣ лавровой, рекущей съ тренога,
Рѣчью ученою многое выскажу я въ утѣшенье;
Чтобы, религіей связанный, какъ нибудь ты не подумалъ,
Будто бы солнце, земля, небосводы, моря и свѣтила,
Будучи плотью божественной просуществуютъ во-вѣки.
Ты не подумай поэтому, что по примѣру Гигантовъ
Долженъ вину искуплять какъ-бы за преступленье большое
Тотъ, кто разсудкомъ своимъ грани міра стремится разрушить,
Кто угасить будто хочетъ на небѣ прекрасное солнце
Тѣмъ, что безсмертную вещь называетъ онъ смертнымъ названьемъ.

Но далеки отъ божественной святости всѣ эти вещи,
Такъ что, сдается, имъ между богами и быть не пристало,
Ибо онѣ намъ скорѣе на то могутъ дать указанье,
Что лишены онѣ жизненныхъ даже движеній и чувства.
Предполагать невозможно, притомъ, чтобы каждое тѣло
Было сознаніемъ одарено и духовной природой.
Въ воздухѣ дерево также рости не могло бы; а въ морѣ
Тучи не могутъ собраться. Не могутъ водиться на пашнѣ
Рыбы; не можетъ быть крови у дерева или у камня.

Точно назначено, гдѣ чему быть и чему развиваться.
Сущность-же духа не можетъ отдѣльно безъ тѣла возникнуть
И пребывать гдѣ-нибудь въ отдаленьи отъ нервовъ и крови.
Если-бъ то было возможно, то прежде всего силы духа
Существовали у насъ въ головѣ и въ плечахъ или пяткахъ,
И возникали-бы обыкновенно у насъ гдѣ попало,
Не оставаясь всегда у людей во вмѣстилищѣ томъ же.
Нѣтъ, такъ какъ въ тѣлѣ людей постоянно назначено мѣсто
Опредѣленное, гдѣ развиваются и существуютъ
Духъ и душа, то тѣмъ болѣе нужно всецѣло отвергнуть,
Что пребывать они могутъ безъ тѣла, безъ формы животной
Въ глыбахъ истлѣвшей земли или въ пламени жаркаго солнца,
Или въ водѣ, или въ воздухѣ, въ вышнихъ предѣлахъ эѳира.
Значитъ не одарены эти вещи божественнымъ смысломъ,
Если онѣ не одушевлены даже вѣяньемъ жизни.

Вѣрить не слѣдуетъ будто боговъ пресвятое жилище
Расположилося въ части какой-нибудь нашего міра;
Ибо нѣжна очень сущность боговъ и отъ нашего чувства
Удалена, такъ что умъ нашъ съ трудомъ ихъ себѣ представляетъ.
Для осязанія рукъ и ударовъ они недоступны,
То̀ же, что неосязаемо, насъ и касаться не можетъ.
Трогать не можетъ насъ то̀, что не можетъ быть тронуто нами.
Такъ что должны отличаться жилища безсмертныхъ отъ нашихъ,
И по составу должны быть такъ тонки какъ сами-же боги.
Это я дальше тебѣ докажу въ разсужденьи пространномъ.

Думать, затѣмъ, что для нуждъ человѣческихъ создали боги
Всю эту дивную сущность міровъ, что по этой причинѣ
Должно хвалить непрестанно боговъ достохвальное дѣло,
Предполагая въ грядущемъ его вѣковѣчнымъ, безсмертнымъ;
Или же грѣшнымъ считать, что колеблемъ мы міра порядокъ,
Промысломъ вѣчно блаженныхъ боговъ утвержденный издревле
Въ пользу племенъ человѣческихъ на безконечное время,
И оскорбляемъ порядокъ тотъ словомъ, сводя его книзу,
И измышлять и выдумывать прочее въ этакомъ родѣ—

Крайне безумно, мой Меммій. На что имъ блаженнымъ, безсмертнымъ
Могутъ сгодиться обильныя благодаренія наши,
Чтобы ввиду нашихъ нуждъ приступили къ творенію боги?
Новость какая способна была ихъ привлечь послѣ стольких
Лѣтъ безмятежныхъ, что вдругъ они жизнь измѣнить пожелали?
Только тогда, мнѣ сдастся, заманчивы новыя вещи,
Если ужь тягостны старыя. Но, кто печали не вѣдалъ
Въ прежнее время, и всю свою жизнь проводилъ благолѣпно,
Будетъ ли столь увлекаться пристрастьемъ къ какимъ-то новинкамъ?
Развѣ ихъ жизнь въ темнотѣ и въ страданіяхъ тяжкихъ влачилась,
Прежде чѣмъ не возсіяло начало родящее міра?
Сдѣлали-бъ боги намъ зло, если-бъ вовсе насъ не сотворили?
Всякій рожденный на свѣтъ, непремѣнно въ живыхъ оставаться
Хочетъ, пока соблазняютъ его наслажденія жизни.
Но для того, кто еще не извѣдалъ любви такой къ жизни,
Кто средь живыхъ не былъ,—что за бѣда если онъ не родился?

Дальше: откуда достались богамъ образцы всѣхъ предметовъ,
Созданныхъ ими, а также понятіе о человѣкѣ?
Знали-ль они, сознавали-ль въ душѣ то, что сдѣлать хотѣли?
Какъ бы узнали они о значеніи тѣлецъ первичныхъ,
Кои столь многое могутъ создать, свой порядокъ мѣняя,
Если-бъ природа сама не дала образцовъ для творенья?
Тѣльца первичныя эти въ количествѣ неисчислимомъ,
И отъ временъ незапамятныхъ всюду проносятся, частью
Движимы собственной тяжестью, частью гонимы толчками.
Между собой они всячески сходятся и испытуютъ
Все то, что можетъ возникнуть отъ тѣхъ и другихъ столкновеній.
Стало быть не удивляйся, что именно это движенье
Свойственно имъ, что они очутились въ такомъ положеньи,
Въ коемъ находятся нынѣ, весь міръ обновляя рожденьемъ.

Если-бъ совсѣмъ неизвѣстны мнѣ были первичныя тѣльца,
То и тогда-бъ я посмѣлъ утверждать по строенію неба,
И заключать изъ большого количества прочихъ явленій,
Что не для насъ была призвана къ жизни божественной силой

Сущность вещей, у которой погрѣшностей столько найдется.

Прежде всего изъ того, что покрыто пространствами неба
Часть занимаютъ найбольшую горы и дебри лѣсныя
Съ дикимъ звѣрьемъ, и ее наполняютъ утесы, болота,
Или моря, раздѣлившія всѣ берега такъ широко.
Далѣе, двѣ приблизительно части отъяты у смертныхъ
Зноемъ удушливымъ и остротой холодовъ постоянныхъ.
То, что осталось для пашни, природа сама покрываетъ
Дикимъ кустарникомъ, если тому не препятствуютъ люди,
Въ страдѣ житейской привыкшіе охать надъ киркой двузубой
И разрыхлять свое поле движеньемъ тяжелаго плуга.
Если-бъ сошникъ плодоносныхъ комковъ земляныхъ не ворочалъ,
Въ почвѣ самой сѣмена возбуждая къ обильному всходу,
То ужь само по себѣ ничего бы не вышло на воздухъ.
Даже и послѣ того, какъ достигнуто было работой,
Что на землѣ расцвѣло все и весело зазеленѣло,
Или жарой непомѣрною воздуха сушится почва,
Или ее заливаютъ дожди и студитъ ее холодъ,
Или же вѣянье вѣтровъ суровыхъ ее удручаетъ.
Кромѣ того, почему на землѣ и на морѣ повсюду
Кормитъ и плодитъ природа свирѣпыхъ, ужасныхъ животныхъ,
Вредныхъ для рода людей? Почему время года приноситъ
Людямъ болѣзнь? Почему преждевременно смерть всюду бродитъ?

Или младенца возьми. Какъ пловецъ, что могучей волною
Выброшенъ, голый, безмолвный лежитъ на землѣ онъ, нуждаясь
Въ жизненной помощи всякой, когда средь потугъ его къ свѣту
Изъ глубины материнской утробы выводитъ природа.
Крикомъ младенческимъ онъ оглашаетъ всю мѣстность, и правъ—онъ,
Такъ какъ ему предстоитъ испытать столько жизненныхъ бѣдствій.
Между тѣмъ скотъ, табуны лошадей или дикіе звѣри
Безъ погремушекъ взростаютъ. Животнымъ совсѣмъ незнакомы
Тучной кормилицы льстивыя и шепелявыя рѣчи.
Также не нужны имъ разныя платья по времени года;
И, наконецъ, имъ не нужны оружье и крѣпкія стѣны

Для охраненья имущества. Каждому все въ изобильи
Почва даетъ и природа вещей припасаетъ искусно.

Прежде всего, такимъ образомъ, тѣло земное и влага,
Воздуха легкое вѣянье и раскаленное пламя—
Вотъ изъ чего составляется вся совокупность предметовъ.
Все состоитъ это изъ народившейся плоти и смертно,
И таковою же быть должна цѣлаго міра природа.
Ибо когда наблюдаешь ты, что создаются въ предметахъ
Части и члены изъ тѣлецъ рожденныхъ, подверженныхъ смерти,
То также цѣлое все рождено и подвергнется смерти.
Вслѣдствіе этого, если я вижу, что тѣ составныя
Части всего мірозданія гибнутъ и вновь возникаютъ,
Стало быть также и нашей землѣ и небесному своду
Было начало положено и предстоитъ имъ погибель.
Меммій, въ вопросахъ такихъ не считай легкомысленнымъ словомъ,
Что принимаю огонь я и землю, какъ смертное нѣчто,
Что несомнѣнной считаю я влаги и воздуха гибель,
И признаю въ нихъ возможность возникнуть и вновь развиваться.
Нѣкія части земли, подъ лучами палящаго солнца
До-гола выжженной и попираемой сильно ногами,
Клубами пыли летятъ къ облакамъ, проносящимся мимо,
И разсѣваются всюду по воздуху вѣтромъ могучимъ;
Частью же комья земли увлекаются прочь при разлитьи,
И берега размываются бурнымъ стремленьемъ потоковъ.
Почва къ тому же, которая служитъ всему къ приращенью,
Все возвращаетъ себѣ. Такъ что будучи матерью общей
Наша земля вмѣстѣ съ тѣмъ же становится общей могилой.
Значитъ земля убываетъ и снова растетъ обновляясь.

Нужно-ль доказывать словомъ, что рѣки, моря и потоки
Свѣжимъ притокомъ къ нимъ влаги всегда восполняются снова,
Такъ что всегда въ нихъ есть влага? Обильное водъ истеченье
Всюду даетъ себя знать. Но во влагѣ извѣстная доля
Прочь удаляется и не скопляется влага сверхъ мѣры.
Вѣтры суровые и бороздящіе море ее убавляютъ;

Солнце въ эѳирѣ лучами своими ее похищаетъ;
Частью же влага въ избыткѣ течетъ подъ землей повсемѣстно,
И, сквозь нее просочившись, къ истокамъ рѣчнымъ притекаетъ,
Послѣ чего надъ землею течетъ прѣсноводной рѣкою,
Тамъ, гдѣ однажды по руслу для волнъ она путь проложила.

Нынѣ скажу я о воздухѣ слово: какъ онъ ежечасно
Цѣлый составъ свой большое количество разъ измѣняетъ.
Кое-что вѣчно отъ всякихъ вещей истекаетъ, и льется
Все это въ море великое воздуха, въ коемъ предметы
Всѣ растворились бы и превратились бы въ воздухъ, когда бы
Воздухъ частицъ нѣкихъ не возращалъ, восполняя въ предметахъ
Убыль. А значитъ всегда изъ вещей возникающій воздухъ
Вновь превращается въ вещи, которыя нѣкія части
Прочь выдѣляютъ. И свѣта источникъ, эѳирное солнце,
Тщательно весь небосводъ заливаетъ сіяніемъ новымъ,
Возстановляя здѣсь новымъ лучемъ каждый лучъ свой мгновенно;
Такъ какъ отчасти свой блескъ оно тамъ постоянно теряетъ,
Гдѣ упадаютъ лучи. Въ этомъ можно легко убѣдиться.
Въ пору, когда облака начинаютъ подъ солнцемъ носиться,
И преломляютъ какъ будто бы солнца лучи межъ собою,
Нижняя часть тѣхъ лучей пропадаетъ тотчасъ, и на землю
Тѣнь налагаетъ въ томъ мѣстѣ, надъ коимъ проносятся тучи.
Стало-быть знай, что нуждается все въ обновленіи свѣта;
И убѣждайся, что каждый низвергнутый лучъ погибаетъ.
Да, при условьяхъ иныхъ ничего не могли бы мы видѣть,
Если бы свѣта истокъ постоянно не возстановлялся.

Такъ и ночные свѣтильники происхожденья земного:
Всякія лампы висячія, яркіе факелы, блескъ свой
Льющіе свѣтлый кругомъ и дымящіе чадомъ смолистымъ,
Съ помощью жаркаго пламени тѣмъ же путемъ поспѣшаютъ
Возстановлять въ себѣ свѣтъ. И дрожитъ въ нихъ огонь постоянно,
Не допуская притомъ никакихъ перерывовъ въ движеньи.
До такой степени всякое пламя стремится поспѣшно
Образованіемъ новаго пламени убыль восполнить!

Надобно предположить, что свѣтила, и солнце, и мѣсяцъ
Свѣтъ свой кидаютъ, рождая одни лучи вслѣдъ за другими,
И что всегда они нѣкую пламени долю теряютъ.
Значитъ не думай, что свѣтъ невредимымъ всегда остается.

Развѣ не видишь ты, какъ побѣждаются временемъ камни?
Какъ разрушаются башни и какъ вывѣтряются скалы?
Какъ, обвѣтшавъ, разсѣдаются храмы боговъ и кумиры?
Какъ чрезъ границы судьбы божество преступить неспособно,
И удержаться во времени противъ законовъ природы?
Видишь ты, что монументы мужей, понемногу ветшая,
Рушатся и отъ случайностей часто приходятъ въ упадокъ;
Что отдѣлившись отъ горъ обрываются скалы большія,
Кои при крѣпости всей превозмочь и осилить не могутъ
Срока предѣльнаго. Вѣдь не упали-бы камни такіе,
Вдругъ отдѣлившись, когда-бъ безъ вреда они испоконъ вѣка
Тѣ потрясенья сносили, которыя время наноситъ.

Вверхъ ты взгляни, наконецъ, и кругомъ на тотъ міръ, что въ объятьяхъ
Землю всю держитъ. И если онъ все изъ себя порождаетъ,
По заключенью иныхъ, и въ себя послѣ смерти пріемлетъ,
То также самъ онъ изъ плоти, подверженной смерти, родился.
Вѣдь уменьшается то, чѣмъ растутъ и питаются вещи,
И восполняется, если оно ихъ въ себя принимаетъ.

Кромѣ того, если небо съ землей никогда не имѣли
Дня сотворенья и существованье ихъ длилося вѣчно,
То почему не воспѣли другіе поэты дѣяній,
Раньше Ѳиванской войны и паденія Трои свершенныхъ?
И отчего столько подвиговъ славныхъ минуло безслѣдно,
И никогда не былъ созданъ имъ памятникъ славы безсмертной?
Истинно, какъ полагаю я, міръ еще новъ, и природа
Въ очень недавнее время начало свое получила.
Вотъ почему улучшаются нѣкія нынѣ искусства,
И только нынѣ растутъ. Въ мореходствѣ прибавилось много
Новаго; а музыканты составили звучныя пѣсни;

И, наконецъ, только нынѣ природа предметовъ и смыслъ ихъ
Намъ открывается. Самъ выступаю я нынѣ, впервые
Чувствуя силу все высказать это родной нашей рѣчью.

Если же ты полагаешь, что міръ былъ такимъ же и раньше,
Но, что погибъ человѣческій родъ отъ палящаго жара,
Что города многолюдные пали съ крушеніемъ міра,
Или-же, что по землѣ отъ дождей непрерывныхъ потоки
Быстрые вдругъ полились и смели на ней всѣ поселенья,—
То ужъ тѣмъ болѣе необходимо признать ты обязанъ,
Что неизбѣжная гибель ждетъ землю и небо въ грядущемъ.
То, что подвержено столькимъ опасностямъ, столькимъ невзгодамъ,
Гибели доступъ широкій даетъ и крушенью большому,
Если причина себя настоятельно къ этому явитъ.
Не по иному чему почитаемся смертными всѣ мы,
Какъ потому, что болѣзнями тѣми-же нынѣ хвораемъ
Какъ и другіе, которые раньше насъ жизни лишились.

Вещи, при этомъ, которыя вѣчны, должны непремѣнно
Или въ виду своей плотности противустать всѣмъ ударамъ,
Не допуская, чтобъ что-нибудь внутрь ихъ проникло и этимъ
Ихъ раздробило на многія части. Сюда отношу я
Тѣльца первичныя, сущность которыхъ указана выше.
Или же въ силу того могутъ вещи продлиться во вѣки,
Что недоступны онѣ для толчковъ. *Пустоту* я причислю
Къ этому роду: ей чужды удары и прикосновенье.
Вещи безсмертны еще оттого, что вкругъ нихъ нѣтъ пространства,
Гдѣ бы онѣ разложиться на части могли и исчезнуть.
Вотъ такова вѣковѣчная сущность *вселенной*, внѣ коей
Нѣтъ ни пространства, куда она перемѣститься могла бы,
Ни такихъ тѣлъ, что могли-бъ ее силой ударовъ разрушить.
Но (какъ сказалъ ужъ я) міра природа собой представляетъ
Нѣчто неплотное, ибо въ него пустота примѣшалась.
Міръ-же съ другой стороны и не есть пустота. Недостатка
Не ощущается въ разныхъ тѣлахъ, что, возставши, способны
Съ силой на міръ сей обрушиться, произвести въ немъ смятенье,

Или иначе какъ-либо его повести къ разрушенью.
Нѣтъ, наконецъ, недостатка въ такомъ безконечномъ пространствѣ,
Гдѣ стѣны міра распасться въ обломки могли бы свободно,
Или погибнуть отъ разныхъ иныхъ какихъ-либо условій.
Такъ что не заперты смерти врата ни для сводовъ небесныхъ,
Ни для земли, ни для моря глубокихъ пучинъ, ни для солнца.
Наоборотъ они настежъ отверсты, зіяя широко.
Значитъ все сущее въ мірѣ рожденье свое получило;
Тò же, что съ плотію смертною создано было, не можетъ
Пренебрегать безконечнаго времени мощною силой,
Коей донынѣ оно подвергается испоконъ вѣка.

Но при борьбѣ, существующей между стихіями міра,
И при войнѣ постоянной, далёко не благочестивой,
Развѣ не видишь ты, что продолжительнымъ этимъ раздорамъ
Будетъ положенъ конецъ, когда жаръ и палящее солнце
Восторжествуетъ въ природѣ, всю до-суха высосавъ влагу?
Влага къ тому же стремится, но тщетны доселѣ попытки.
Такъ пополняются рѣки, и въ свой чередъ такъ угрожаетъ
Море глубокое все утопить въ своихъ омутахъ темныхъ!
Но понапрасну все. Вѣтры, вздымая морскія пучины,
Ихъ испаряетъ. Ихъ сушитъ лучами эѳирное солнце.
Надобно думать, что все можетъ высохнуть до-тла на свѣтѣ,
Прежде чѣмъ влага своей разрушительной цѣли достигнетъ.
Ожесточенно и видимо съ равнымъ успѣхомъ стихіи
О достояньи великомъ ведутъ межъ собой поединокъ.
Такъ одинъ разъ на землѣ побѣдило горячее пламя,
А, по преданьямъ, въ другой—на поляхъ пересилила влага.
Верхъ взяло пламя, и многое тутъ, обложивъ, истребило,
Въ пору когда Фаэтона съ стремительной силой влачили
Кони могучіе солнца по цѣлой землѣ и эфиру.
Но всемогущій отецъ, воспалившійся гнѣвомъ жестокимъ,
Молнію бросилъ и великодушнаго свергъ Фаэтона
Внизъ съ колесницы на землю. Къ упавшему солнце навстрѣчу
Вышло и приняло снова свѣтильникъ немеркнущій міра.
Дикихъ коней укротивъ, солнце вновь запрягло ихъ дрожавшихъ;

Путь свой затѣмъ оно возобновило, владѣя всѣмъ міромъ.
Такъ воспѣвали событіе въ Греціи древней поэты;
Все-жь это очень далеко отъ соображеній разсудка.
Можетъ и вправду огонь разростись, тамъ гдѣ испоконъ вѣка
Тѣльца его вещества понемногу скоплялися въ кучу.
Въ случаѣ этомъ слабѣетъ онъ, силой другой побѣжденный,
Или же гибнутъ всѣ вещи, сожженныя пламенемъ жгучимъ.
Нѣкогда преобладать стала также и влага, скопившись,
Такъ что она, говорятъ, городовъ потопила немало.
Но когда сила другая здѣсь дѣйствовать стала обратно,
Воды, которыя отъ безконечныхъ временъ накоплялись,
Остановились, и сила потоковъ тогда уменьшилась.

Но какимъ образомъ изъ столкновеній матеріи вышли
Небо, земля и глубокое море, а также вращенье
Солнца и мѣсяца? Это я все разскажу по порядку.

Истинно: тѣльца первичныя всѣ при своихъ сочетаньяхъ
Твердымъ порядкомъ и яснымъ сознаньемъ не руководились,
И не условились раньше, какое кому дать движенье.
Нѣтъ, они многообразно, въ количествѣ неисчислимомъ
И отъ временъ безконечныхъ повсюду носилися, частью
Движимы собственной тяжестью, частью гонимы толчками.
Всячески между собою сходились они, испытуя
Все то, что можетъ возникнуть отъ тѣхъ иль другихъ сочетаній.
Вотъ и случилось поэтому, что, отъ временъ безконечныхъ,
Пробуя всѣ сочетанья и всякіе роды движенья,
Тѣльца первичныя такъ напослѣдокъ сошлись, что нежданно
Сдѣлались многихъ великихъ вещей постоянной причиной:
Моря, земли, небосвода и всякаго рода животныхъ.

Нѣкогда въ мірѣ нельзя было видѣть вращенія солнца,
Льющаго свѣтъ съ высоты, ни свѣтилъ безконечнаго неба,
Ни небосвода, ни воздуха, также ни суши ни моря.
Видѣть нельзя было міра, схожаго съ тѣмъ, что мы видимъ
Нынѣ, а нѣкое скопище свѣжей и сплоченной массы.

Обособляться за этимъ стихіи различныя стали.
Схожее стало сходиться со схожимъ; сталъ міръ раздѣляться.
Члены возникли отдѣльные, распредѣлилась на части
Общая масса зачатковъ первичныхъ. Разладъ между ними
Въ смыслѣ путей, разстоянія, вѣса, толчковъ, сочетаній
Всѣ возмущалъ ихъ движенья; борьба среди нихъ затѣвалась
Вслѣдствіе разницы въ формахъ, равно какъ различій въ фигурахъ.
Тѣльца остаться, притомъ, не могли въ сочетаньяхъ извѣстныхъ,
И не могли предпринять межь собой сообразныхъ движеній:
То-есть отъ нашей земли отдѣлить въ высоту небосводы,
Чтобъ, обособившись, въ чистомъ эѳирѣ свѣтила носились,
Или пространныя глади морей отдѣлить совершенно.

Такъ поначалу зачатки земли воедино сплотились,
И въ срединѣ, въ нижайшихъ частяхъ себѣ заняли мѣсто,
Ибо они тяжелѣе и болѣе спутаны вмѣстѣ.
Чѣмъ больше спутаны между собою первичныя тѣльца
Тѣмъ вытѣсняютъ сильнѣй вещество, изъ чего создалися
Солнце, моря и свѣтила, и грани великаго міра,
Ибо все то состоитъ изъ зачатковъ легчайшихъ и круглыхъ
И заключаетъ первичныя тѣльца значительно меньше,
Чѣмъ у земли. Оттого чрезъ отверстья и скважины почвы
Вырвался прежде всего и вознесся эѳиръ огненосный,
Легкимъ движеніемъ много огня увлекая съ собою.
Не по причинѣ иной наблюдаемъ мы это нерѣдко
Въ пору, когда рано утромъ сіянье лучистаго солнца
Пышный уборъ золотистой росы обагрястъ на травахъ;
И поднимаются плавно туманы съ озеръ и потоковъ.
Кажется будто земля сама паръ испускаетъ въ то время.
Послѣ того въ высотѣ испаренья сливаются вмѣстѣ,
Массой сгустившейся тучъ наверху небеса покрывая.
Стало-быть такъ и тогда было. Легкій, прозрачно-летучій
Тамъ испарялся эѳиръ, окруженный матеріей плотной.
И, широко расплываясь повсюду во всѣхъ направленьяхъ.
Прочее все заключилъ онъ въ своихъ ненасытныхъ объятьяхъ.

Образовались впослѣдствіи солнце съ луной и вращенье
Этихъ шаровъ межъ землей и эѳиромъ въ воздушномъ пространствѣ.
Не пріобщила земля ихъ къ себѣ ни эѳиръ высочайшій,
Такъ какъ они не столь тяжки, чтобъ внизъ опуститься на землю,
И не настолько легки, чтобъ подняться до высшихъ предѣловъ.
Такъ межъ землей и эѳиромъ они, какъ живыя созданья,
Вертятся и составляютъ одну изъ частей всего міра.
То же бываетъ и въ нашихъ тѣлахъ: неподвижны бываютъ
Члены одни, между тѣмъ какъ другіе способны къ движенью.

По удаленіи этихъ свѣтилъ на большомъ разстояньи,
Тамъ, гдѣ лазурное море простерлось, земля опустилась
И для соленыхъ пучинъ углубленіе образовала.
И чѣмъ сильнѣе жара день за днемъ становилась въ эѳирѣ,
Чѣмъ напирали сильнѣй лучи солнца повсюду на землю
Съ края до края открытую для постоянныхъ ударовъ
И въ серединѣ отъ этого ставшую болѣе плотной,
Тѣмъ изъ земли вытѣснялося болѣе соковъ соленыхъ,
Море собой пополнявшихъ, и водъ расширявшихъ поверхность.
И тѣмъ сильнѣй, вырываясь оттуда, летѣло наружу,
Много воздушныхъ и огненныхъ тѣлецъ. Отъ этого своды
Вышняго неба вдали отъ земли стали болѣе плотны.
Внизъ опустились поля, а высокія горы наклонъ свой
Вверхъ вознесли, такъ какъ книзу осѣсть не могли вѣдь утесы,
И не могли на землѣ также точно сравняться мѣста всѣ.

Такъ вмѣстѣ съ плотностью установилась въ землѣ также тяжесть,
Послѣ чего такъ сказать міровые осадки всѣ грузно
Внизъ опустились и тамъ совершенно осѣли какъ дрожжи.
И оттого вещества всѣ текучія чистыми стали:
Море сперва,—затѣмъ воздухъ, затѣмъ и эѳиръ огненосный.
Тутъ было легче одно, чѣмъ другое. Эѳиръ найлегчайшій
И найпрозрачнѣйшій выше воздушныхъ теченій растекся,
Но не мѣшая, притомъ, своей чистой матеріи съ бурей
Этихъ теченій, и всякимъ вещамъ не препятствуя вовсе
Въ вихряхъ неистовыхъ и въ перемѣнчивыхъ буряхъ метаться.

Самъ же эѳиръ свое пламя вознесъ, въ высоту устремляясь.
То̀, какъ эѳиръ равномѣрно течетъ въ направленьи единомъ,
Намъ указуетъ понтійское море, текущее ровно,
Образъ движенья всегда одинакій въ себѣ сохраняя.

Я воспою нынѣ происхожденіе звѣздныхъ движеній.
Если, допустимъ мы, вертится кругъ необъятнаго неба,
То, надо думать, съ обѣихъ сторонъ прижимается полюсъ
Токами воздуха, коими сдержанъ извнѣ онъ и замкнутъ.
Токи одни идутъ сверху и въ томъ направленьи, въ которомъ
Движутся тихо мерцая созвѣздія вѣчной вселенной;
Токи другіе же снизу идутъ въ направленьи обратномъ.
Это бываетъ и тамъ, гдѣ теченье вращаетъ колеса.

Очень возможно, что небо стоитъ совершенно недвижно,
А въ то же время, однако, вращаются ясныя звѣзды:
Иль оттого, что включенныя въ область волненій эѳира
Выхода ищутъ онѣ и огни свои ясные катятъ,
По необъятнымъ пространствамъ небеснаго свода вращаясь;
Или, затѣмъ, оттого, что воздушные нѣкіе токи
Движутъ огни ихъ извнѣ; оттого, наконецъ, что и сами
Двигаться могутъ онѣ, чтобъ огнямъ находить подкрѣпленье,
И чтобъ для пламенныхъ тѣлъ своихъ въ небѣ отыскивать пищу.
Вѣдь съ достовѣрностью трудно сказать отчего происходятъ
Эти явленья всѣ. Я объясняю лишь то, что возможно,
То, что бываетъ въ различныхъ мірахъ сотворенныхъ различно;
И моя цѣль изложить тебѣ много причинъ, по которымъ
Могутъ вездѣ совершаться движенія звѣздъ во вселенной.
А изъ причинъ многочисленныхъ этихъ одна непремѣнно
Звѣздамъ движенье даетъ, но которую выбрать здѣсь нужно,—
Не составляетъ задачу идущихъ по вѣрной дорогѣ.

Наша земля, чтобы въ мірѣ занять серединное мѣсто,
Сбавиться въ вѣсѣ должна была нѣсколько, сдѣлаться легче,
И обрѣсти подъ собою другую какую-то сущность,
Соединенную испоконъ вѣка и слитую вмѣстѣ

Съ частью воздушною міра, гдѣ прочно земля утвердилась.
Значитъ для воздуха тѣло земли не является тяжкимъ.
Такъ для людей не являются бременемъ члены ихъ тѣла,
И голова не бываетъ обузой для шеи, равно какъ
Ноги не чувствуютъ тяжести, нашему тѣлу присущей.
Все же, что къ намъ попадаетъ извнѣ и на насъ налегаетъ,
Есть уже тяжесть и малое даже насъ бремя стѣсняетъ.
Вотъ сколько важности въ томъ, какъ одна вещь къ другой примыкаетъ!
Стало быть такъ и земля не была какъ стороннее нѣчто
Принесена и откуда-то брошена въ воздухъ ей чуждый.
Нѣтъ! получила начало она съ сотвореніемъ міра,
И составляетъ часть міра какъ члены—часть нашего тѣла.

Дальше. Когда вдругъ земля потрясается громомъ великимъ,
Все, что на ней обрѣтается, также приходитъ въ движенье.
Этого быть не могло бы никоимъ путемъ еслибъ съ нею
Не были связаны части воздушныя міра и небо.
Въ корнѣ самомъ эти сущности двѣ примыкаютъ другъ къ другу,
Испоконъ вѣка согласныя и сопряженныя вмѣстѣ.
Развѣ ты не замѣчаешь, что тяжесть великую тѣла
Сила тончайшая нашей души поддержать въ состояньи,
Будучи съ тѣломъ соединена и съ нимъ связана тѣсно?
Что можетъ кверху проворнымъ скачкомъ вознести наше тѣло
Какъ не душевная сила, которая членами правитъ?
Не убѣждаешься ль ты какъ могуча столь тонкая сущность
Въ соединеніи съ тѣломъ тяжелымъ, примѣрно какъ воздухъ,
Соединенный съ землей, или сила души—съ нашимъ тѣломъ?

Солнечный кругъ со своей теплотой лишь немного побольше
Или поменьше того, какъ онъ чувствамъ является нашимъ.
Вѣдь на какомъ разстояньи огонь ни касался бы взора
И нашихъ членовъ ни отогрѣвалъ бы своей теплотою,
Пламя при этомъ въ составѣ своемъ ничего не теряетъ
И не является видъ его сколько-нибудь уменьшеннымъ.
А потому если солнца сіянье и жаръ, разливаясь,
Къ нашему чувству доходятъ и землю собою объемлютъ,

То очертанія солнца и форма должны представлять намъ
Истинный видъ, ничего не мѣняя здѣсь больше иль меньше.

Движется ль мѣсяцъ, заимствуя свѣтъ озаряющій землю,
Или, напротивъ, свой собственный свѣтъ испуская изъ тѣла,
По своему онъ объему нисколько ни больше ни меньше,
Чѣмъ и на дѣлѣ самомъ представляется нашему взору.
Вещи, которыя видимъ мы на разстояньи далекомъ,
Кажутся взору скорѣй затемненными токомъ воздушнымъ,
Чѣмъ измѣненными по очертаньямъ. Поэтому мѣсяцъ,
Обликъ блестящій и строго очерченный видъ представляя,
И выдѣляясь отчетливо внѣшнихъ краевъ очертаньемъ,
Кажется намъ въ высотѣ таковымъ же каковъ онъ на дѣлѣ.

И, наконецъ, всѣ огни тѣ эѳирные, кои ты видишь,
Тоже поэтому могутъ казаться намъ нѣсколько меньше
Или же чуть-чуть поболѣе, чѣмъ они суть въ самомъ дѣлѣ.
Такъ и огонь, на землѣ наблюдаемый нами: покуда
Ясно его трепетанье, покуда въ немъ пламя замѣтно,
На разстояньи далекомъ онъ будто бы самую малость
Съ той и съ другой стороны очертанья свои измѣняетъ.

Не удивительно также и то, почему при размѣрахъ
Столь незначительныхъ солнце имѣетъ возможность наполнить
Свѣтомъ своимъ все пространство небесное, землю и море,
Или залить всѣ мѣста теплотою своихъ испареній.
Можетъ быть, что лишь единый обильный источникъ изъ міра
Здѣсь открываясь течетъ и потоками яркаго свѣта
Льется изъ міра всего, если части огня составныя
Вмѣстѣ отвсюду сливаются и накопляются массой,
(И изъ единаго будто источника льется тепло здѣсь).
Развѣ ты не наблюдаешь какъ часто ручей невеликій
Зелень луговъ орошаетъ и влага поля затопляетъ?
Также возможно, что при теплотѣ незначительной солнца
Воздухъ однако пріемлетъ дыханье горячее зноя,
Если пора наступаетъ, и воздухъ къ тому расположенъ,

Чтобъ при малѣйшемъ воздѣйствіи воспламениться вдругъ зноемъ.
То же мы видимъ подчасъ, когда въ нивахъ и стебляхъ соломы
Вслѣдствіе искры одной во мгновенье пожаръ возникаетъ.
Солнце, быть можетъ, блистая свѣтильникомъ розовымъ въ небѣ,
Возлѣ себя сохраняетъ не мало огня съ теплотою
Скрытой, совсѣмъ незамѣтной для глазъ, по отсутствію блеска,
И оттого возрастаютъ удары лучей теплоносныхъ.

Точно сказать и отвѣтъ дать единый, прямой—невозможно,
Чѣмъ объясняется то, что изъ теплыхъ пространствъ Козерога
Къ зимнему кругу подходитъ и вновь возвращается солнце
Къ тѣмъ же предѣламъ своей остановки въ созвѣздіи Рака;
И почему также въ мѣсяцъ одинъ лишь луна пробѣгаетъ
То разстояніе, что въ одинъ годъ пробѣгается солнцемъ.
Истинно: въ этихъ явленіяхъ нѣтъ однородной причины.
Можно легко допустить, что они происходятъ въ томъ видѣ,
Какъ о томъ высказалъ праведный мужъ Демокритъ свое мнѣнье.
Онъ говорилъ, что чѣмъ ближе къ землѣ расположены звѣзды,
Тѣмъ поспѣвать онѣ менѣе могутъ за вихремъ небеснымъ,
Скорость котораго книзу теряется, равно какъ сила
Много слабѣе становится. Вслѣдствіе этого солнце
Вѣчно немного должно отставать отъ свѣтилъ всякихъ прочихъ,
Будучи ниже гораздо, чѣмъ звѣзды блестящія, также
Ниже чѣмъ мѣсяцъ; а такъ какъ послѣдній свершаетъ движенье
Ниже чѣмъ звѣздное небо и больше къ землѣ приближаясь,
То поспѣвать при вращеньи тѣмъ меньше за звѣздами можетъ.
И чѣмъ слабѣе становится вихрь въ своей части нижайшей,
Гдѣ обращается солнце, тѣмъ съ большею скоростью звѣзды
Вихремъ подхвачены сверху свой круговоротъ совершаютъ.
Кажется намъ оттого, что луна возвращается быстро
Къ звѣздамъ извѣстнымъ, межъ тѣмъ возвращаются къ ней эти звѣзды

Также возможно, что съ двухъ сторонъ міра противуположныхъ
Въ опредѣленное время исходятъ воздушные токи,
Кои отъ жаркихъ созвѣздій способны отталкивать солнце
Къ зимнему кругу въ пространство, объятое холодомъ лютымъ,

И отводить его снова изъ области ночи студеной
Въ болѣе теплыя части къ горячимъ созвѣздіямъ неба.
Надобно думать, что этимъ путемъ также звѣзды и мѣсяцъ,
Въ орбитахъ бо́льшихъ вращаясь и въ болѣе долгое время,
Вслѣдствіе токовъ двоякихъ по воздуху могутъ вращаться.
Развѣ ты не наблюдаешь какъ тучи отъ вѣянья вѣтра
Въ разныя стороны часто несутся однѣ за другими?
И почему по кругамъ необъятнымъ эѳира не могутъ
Двигаться звѣзды, гонимыя сильными вихрями въ небѣ?

Далѣе. Ночь покрываетъ великою тьмою всю землю
Или когда удаляется солнце къ предѣламъ далекимъ
И испускаетъ оттуда свой свѣтъ, потускнѣвшій немало
Вслѣдствіе долгой дороги и многихъ воздушныхъ препятствій;
Или когда подъ землею его проходить заставляетъ
Сила, которая также его надъ землею возноситъ.

Въ опредѣленное время Матута края у эѳира
Краситъ Авророю розовой и разливаетъ сіянье,
Въ силу того, что лучи высылаетъ впередъ свои солнце,
Изъ подъ земли возвращаясь и небо зажечь будто силясь;
А можетъ быть оттого, что въ извѣстную пору присуще
Огненнымъ тѣльцамъ скопляться и въ массу большую сливаться,
Въ силу чего наше солнце лучи свои вновь пораждаетъ.
Такъ, намъ толкуетъ преданіе, будто съ высотъ горныхъ Иды
Можно увидѣть въ разсѣянномъ видѣ огни при восходѣ,
Кои сомкнувшись потомъ образуютъ подобіе шара.

Но тѣмъ не менѣе не удивительно въ этихъ явленьяхъ
То, что зачатки огня черезъ опредѣленное время
Могутъ скопляться и возстановлять вновь сіяніе солнца.
Мы наблюдаемъ вѣдь многое, что происходитъ въ природѣ
Въ опредѣленный періодъ. Во время извѣстное года
Рощи цвѣтутъ и ихъ цвѣтъ опадаетъ въ извѣстное время.
Возрастъ, затѣмъ, вызываетъ зубовъ выпаденье во время
Опредѣленное; нѣжнымъ пушкомъ онъ юнцевъ покрываетъ

А также бороду мягкую, на ихъ щекахъ отращаетъ.
Молнія, снѣгъ, облака, наконецъ, какъ дожди или вѣтры
Всѣ наступаютъ почти въ неизмѣнную, ту-же часть года,
Ибо гдѣ есть основанья прямыя къ тому и причины,
Тамъ, гдѣ весь міръ вытекаетъ изъ первоначальной основы,
Слѣдуетъ вѣчно природа вещей въ неизмѣнномъ порядкѣ.

Свойственно днямъ прибывать, когда ночи становятся меньше,
Свѣту же дня—уменьшаться, когда прибавляются ночи
Можетъ быть въ силу того, что на дуги неравныя солнце
Дѣлитъ въ эѳирѣ свой путь, проходя подъ землей и надъ нею,
И не на равныя части кругъ неба оно раздѣляетъ.
Тò, что отъ части одной отнимаетъ, оно прибавляетъ
Къ части противуположной, постольку жь ее удлинняя,
Вплоть до тѣхъ поръ пока въ знакъ зодіака на небѣ не вступитъ,
Гдѣ равноденствія точка *) равняетъ свѣтъ дня съ тьмою ночи.
Ибо тутъ держится межь Аквилономъ и Аустріемъ солнце
Посерединѣ и въ равной дали отъ обоихъ предѣловъ **),
Землю и небо косыми лучами тогда освѣщая
Вслѣдствіе расположенья небеснаго звѣзднаго круга,
Гдѣ въ годовой промежутокъ свершается солнцевращенье.
Такъ объясняютъ ученые, кои мѣста всѣ на небѣ
Обозначаютъ, снабдивъ изъ нихъ каждое знакомъ извѣстнымъ.

Можетъ быть также сгущается кое гдѣ воздухъ сильнѣе,
А оттого подъ землею трепещущій свѣтъ задержаться
Долженъ, и съ легкостью вверхъ вознестись онъ не можетъ.
Въ зимнюю пору поэтому тянется время ночное
Долго, покуда свѣтило дневное въ лучахъ не восходитъ.
Можетъ быть также и тò, что согласно со временемъ года
Свойственно пламени медленнѣй или скорѣй возноситься,
Чѣмъ обусловленно въ разныхъ мѣстахъ восхожденіе солнца.

---

*) Узелъ года—nodus anni.

**) т.-е. отъ обихъ поворотовъ: зимняго и лѣтняго.

Блещетъ луна потому можетъ быть, что въ нее ударяютъ
Солнца лучи, и тѣмъ больше къ намъ изо дня въ день обращаетъ
Свѣтъ она, чѣмъ отъ нея удаляется больше кругъ солнца
Вплоть до тѣхъ поръ, пока противъ луны въ полномъ блескѣ не станетъ
И восходя въ высоту не увидитъ ея захожденья.
Вслѣдъ же за этимъ луна должна какъ бы скрывать постепенно
Свѣтъ свой по мѣрѣ того, какъ она приближается къ солнцу,
И совершать ужь въ другой части знаковъ движенье по небу.
Такъ мыслятъ люди тѣ, кои луну представляютъ подобной
Шару, а путь и вращенье ея помѣщаютъ подъ солнцемъ.
Есть основаніе думать, что предположенье ихъ вѣрно.

Можетъ быть также луна, надѣленная собственнымъ свѣтомъ
Движется и представляетъ намъ свѣтъ этотъ въ формахъ различныхъ;
Можетъ быть есть еще тѣло другое, которое съ нею
Вмѣстѣ вращается и, нагоняя ее, затмеваетъ,
Но его видѣть нельзя, такъ какъ не достаетъ ему свѣта.

Можетъ вращаться луна, представляя подобіе шара,
Въ коемъ одна половина покрыта бѣлѣющимъ свѣтомъ;
А при вращеніи шаръ, представляетъ различныя формы
Вплоть до тѣхъ поръ пока часть освѣщенная этого шара
Не повернется лицомъ и не станетъ открытой для взора.
Послѣ того луна мало-по-малу вращается дальше;
И освѣщенную часть шаровиднаго тѣла отводитъ.
Въ томъ хочетъ насъ убѣдить Вавилонскихъ халдеевъ ученье,
Опровергающихъ также притомъ астрологовъ искусство.
Будто *одно* не могло бъ быть дѣйствительнымъ какъ и *другое*,
Будто ученіе *тó* обосновано хуже чѣмъ *это*.

Въ силу чего не могла бы луна вѣчно вновь нарождаться
Въ опредѣленномъ порядкѣ фигуръ и съ извѣстною формой
Такъ, чтобъ она каждый день возникала и уничтожалась,
И ужъ *другая* луна въ новомъ мѣстѣ опять появлялась?
Трудно причину найти и облечь ее въ слово. Межь тѣмъ какъ
Многое вновь нарождается въ опредѣленномъ порядкѣ.

Такъ прибываютъ Венера съ Весной и Зефиръ, окрыленный
Вѣстникъ Венеры, предшествуетъ ей, возвѣщая прибытье.
Флора за ними идетъ, на пути каждый шагъ осыпая
Красками пестрыхъ цвѣтовъ, наполняя все благоуханьемъ.
Далѣе слѣдуетъ знойное лѣто и спутницы съ нимъ же:
Въ пыльной одеждѣ Церера, Этезія—духъ Аквилона.
Осень потомъ наступаетъ, а вмѣстѣ съ ней Эвіусъ Эванъ.
Слѣдуютъ послѣ того непогоды и всякіе вѣтры:
Аустеръ съ могучею молньей, высоко гремящій Волтурнусъ.
Солнцестоянье приноситъ снѣга съ продолжительной стужей,
Съ холодомъ зимнимъ, стучаньемъ зубовъ, и жестокимъ морозомъ.
Такъ что и не было-бъ дива, когда бы въ извѣстное время
Вовсе луна исчезала и возстановлялася снова;
Ибо вѣдь многое въ опредѣленные сроки творится.

Также затменіе солнца и мѣсяца исчезновенье
Могутъ отъ разной причины случиться, какъ слѣдуетъ думать.
Въ силу причины какой отъ земли устранить можетъ мѣсяцъ*)
Солнца лучи и совсѣмъ заслонить его голову въ небѣ,
Противуставя горячимъ лучамъ свое темное тѣло?
И почему одинаково сдѣлать того не могло бы
Тѣло иное какое-то, вовсе лишенное свѣта?
Въ силу чего невозможно, чтобъ въ солнцѣ въ извѣстное время
Ослабѣвало горѣнье и возстановлялося снова
При прохожденьи въ воздушныхъ слояхъ для огня непригодныхъ,
Гдѣ прерывалось бы пламя и время отъ времени тухло?
Если земля въ состояньи луну лишить свѣта и, книзу

*) Надо думать, что въ этомъ стихѣ пропущена отрицательная частица и вмѣсто queat слѣдовало бы читать nequeat. Отъ этого выигралъ бы и смыслъ послѣдующаго разсужденія и самый складъ стиха. Тогда его можно перевести такъ:

Развѣ луна отъ земли устранить какъ-нибудь не могла бы
Солнца лучи и совсѣмъ заслонить его голову въ небѣ и т. д.

Но такъ какъ ни въ одномъ изданіи такой поправки не встрѣчается, а у Lachmann'a даже нѣтъ комментарія на этотъ стихъ, то текстъ оставленъ безъ измѣненія.

Солнце оттиснувъ, надъ солнцемъ держаться, покуда
Въ мрачной конической тѣни луна каждый мѣсяцъ проходитъ,
То почему подъ луною же или надъ солнечнымъ дискомъ
Тѣло другое пройти не могло бъ въ то же самое время
И прерывать не могло бы лучей и теченія свѣта?
Если луна, наконецъ, своимъ собственнымъ свѣтится свѣтомъ,
То не могла ли бъ она потускнѣть въ нѣкой области міра
При прихожденьи чрезъ слой неспособный поддерживать свѣта?

Словомъ, тебѣ объяснилъ я уже, на какомъ основаньи
Все такъ сложиться могло въ необъятной лазури вселенной.
Такъ что не трудно постигнуть, какъ движутся солнце и мѣсяцъ,
Силы какія и что за причины къ тому ихъ толкаютъ,
Какъ исчезаютъ они когда свѣтъ заслоненъ ихъ чѣмъ-либо,
Какъ они землю внезапно во мракъ повергаютъ глубокій,
Будто бы щурятъ глаза, и затѣмъ открываютъ ихъ снова,
Чтобы сіяньемъ блестящимъ своимъ освѣтить все пространство.
Нынѣ хочу я вернуться къ младенчеству міра и къ зыбкимъ
Доламъ земли, къ тѣмъ плодамъ, что изъ нихъ выростаютъ на воздухъ
И довѣряютъ всѣ судьбы свои перемѣнчивымъ вѣтрамъ.

Наша земля поначалу обильно покрыла повсюду
Яркою зеленью травъ разнородныхъ холмы и долины.
Пестрой окраской цвѣтущіе всюду луга заблистали.
Вслѣдъ же за этимъ назначено было различнымъ деревьямъ
Въ воздухъ открытый расти, состязаясь усердно другъ съ другомъ.
И на подобье какъ волосы, перья, щетина сначала
Тѣло у птицъ покрываютъ и члены у четвероногихъ,
Такъ и земля поначалу кусты возрастила и травы,
А ужъ затѣмъ разнымъ способомъ и по различнымъ причинамъ
Создала множество всякой породы существъ оживленныхъ.
(Вѣдь не могли же созданья живыя ни съ неба свалиться,
Ни земноводныя твари—изъ моря соленаго выдти).
А потому справедливо земля имя матери носитъ,
Въ силу того, что существъ она всѣхъ изъ себя породила.

Множество всякихъ животныхъ и нынѣ въ землѣ возникаетъ
Вслѣдствіе влаги дождливой и зноя лучистаго солнца;
Нѣтъ, значитъ, дива и въ томъ, что такъ много крупнѣйшихъ животныхъ
Создано свѣжими силами нашей земли и эѳира.

Прежде всего, свои яйца покинувъ въ весеннее время,
Вывелись виды крылатые и разноперыя птицы.
Такъ и теперь среди знойнаго лѣта цикада бросаетъ
Шкурку свою, чтобъ на волѣ искать пропитанья и жизни.
Послѣ того сотворила земля и другихъ всѣхъ животныхъ.
Такъ какъ въ поляхъ еще много тепла оставалось и влаги,
То повсемѣстно, гдѣ только къ тому представлялось удобство,
Матки расли дѣтородныя, цѣпко къ землѣ прикрѣпившись;
И порожденный въ нихъ плодъ съ достиженіемъ зрѣлости нужной
Вонъ выходилъ, убѣгая отъ влаги, нуждаясь въ дыханьи.
И обращала природа въ то мѣсто всѣ скважины почвы,
Соки изъ жилъ выпускавшей, подобные влагѣ молочной.
Это мы видимъ и нынѣ у женщинъ. Когда онѣ родятъ,
Грудь молокомъ наполняется сладкимъ у нихъ, и стремится
Этотъ питательный сокъ просочиться къ сосцамъ отовсюду.
Пищу давала младенцамъ земля, лучи солнца—одежду,
А изобильныя травы готовили мягкое ложе.
Міръ первобытный ни лютому холоду не подвергался,
Ни непомѣрному зною, ни силѣ неистовой вѣтровъ.
Все равномѣрно расло, развиваясь и силъ набираясь.

Вотъ потому то вполнѣ по заслугамъ земля получила
Матери имя. Она человѣческій родъ сотворила,
Создала царство животное въ опредѣленное время;
Создала все, что привольно въ высокихъ горахъ проживаетъ
И въ видѣ птицъ разноперыхъ по воздуху рѣетъ свободно.

Но, такъ какъ долженъ предѣлъ быть такой плодотворной работѣ,
То и земля перестала рожать какъ въ годахъ престарѣлыхъ
Женщина. Роды мѣняютъ вѣдь всю міровую природу,
И за однимъ состояніемъ слѣдуетъ вѣчно другое.

Міръ не коснѣетъ въ одномъ положеніи. Все—преходяще,
Все измѣняетъ природу и все къ превращенью стремится.
Тлѣетъ одно и отъ дряхлости чахнетъ, тогда какъ другое
Наоборотъ возрастаетъ и выдти изъ мрака стремится.
Такъ измѣняется съ возрастомъ сущность великаго міра;
Изъ одного состоянья земля переходитъ въ другое:
Прежнихъ нѣтъ свойствъ у нея, но есть то, чего не было прежде.

Почва въ ту пору создать постаралась немало чудовищъ
Странной наружности съ членами соединенными вмѣстѣ:
Гермафродитовъ равно на мужей и на женъ непохожихъ.
Много земля сотворила уродовъ безногихъ, безрукихъ,
Рта совершенно лишенныхъ, подчасъ со слѣпой головою,
Или же съ тѣломъ, въ которомъ всѣ члены срослись и сцѣпились.
Такъ что они ничего не могли предпринять или съ мѣста
Двинуться съ тѣмъ, чтобъ бѣжать отъ бѣды и достать пропитанье.
Много диковинъ и чудищъ земля создала въ этомъ родѣ,
Но понапрасну. Природа развитіе ихъ преградила.
Силъ не хватало у нихъ, чтобы зрѣлости полной достигнуть,
Чтобы достать себѣ кормъ и сходиться для дѣла Венеры.
Много условій сойтись воедино должно, какъ мы видимъ,
Чтобы порода могла свою жизнь продолжать размножаясь:
Пища нужна подходящая, нужно затѣмъ, чтобъ въ сосуды
Самокъ проникнуть могло дѣтородное сѣмя изъ членовъ,
И чтобы самки съ самцами могли сочетаться и были
Связаны между собой наслажденіемъ страсти взаимной.

Въ пору ту многіе виды животныхъ должны были сгинуть
И не могли свою жизнь продолжать, размножая потомство.
Виды же тѣ, что донынѣ вдыхаютъ живительный воздухъ,
Испоконъ вѣка отъ гибели племя свое сохраняютъ
Хитростью или отвагою или же ловкимъ проворствомъ.
Твари другія, въ виду доставляемой пользы, ввѣряютъ
Жизнь свою намъ и находятся подъ попеченіемъ нашимъ.
Племя свирѣпое львовъ или хищныхъ животныхъ отвагой
Жизнь сохраняетъ, лисицы—лукавствомъ, а бѣгствомъ—олени.

Чутко же спящіе псы съ своимъ вѣрнымъ и преданнымъ сердцемъ,
Твари различныя, принадлежащія къ вьючной породѣ,
И шерстоносныя овцы и племя рогатой скотины—
Все это, Меммій, должно подъ защитой людей находиться.
Твари всѣ эти спасенья отъ хищниковъ ищутъ и мирной
Жизни хотятъ, гдѣ бы кормъ получали они безопасно,
А человѣкъ имъ даетъ это все за услуги въ награду.
Но были звѣри еще, коимъ не дано было умѣнья
Жизнь защищать свою собственной силой и не дано свойства
Быть человѣку полезными, ради чего-бъ онъ старался
Ихъ защищать или имъ доставлять въ изобиліи пищу.
Звѣри такіе добычей животныхъ другихъ становились
И попадали въ оковы злосчастнаго рока, покуда
Все поколѣніе ихъ, наконецъ, не исчезло въ природѣ.

Но ни въ какія эпохи не существовало Центавровъ,
То-есть созданій съ двойною породой и съ тѣломъ двоякимъ,
Съ свойствами духа внѣдренными въ разноплеменныя члены.
Соединеніе тѣлъ такихъ было-бъ вполнѣ невозможно;
Это съумѣетъ понять безъ труда даже умъ недалекій.
Прежде всего жеребенокъ на третьемъ году достигаетъ
Зрѣлаго возраста, въ эту же пору дитя еще часто
Ищетъ во снѣ материнской груди молокомъ отягченной.
Наоборотъ, когда въ старости силы коня покидаютъ,
И съ потухающей жизнью слабѣютъ въ немъ всякіе члены,
Юноша только къ цвѣтущей порѣ своей жизни подходитъ,
И начинаютъ едва покрываться пушкомъ его щеки.
Значитъ не долженъ ты думать, что сѣмя людское въ смѣшеньи
Съ сѣменемъ вьючныхъ коней сотворило породу Центавровъ;
Или чтобъ жили когда-нибудь Сциллы, обвитые псами,
Съ рыбьимъ хвостомъ и чудовища разныя въ этомъ же родѣ,
Тѣло которыхъ являетъ намъ смѣсь разнородную членовъ.
Части животныхъ такихъ не могли-бъ ни расти равномѣрно,
Ни развивать своихъ силъ, ни со старостью дряхлою гибнуть.
Не однородной любовью пылали-бъ тѣ звѣри; несходенъ
Былъ бы ихъ нравъ, и не все въ равной мѣрѣ имъ было-бъ полезно.

Мы наблюдаемъ порой, что цикута козловъ утучняетъ,
А между тѣмъ для людей она ядъ представляетъ опасный.

Кромѣ того, вѣдь огонь можетъ сжечь одинаково тѣло
Рыжеволосаго льва, какъ и все остальное, въ чемъ кровь есть,
Все, что живетъ на землѣ, нарождаясь съ живою утробой.
Можетъ ли быть, чтобы въ тѣлѣ одномъ совмѣщалось три тѣла:
Спереди—львиное, сзади—драконово, а въ серединѣ
Тѣло Химеры самой, изрыгающей пламя изъ пасти.

Люди, которые предполагаютъ возможность рожденья
Тварей подобныхъ на новой землѣ и подъ небомъ недавнимъ,
Въ словѣ пустомъ «новизна» находя лишь тому подтвержденье,
Могутъ легко наболтать въ этомъ родѣ не мало другого:
Будто бы рѣки златыя тогда по землѣ протекали,
Будто деревья цвѣли драгоцѣнными камнями всюду,
А человѣкъ нарождался такихъ чрезвычайныхъ размѣровъ,
Что онъ чрезъ море глубокое переступать могъ ногами,
Или кругомъ себя съ помощью рукъ поворачивать небо.
Въ тѣ времена, когда почва впервые звѣрей сотворила,
Въ ней находилось великое множество разныхъ зачатковъ,
Но все же нѣтъ указаній на то, чтобъ она сотворила
Смѣшанныхъ нѣкихъ звѣрей, разнородные члены придавъ имъ.
Видимъ же мы, что и нынѣ растутъ изъ земли въ изобильи
Злаки, различные виды травы и кустарниковъ пышныхъ,
Кои не могутъ въ смѣшеніи между собою родиться.
Всѣ существа нарождаются въ опредѣленномъ порядкѣ,
И различаются между собой по законамъ природы.

Люди, тогда на поляхъ проживавшіе, были грубѣе,
Ибо грубѣе была и сама ихъ взростившая почва.
Кости внутри у нихъ были гораздо крупнѣе и тверже;
Мясо ихъ съ жилами связано было далеко плотнѣе,
Холодъ и жаръ ихъ поэтому не донимали такъ скоро,
И перемѣна напитковъ и пищи на нихъ не вліяла.
Такъ впродолженіи множества солнечныхъ круговращеній

Люди вели свою жизнь въ состояньи бродячемъ, какъ звѣри.
Не было сильнаго пахаря для управленія плугомъ,
И не умѣлъ никто ни обрабатывать почвы желѣзомъ
Ни произвесть на землѣ насажденье кустарниковъ новыхъ,
Ни у высокихъ деревьевъ обрѣзывать старые сучья.
То, что давали тутъ солнце и дождь, то, что собственной силой
Почва рождала, казалось достаточнымъ сердцу простому.
Люди кормились въ дубовыхъ лѣсахъ, желудями обильныхъ.
Вишни морскія *), которыя нынѣ, какъ видишь ты, зрѣютъ
И принимаютъ багровый свой цвѣтъ только въ зимню пору,
Были къ тому же тогда и крупнѣй и рождались обильнѣй.
Кромѣ того расцвѣтавшій тотъ міръ первобытный не мало
Пищи различной готовилъ несчастному роду людскому.
Плескъ же потоковъ и рѣкъ звалъ людей утолить свою жажду.
Такъ на горахъ и донынѣ паденье ручьевъ многоводныхъ
Издали громко скликаетъ звѣрей къ утоленію жажды.
Люди къ тому же бродя находили лѣсныя пещеры,
Капища нимфъ, изъ которыхъ струями ручьи вытекали.
Влага, скопляясь обильно, садилась на скалы и сверху
Падала каплями съ камней тутъ мокрыхъ и мохомъ покрытыхъ.
Часть этой влаги, стекая въ равнину, въ поляхъ разливалась.

Люди тогда не умѣли еще ни съ огнемъ обращаться,
Ни укрывать свое тѣло звѣриною шкурой и мѣхомъ;
Но проживали въ лѣсахъ они, въ горныхъ пещерахъ и рощахъ,
И закрывали вѣтвями кустовъ свои грязные члены,
Если къ тому принуждали дожди, непогода и вѣтры.
Люди совсѣмъ не пеклись объ общественномъ благѣ, а также
Не было нравственныхъ правилъ у нихъ и защиты законовъ.
Каждый бралъ то, что ему какъ добычу судьба посылала,
Собственной силой привыкнувъ хранить свою жизнь и здоровье.
Въ заросляхъ лѣса влюбленныхъ тѣла сочетались Венерой,
И сочетались, притомъ, или вслѣдствіи страсти взаимной,

---

*) Arbutum—низкорослый кустарникъ съ плодами подобными вишнямъ и горьковатыми на вкусъ.

Или насилію и сладострастью мужчинъ уступая,
Или за плату: за желуди, вишни морскія и груши.

Съ ловкостью рукъ чрезвычайной, съ большою проворностью бѣга
Люди гнались за животными дикими въ дебряхъ лѣсистыхъ,
Камни бросая и палицей грузной своей потрясая.
Тварей однѣхъ побѣждали они, отъ другихъ же спасались.
Люди ночною порой на подобье щетинистыхъ вепрей
Членамъ покой доставляли, на голой землѣ распростершись,
Въ листья сухіе и вѣтви деревьевъ зарывшись глубоко.
Не съ восклицаньями громкими ждали они появленья
Свѣтлаго солнца и дня, въ мракѣ ночи унылой блуждая;
Дремой объятые, въ полномъ молчаньи они созерцали
Какъ въ небесахъ поднимаетъ свой ликъ лучезарное солнце.
Ибо ужь съ дѣтства привыкли они наблюдать постоянно
Какъ смѣну дней и ночей, такъ и солнца восходъ въ свое время.
Эти явленья природы ихъ болѣе не удивляли,
И не страшила ихъ мысль, что земля въ вѣчный мракъ погрузится,
И что сіяніе солнца навѣкъ у нихъ отнято будетъ.
Больше заботъ причиняло несчастнымъ людямъ нападенье
Хищной породы звѣрей, нарушавшихъ покой постоянно.
При наступленьи могучаго льва и лохматаго вепря
Люди бѣжали изъ жалкихъ жилищъ подъ скалистые своды;
И среди ночи глубокой отъ страха они уступали
Гостю свирѣпому ложе свое подъ листвою деревьевъ.

Все-таки смертные въ тѣ времена покидали предѣлы
Сладостной жизни не въ большемъ количествѣ нежели нынѣ.
Больше людей въ одиночку тогда подвергалось захвату
И становилося пищей живою для хищныхъ животныхъ.
Чаще въ лѣсахъ и горахъ раздавались стенанья и вопли
Тѣхъ, кои съ плотью живой погребались въ живую могилу.
Тѣ же, которые съ тѣломъ изгрызаннымъ бѣгствомъ спасались,
Голосомъ ужасъ вселяющимъ Оркуса мракъ призывали,
И прижимали ладони дрожащія къ ранамъ, покуда
Жадные черви не освобождали несчастныхъ отъ жизни.

Люди въ невѣжествѣ средствъ никакихъ отъ раненій не знали.
Но зато не было случаевъ, чтобъ въ одинъ день погибали
Тысячи воиновъ сразу подъ знаменемъ, и чтобы море
Силой волненья суда и людей разбивало о скалы.
Море, вздымая валы, свирѣпѣло тогда понапрасну
И легкомысленно распространяло пустыя угрозы.
Да и зеркальная гладь совершенно спокойнаго моря
Не соблазняла тогда никого и въ обманъ не вводила.
Дерзкій починъ судоходства въ ту пору во мракѣ таился.
Если порою тогда недостатокъ питанія членамъ
Смерть причинялъ, то напротивъ теперь всѣхъ излишество душитъ.
Люди тогда по незнанію ядъ себѣ сами давали,
Нынѣ жъ скорѣе другимъ они яду умѣютъ подсыпать.

Люди затѣмъ изготовили шкуры, жилища, узнали
Силу огня, и слились тогда мужъ и жена воедино.
Стали извѣстны имъ въ бракѣ утѣхи любви непорочной,
И они видѣть могли какъ отъ нихъ возникаетъ потомство.
Только тогда человѣчество стало немного смягчаться.
Тѣло, огнемъ согрѣваясь, чувствительнѣй къ холоду стало,
И недостаточной стала казаться небесная кровля.
Въ людяхъ Венера ослабила мощь. Отъ родительской ласки
Дѣти легко потеряли суровыя склонности духа.
Начали также и дружбу завязывать тѣ, у которыхъ
Были сосѣди: не стали чинить имъ насилій.
Женъ и дѣтей они препоручали защитѣ взаимной,
И выражали движеніемъ, голосомъ и лепетаньемъ,
Что состраданье должно быть оказано всѣмъ слабосильнымъ.
Правда, еще не межъ всѣми согласіе установилось,
Все же найбольшая часть нерушимо хранила союзы.
Иначе родъ человѣческій былъ бы тогда уничтоженъ
И не довелъ бы до нынѣшнихъ дней размноженья потомства.

По побужденью природы языкъ сталъ различные звуки
Произносить, при нуждѣ выражая названья предметовъ.
Невелико тутъ различіе съ тѣмъ, что и нынѣ мы видимъ.

Именно: немощность рѣчи дѣтей заставляетъ прибѣгнуть
Къ тѣлодвиженіямъ и на предметы указывать пальцемъ.
Въ каждомъ живетъ вѣдь сознаніе свойствъ, ему въ пользу служащихъ.
Раньше еще чѣмъ на лбу у теленка рога вырастаютъ
Пробуетъ онъ ихъ во гнѣвѣ и ими грозитъ при защитѣ;
А у дѣтенышей хищнаго барса и льва въ оборонѣ
Лапы и когти пускаются въ ходъ и укусы, хотя бы
Только едва вырастать у нихъ начали когти и зубы.
Мы наблюдаемъ затѣмъ еще, какъ довѣряются птицы
Крыльямъ своимъ и какъ въ крыльяхъ трепещущихъ ищутъ спасенья.

Предполагать, что одинъ кто-нибудь далъ названья предметамъ,
И что оттуда ужъ люди узнали впервые слова всѣ —
Было-бъ безумно. Какъ могъ бы одинъ человѣкъ обозначить
Вещи всѣ голосомъ и расчленять языкомъ своимъ звуки,
А въ то же время всѣ прочіе дѣлать того не умѣли?
Если-бъ другіе, притомъ, не умѣли въ сношеньяхъ другъ съ другомъ
Словъ примѣнять, то откуда-бъ явилось познанье объ этомъ?
И изъ чего бы въ одномъ человѣкѣ возникла способность
Волю свою выражать, чтобъ другіе его понимали?
Нѣтъ, человѣкъ тотъ единственный не былъ бы въ силахъ принудить
Толпы людей къ повторенію данныхъ названій предметовъ;
И никакими судьбами не могъ бы глухихъ научить онъ,
Что нужно дѣлать имъ. Этого не потерпѣли бы люди,
И никогда они не допустили бы, чтобы кто-либо
Смѣлъ непонятными звуками обезпокоить ихъ уши.

И наконецъ, почему удивительнымъ можетъ казаться,
Что человѣчество, голосомъ и языкомъ обладая,
Подъ впечатлѣніемъ разнымъ отмѣтило звуками вещи,
Если скоты безсловесные даже и дикіе звѣри
Голосомъ разнымъ кричатъ, издаютъ разнородные звуки
Въ случаяхъ тѣхъ, когда чувствуютъ боль, опасенье и радость?
Все это можно легко наблюдать и въ дѣйствительной жизни.

Такъ: когда злые молосскіе псы, мягкій зѣвъ свой отверзнувъ,

Твердые зубы оскаливъ, рычать начинаютъ во гнѣвѣ
И угрожаютъ намъ только, то звукъ испускаютъ несхожій
Съ тѣмъ, когда лаять пустились во всю, оглашая окрестность.
Также когда языкомъ они нѣжно щенятъ своихъ лижутъ,
Или отбросивъ ихъ лапами, дѣлаютъ видъ, что желаютъ
Пастью ужасною ихъ поглотить и кусать ихъ зубами.
Въ случаяхъ этихъ визжанье ласкавое псовъ тѣхъ несхоже
Съ воемъ протяжнымъ, когда остаются одни они дома,
Или же съ крикомъ, когда изогнувшись бѣгутъ отъ ударовъ.

Далѣе, развѣ не видимъ мы, какъ отличается сильно
Ржанье коня молодого въ цвѣтущихъ годахъ его жизни,
Въ пору, когда онъ ярится стрѣлою любви пораженный,
И когда ржетъ отъ другихъ онъ причинъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ,
Или когда онъ расширивши ноздри въ сраженіе мчится?

А наконецъ и пернатое племя, различныя птицы:
Коршуны злые, морскіе орлы и нырки, что на морѣ
Въ волнахъ соленыхъ добычу и пищу себѣ промышляютъ.
Разные звуки они испускаютъ въ различное время
Въ дракѣ другъ съ другомъ за пищу и въ спорѣ съ намѣченной жертвой.
Частью у птицъ измѣняется голосъ съ погодою вмѣстѣ.
Такъ напримѣръ, у грачей долговѣчныхъ охрипшіе крики,
Или же карканье стаи вороньей, когда, по разсказамъ,
Проситъ дождя она и накликаетъ жестокія бури.
Стало-быть, если различныя чувства легко могутъ вызвать
У безсловесныхъ звѣрей издаваніе звуковъ различныхъ,
То ужъ тѣмъ болѣе роду людей подобало въ ту пору
Обозначать разнородными звуками разныя вещи.

Чтобы въ вопросахъ такихъ про себя не скрывалъ ты сомнѣній,
Я здѣсь скажу, что огонь былъ принесенъ на землю впервые
Молніей, и отъ нея растеклось уже пламя по свѣту.
Видимъ мы, что загораются часто отъ молній небесныхъ
Многія вещи, когда съ высоты ударяетъ въ нихъ пламя.
А когда вѣтра порывъ, потрясающій слабыя вѣтви,

Бѣсится и нагибаетъ деревья одно на другое,
То отъ ихъ сильнаго тренья огонь выступаетъ наружу;
По временамъ даже пламенемъ яркимъ сверкаютъ деревья,
Если стволы ихъ и вѣтки другъ съ другомъ запутавшись трутся.
Оба явленья могли бы огонь человѣку доставить.

Солнце, затѣмъ, научило и пищу варить, и припасы
Дѣйствіемъ жара мягчить, такъ какъ видѣли люди, что въ полѣ
Многое мякнетъ, вліянью тепла и лучей уступая.

Люди, которые были богаче умомъ, даровитѣй,
Изо дня въ день поучали мѣнять образъ жизни старинный
И первобытную пищу, вводя сюда новыя вещи.
Стали затѣмъ города воздвигаться; цари стали строить
Крѣпости, чтобъ находить тутъ убѣжище и оборону.
Скотъ и поля были раздѣлены; и досталось на долю
Каждаго то, что по силѣ, лицу и уму подобало,
Такъ какъ цѣнилась тогда красота и важна была сила.
Послѣ того установлена собственность, найдено злато,
А вмѣстѣ съ тѣмъ и значенье красивыхъ и сильныхъ упало.
Сильные и надѣленные отъ роду тѣломъ прекраснымъ
Большею частью идутъ куда хочешь во слѣдъ за богатымъ.

Люди, когда-бъ они руководились разсудкомъ, нашли бы
Много богатства въ умѣренной жизни, въ спокойствіи духа.
Тотъ, въ комъ потребности малы, нужды никакой вѣдь не знаетъ.
Но захотѣли они тѣмъ не менѣе знатности, власти,
Чтобъ утвердить свое счастье на прочныхъ недвижныхъ устояхъ,
И чтобъ въ богатствѣ и радостяхъ жизнь проводить постоянно.
Тщетны усилья людей! Въ состязаньи о почестяхъ высшихъ
Люди идутъ по пути, приводящему къ гибели часто.
Словно небесная молнія зависть ихъ ниспровергаетъ,
По временамъ даже въ Тартара тьму ихъ съ позоромъ толкаетъ.
Такъ что гораздо полезнѣе повиноваться спокойно,
Нежели власти въ дѣлахъ добиваться и царствами править.
А если люди въ поту и въ крови утруждаются тщетно

И выступаютъ на тѣсномъ опасномъ пути честолюбья,
То на подобіе молніи съ неба несущейся зависть
Ихъ сожигаетъ какъ все, что надъ прочимъ наверхъ выдается.
Жизнь они знаютъ изъ словь лишь чужихъ; свою цѣль намѣчаютъ
Больше по слышаннымъ ими рѣчамъ, чѣмъ по личному чувству.
Такъ оно есть и иначе не будетъ, какъ было когда-то.

По убіеньи могучихъ царей ниспровергнуты были
Гордые скиптры и древнее великолѣпье престоловъ;
И украшеніе славное высшей главы государства
Кару несло за почетъ прежнихъ лѣтъ подъ ногами народа;
Съ жадностью топчется то, чего люди чрезмѣрно страшатся.
Послѣ того перешло управленье къ подонкамъ народа;
Каждый при этомъ старался добыть себѣ власть и главенство.
Ради того часть людей предложила создать магистраты
И учредила права, чтобы всѣ подчинялись закону.
Смертные очень устали отъ тѣхъ постоянныхъ насилій
И утомились въ борьбѣ. Тѣмъ скорѣе они согласились
Иго законовъ принять, подчиниться правамъ добровольно.
Каждый во гнѣвѣ гораздо суровѣе мстилъ за обиду,
Чѣмъ это нынѣ положено по справедливымъ законамъ;
Вотъ почему опротивѣло жить среди вѣчныхъ насилій.
Страхъ наказаній съ тѣхъ поръ омрачилъ удовольствія жизни.
Нынѣ насилье и несправедливость опутаны сѣтью
И большей частью на томъ отзываются, кто совершилъ ихъ.
Тихую, сладкую жизнь не легко проводить тому нынѣ,
Кто нарушаетъ законъ общепринятый въ мирное время:
Даже когда бы боговъ и людей обмануть удалося,
Все же онъ долженъ всегда опасаться, чтобъ зло не открылось.
Многіе часто во снѣ говорятъ про свои злодѣянья,
Или же бредомъ невольно себя выдаютъ при болѣзни;
И открываютъ грѣхи свои тайные цѣлому свѣту.

Нынѣ скажу, почему у народовъ боговъ почитанье
Распространилось, и стали полны города алтарями.
Ради чего отправлялося и отправляется нынѣ

Пышное богослуженье въ большихъ государствахъ и странахъ.
Также откуда донынѣ вселяются въ смертныхъ тѣ страхи,
Кои богамъ на землѣ воздвигаютъ все новые храмы
И заставляютъ по праздникамъ богослуженіе править.
Все это здѣсь безъ большого труда объясню я стихами.
Въ то первобытное время казалося людямъ, какъ будто
Образы свѣтлыхъ боговъ на яву они видятъ порою,
Но еще больше во снѣ поражали ихъ боги величьемъ.
Чувства приписаны были богамъ, потому что казалось,
Будто бы члены ихъ двигались и раздавался надменно
Голосъ, вполнѣ подходящій къ ихъ ликамъ и силамъ огромнымъ.
А такъ какъ боги являлись всегда въ одинаковой формѣ,
Въ видѣ всегда неизмѣнномъ, то вѣчными ихъ почитали.
Люди къ тому же не думали, чтобы боговъ при ихъ силѣ
Сила какая-нибудь въ состояньи была уничтожить.
Боги, по мнѣнью людей, обладали и счастьемъ найвысшимъ,
Ибо ни мучилъ нисколько ихъ страхъ передъ смертью грядущей,
И, какъ казалось во снѣ, они много чудесъ совершали,
Не ощущая притомъ утомленья отъ этой работы.

Смертные видѣли опредѣленный порядокъ явленій,
Въ небѣ бывающихъ и временъ года чреду круговую,
Но не могли объяснить отчего это все происходитъ.
Имъ представлялся одинъ лишь исходъ,—предоставить богамъ все
И допустить, что по волѣ боговъ все на свѣтѣ вершится.

Предполагалось, что боги живутъ постоянно на небѣ,
Ибо у всѣхъ на глазахъ пробѣгали тамъ солнце и мѣсяцъ,
Ночи смѣнялися днями, носились тамъ строгія звѣзды,
Много огней среди ночи блуждающихъ и метеоры,
Вѣтры, дожди, облака со снѣгами, съ росистою влагой,
Молнія быстрая и грохотаніе грозное грома.
О! родъ несчастный людей, приписавшій такія явленья
Волѣ боговъ и прибавившій къ этому гнѣвъ ихъ ужасный!
Сколько стенаній ты самъ приготовилъ себѣ, сколько муки
Намъ причинилъ, сколько слезъ ты доставишь наслѣдникамъ нашимъ!

Вѣдь благочестье не въ томъ состоитъ, чтобъ съ покрытой главою
Къ камнямъ нѣмымъ обращаться и всѣмъ алтарямъ поклоняться.
Также не въ томъ, чтобы долу простершись и руки воздѣвши
Около жертвенныхъ мѣстъ алтари обагрять изобильно
Кровью животныхъ, при этомъ плести за молитвой молитву.
Нѣтъ, оно—въ томъ, чтобы съ духомъ покойнымъ глядѣть на всѣ вещи.
Часто, когда созерцаемъ мы надъ головою своею
Бездну небесъ необъятныхъ съ мерцаніемъ звѣздъ по эѳиру,
Или на умъ намъ приходитъ вращенье луны или солнца,
Въ нашей груди начинаетъ главу поднимать безпокойство,
Въ обыкновенное время забитое прочими муками жизни:
Не проявляется-ль тутъ необъятная сила безсмертныхъ,
Вслѣдствіе коей свѣтила находятся въ разномъ движеньи?
Бѣдность познаній у насъ поселяетъ въ разсудкѣ сомнѣнье:
Былъ ли весь міръ этотъ созданъ и что послужило причиной?
Что̂ за конецъ предстоитъ ему? Долго ль еще грани міра
Просуществуютъ, и долго ли будутъ движенія длиться?
Или же міръ надѣленъ былъ богами безсмертною жизнью,
Такъ что, влекомый теченьемъ вѣковъ, постоянно онъ можетъ
Пренебрегать необъятнаго времени грозною силой?

Да! у кого предъ величьемъ боговъ не сжимается сердце?
И у кого не нѣмѣютъ всѣ члены отъ сильнаго страха
При сотрясеньи земли отъ удара палящаго молній,
И при раскатахъ сердитыхъ по небу гремящаго грома?
Развѣ при томъ не дрожатъ племена и народы? и развѣ
Даже у гордыхъ царей не отъемлются члены отъ страха,
Какъ бы пора имъ пришла дать отчетъ и принять наказанье
За совершенное зло и за всѣ ихъ надменныя рѣчи?
А когда грозная сила бушующихъ вѣтровъ порою
Черезъ морскія пучины влачитъ предводителя флотовъ
Вмѣстѣ съ его легіонами мощными и со слонами,
Развѣ богамъ не даетъ онъ обѣтовъ, не проситъ въ молитвахъ
О ниспосланьи хорошей погоды и вѣтровъ попутныхъ?
Но понапрасну. Нерѣдко неистовой силою вѣтровъ
Все же уносится вождь и на днѣ свою смерть обрѣтаетъ.

Вотъ до чего разрушаетъ какая-то скрытая сила
Планы людей! Благолѣпные ликторовъ прутья, сѣкиры
Топчутся въ прахъ и становятся общимъ посмѣшищемъ часто.
И, наконецъ, когда почва колеблется вся подъ ногами,
И города, грозя гибелью, рушатся отъ сотрясенья,
Не удивительно, что поколѣнье людей такъ страшится,
Предоставляя всю власть и чудесныя многія свойства
Силѣ безсмертныхъ боговъ, управляющихъ будто бы міромъ.

Мнѣ остается повѣдать какъ найдены были желѣзо,
Золото, мѣдь, серебро и свинецъ полновѣсный и крѣпкій
Тамъ, гдѣ лѣса на высокихъ горахъ были выжжены силой
Пламени, въ пору когда туда падала молнія съ неба,
Или когда при веденьи войны въ тѣхъ лѣсахъ первобытныхъ
Сами же люди огнемъ на враговъ своихъ страхъ наводили,
Или когда, обольщенные щедрымъ даяніемъ почвы,
Люди хотѣли расширить поля для селеній и пастбищъ,
Или когда они обогащались охотой на звѣря.
Въ тѣ времена примѣняли въ охотѣ огонь и ловушки.
Прежде чѣмъ ставить силки или звѣря преслѣдовать псами.
Пламени жаръ, отъ какихъ бы причинъ ни возникъ онъ,
Дебри лѣсовъ пожиралъ съ ужасающимъ трескомъ и шумомъ
Вплоть до глубокихъ корней и огнемъ выжигалась тамъ почва.
Золото и серебро заструились потокомъ обильнымъ
Всюду изъ жилъ раскаленной земли, и стеклись въ углубленья
Также какъ мѣдь и свинецъ. А когда отвердѣли металлы
И засверкали впослѣдствіи цвѣтомъ блестящимъ и яркимъ,
Люди, плѣненные блескомъ и прелестью, ихъ поднимали
И замѣчали при этомъ, что слитки всегда сохраняли
Форму похожую на замыкавшія ихъ углубленья.
Было открыто тогда, что металламъ, расплавленнымъ жаромъ
Можетъ дана быть фигура и форма какая угодно,
И что изъ нихъ при посредствѣ кузнечнаго молота можно
Лезвія выковать съ тонкостью и остротою любою,
Чтобъ изготовить оружье, снаряды для рубки деревьевъ
И инструменты для чистки, тесанія бревенъ и досокъ,

Для проведенья бороздъ, для сверленія всякихъ отверстій.
Изготовлять себѣ начали люди орудія эти
Изъ серебра и изъ золота, а еще раньше—изъ мѣди.
Но понапрасну. Такіе металлы легко поддавались
И не могли вовсе вынести грубой, суровой работы.
Мѣдь же цѣнилась дороже тогда. Безполезное злато
Было въ полнѣйшемъ презрѣніи, такъ какъ легко притуплялось.
Нынѣ же мѣдь малоцѣнна, а золото въ высшемъ почетѣ.
Цѣнность вещей измѣняется съ временемъ быстротекущимъ:
Тò, что когда-то цѣнилось, теряетъ впослѣдствіи цѣнность.
Нѣчто другое за этимъ выходитъ изъ пренебреженья;
Съ каждымъ днемъ вещи другія являются и, достигая
Славы большой, у людей получаютъ огромную важность.

Нынѣ тебѣ я скажу, какъ открыта природа желѣза;
Могъ бы ты это и самъ безъ труда объяснить себѣ, Меммій.
Прежде служили оружіемъ руки могучія, ногти,
Зубы, каменья, обломки вѣтвей отъ деревьевъ и пламя,
Послѣ того какъ послѣднее сдѣлалось людямъ извѣстно.
Послѣ того была найдена мѣдь и порода желѣза.
Все-таки въ употребленье вошла прежде мѣдь, чѣмъ желѣзо,
Такъ какъ была она мягче, при томъ изобильнѣй гораздо.
Мѣднымъ орудіемъ почва пахалась, и мѣдь приводила
Битву въ смятеніе, тяжкія раны вездѣ разсѣвая.
Скотъ и поля похищались при помощи мѣди; легко вѣдь
Все безоружное, голое повиновалось оружью.
Начали мало-по-малу мечи изъ желѣза коваться,
Видъ же оружья изъ мѣди въ людяхъ возбуждать сталъ презрѣнье.
Въ это же время и землю воздѣлывать стали желѣзомъ,
И при войнѣ съ неизвѣстнымъ исходомъ равнять свои силы.

Ранѣе люди умѣли лишь сѣсть на коня, удилами
Лѣвой рукой управляя, а правой—сражаясь; потомъ же
Стали пускаться въ сраженіе на колесницахъ двуконныхъ.
Ѣздили прежде на парныхъ они колесницахъ, а послѣ
Стали двѣ пары впрягать и снабжать колесницы клинками.

Пуны затѣмъ пріучили уродливыхъ тварей луканскихъ *)
Съ хоботомъ, съ башней къ спинѣ прикрѣпленной нести пораженье,
И приводить въ замѣшательство грозныя полчища Марса.
Вотъ какимъ образомъ вслѣдствіе ужасовъ вооруженья
Мало-по-малу возникла вражда въ человѣческомъ родѣ,
И увеличились бѣды войны, съ каждымъ днемъ возрастая.
Были попытки къ сраженью рогатыхъ быковъ приспособить,
И на враговъ насылать стаю вепрей къ тому пріученныхъ,
А впереди иногда даже львовъ выставляли могучихъ
Подъ руководствомъ свирѣпыхъ и вооруженныхъ вожатыхъ,
Кои могли бы звѣрей укротить и сдержать ихъ цѣпями.
Тщетны усилья людей. Разъярившись отъ крови текущей,
Лютые звѣри вносили смятенье въ полки безъ разбора,
И потрясали повсюду лохматою страшною гривой.
Всадники были не въ силахъ своихъ лошадей успокоить
Отъ перепуга, и ихъ на враговъ направлять удилами.
Львицы взбѣшенныя дико кидались на все и прыжками
То нападали въ лицо на людей всѣхъ навстрѣчу имъ шедшихъ,
То неожиданно съ тылу терзали, причемъ наносили
Раны двойныя врагамъ ниспровергнутымъ ими на землю:
Частью зубами могучими, частью кривыми когтями.
Также быки убивали своихъ и топтали ногами,
Или рогами бока и животъ лошадямъ пробивали,
Или своимъ угрожающимъ лбомъ устремлялись на землю.
Дикіе вепри сражали клыками товарищей битвы
И, обагренные кровью отъ дротиковъ въ тѣлѣ торчащихъ,
Въ бѣшенствѣ гибель несли они всадникамъ и пѣхотинцамъ.
Но совершенно напрасно пытались ретивые кони
Страшныхъ зубовъ избѣжать тѣмъ, что прыгали въ сторону быстро,
Или вздымались на дыбы. У нихъ подсѣкалися жилы
И всею тяжестью тѣла они упадали на землю.

---

*) Bos Lucas — въ точномъ переводѣ Луканскій быкъ. Нѣкоторые комментаторы и переводчики предполагаютъ здѣсь слоновъ. Другіе же дословно понимаютъ это наименованіе. Lachmann въ своемъ комментаріи, ссылаясь на Варрона, оставляетъ вопросъ открытымъ.

Такъ среди пыла войны, среди ранъ, восклицаній, смятенья,
Бѣгства и ужасовъ всякихъ другихъ возбуждались тѣ звѣри,
Коихъ считали вполнѣ обученными ранѣе къ дѣлу.
Силъ никакихъ не хватало собрать ихъ куда-нибудь вмѣстѣ,
Такъ какъ вразбродъ разбѣгались животныя разной породы.
Будучи ранены твари луканскія даже и нынѣ
Въ бѣгство пускаются, гибель своимъ же войскамъ причиняя.

Такъ поступали тогда. Но съ трудомъ лишь я вѣрю, чтобъ люди
Были не въ силахъ предвидѣть умомъ и предчувствовать ясно
Въ будущемъ общее зло, до того какъ оно совершилось.
Можно бы было скорѣе подумать, что ужасы эти
Созданы въ разныхъ мірахъ, порожденныхъ на разныхъ началахъ,
Чѣмъ на единомъ земномъ нашемъ кругѣ, на мѣстѣ извѣстномъ.
Но, не въ надеждѣ враговъ побѣдить воевали такъ люди,
А изъ желанья врагамъ повредить лишь, хотя бы погибнувъ;
Изъ недовѣрья къ числу своему, и изъ нужды въ оружьи.

Прежде чѣмъ ткань изобрѣтена, люди одежду сплетали.
Ткать стали послѣ открытья желѣза, безъ коего можно-ль
Было бы множество тонкихъ орудій тканья изготовить;
Какъ напримѣръ: веретена, колоды звенящія, шпульки?
Раньше природа къ пряденію шерсти мужчинъ понуждала;
Женщины позже пряденіемъ занялись, такъ какъ въ искусствахъ,
Было гораздо смышленнѣй всегда поколѣнье мужское.
Пахарь суровый считалъ для себя это дѣло позорнымъ
И предпочелъ, чтобы имъ занималися женскія руки;
Самъ для себя же работу онъ болѣе грубую выбралъ,
И отъ тяжелыхъ трудовъ его члены и руки окрѣпли.

Первый образчикъ посѣвовъ, образчикъ прививки деревьевъ
Матерь природа, создавшая міръ весь, дала человѣку.
Ибо плоды или желуди, павшіе съ дерева, стали
Вверхъ изобильно ростки выпускать чрезъ извѣстное время.
Послѣ охота пришла черенки прививать къ разнымъ вѣткамъ
И зарывать на поля молодые кустарники въ землю.

Начали пробовать способы новые при обработкѣ
Пашни-кормилицы. Люди замѣтили, что отъ ухода
И обработки земли много слаще плоды становились.
День изо дня на высокія горы лѣса отступали.
Здѣсь же внизу расширялись пространства воздѣланной почвы,
Чтобъ человѣкъ могъ добыть на холмахъ и на мѣстности ровной
Пастьбы, посѣвы, луга, виноградники, рѣки, озера;
Чтобы деревья масличныя цѣпью лазорево-блѣдной
Распространялись вездѣ по буграмъ, по полямъ и долинамъ.
Въ разнообразной красѣ намъ земля представляется нынѣ
Тамъ, гдѣ ее украшаютъ посадки деревьевъ плодовыхъ,
Съ краю кругомъ окаймленныя лентой кустовъ изобильныхъ.

Раньше гораздо чѣмъ смертные для услажденія слуха
Пѣньемъ стихи благозвучные сопровождать научились,
Голосу нѣжному птицъ подражать они горломъ старались.
Посвистъ зефира въ пустомъ тростникѣ научилъ ихъ впервые
Звукъ извлекать на свирѣли изъ дикорастущей цикуты.
Мало-по-малу затѣмъ они жалобно-сладкія пѣсни
Стали на флейтѣ играть, пробѣгая проворно перстами,
И предаваясь божественной лѣни средь зарослей лѣса
Въ уединенныхъ мѣстахъ на раздоліи пастбищъ зеленыхъ.
Такъ постепенно современемъ распространяются въ людяхъ
Всякія вещи, а разумъ людей ихъ на свѣтъ выдвигаетъ!
Эти утѣхи смиряли сердца и людей услаждали
Послѣ принятія пищи; тогда еще слаще вѣдь пѣсни.
Люди нерѣдко на мягкой зеленой муравѣ простершись
На берегахъ ручейковъ подъ вѣтвями тѣнистыхъ деревьевъ
И безъ малѣйшихъ хлопотъ сладкій отдыхъ тѣламъ доставляли;
А особливо когда улыбалась весна и цвѣтами
Всюду она окропляла обильно зеленыя травы.
Тою порой среди игръ, среди смѣха веселаго, шутокъ
У первобытныхъ людей деревенская славилась муза.
Рѣзвость игривая ихъ заставляла вѣнками изъ листьевъ
И изъ различныхъ цвѣтовъ украшать себѣ голову, плечи.
Членами грубо они потрясали безъ всякаго такта

И тяжело матерь-землю ногами своими топтали.
И возникали отсюда веселыя шутки и хохотъ.
Новость забавъ вызывала тогда удивленье живое.
Тотъ, кто безсонную ночь проводилъ, находилъ утѣшенье
Въ томъ, что на всякій ладъ пробовалъ голосъ свой, пѣсни слагая,
Или согнутой губой проводилъ по отверстьямъ свирѣли.
Даже теперь сторожа занимаются этимъ нерѣдко
И научаются въ пѣньи размѣръ соблюдать, но при этомъ
Не получаютъ ужъ тѣхъ удовольствій, какія когда-то
Въ дебряхъ лѣсовъ доставлялись питомцамъ земли первобытнымъ.

То, чѣмъ мы нынѣ владѣемъ, намъ кажется цѣннымъ и очень
Нравится намъ, если мы ничего въ предыдущемъ не знали
Лучше чѣмъ это. Но вещи другія, открытыя позже,
Цѣнность сихъ благъ умаляютъ, мѣняя въ насъ прежніе вкусы.
Такъ къ желудямъ отвращенье явилось. Покинуты были
Прежнія мягкія ложа изъ травъ и изъ листьевъ зеленыхъ.
Въ пренебреженіи нынѣ одежда изъ шкуры звѣриной,
Между тѣмъ прежде она возбудила бы сильную зависть.
Тотъ, кто впервые надѣлъ ее, смерти подвергся коварной,
Но обагривъ шкуру кровью, на части ее разорвавши
Все же убійцы извлечь изъ нея не могли себѣ пользы.

Въ пору ту шкуры звѣриныя, нынѣ же пурпуръ и злато
Жизнь наполняютъ заботами и отягчаютъ борьбою.
Въ этомъ, какъ я полагаю, всецѣло виновны мы сами.
Прежніе почвы сыны нагишемъ и безъ шкуръ выносили
Холодъ; и мы бы могли безъ вреда обходиться свободно
Безъ золотыхъ и пурпурныхъ одеждъ и безъ знаковъ почетныхъ,
Лишь бы простая одежда достаточно насъ защищала.
Стало быть родъ человѣческій тщетно, напрасно хлопочетъ
И въ суетливыхъ заботахъ проводитъ свой вѣкъ постоянно.
Неудивительно. Люди конца вѣдь не знаютъ стяжанью,
Или границъ, до которыхъ расти можетъ ихъ наслажденье.
Это и вывело жизнь постепенно въ открытое море
И до глубинъ всколебало войны величавыя волны.

Стражи великаго міра—блестящее солнце и мѣсяцъ,
Свѣтъ свой вращая кругомъ въ необъятномъ пространствѣ,
Смертныхъ потомъ пріучали къ чредѣ круговой временъ года,
И къ положенью, что все создается въ извѣстномъ порядкѣ.

Люди вели уже жизнь, оградивъ себя башнями крѣпко,
И, раздѣливъ межь собою всю землю, ее населили;
Парусоносное море пестрѣло уже кораблями,
И въ договоры вступали ужь люди о дружбѣ и мирѣ.
Стали поэты тогда только пѣть о дѣяньяхъ свершенныхъ,
А незадолго еще до того изобрѣтены буквы.
Вотъ отчего мы не можемъ узнать то, что раньше свершалось,
Иначе какъ по слѣдамъ, возстановленнымъ нашимъ разсудкомъ.

Судостроенье, полей обработка, постройки, законы,
Платье, оружье, дороги и прочее въ этомъ же родѣ;
Равно какъ прелести и наслажденія всякія жизни:
Пѣсни, картины, стихи, изваяніе статуй чудесныхъ—
Все это вызвано мыслью пытливою или нуждою
Смертныхъ и мало-по-малу идетъ по пути къ совершенству.
Такъ постепенно со временемъ распространяются въ мірѣ
Всякія вещи, а разумъ людей ихъ на свѣтъ выдвигаетъ.
А такъ какъ вещи одна изъ другой получаютъ значенье,
То человѣкъ высочайшихъ вершинъ достигаетъ въ искусствахъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Содержаніе.

Похвала Эпикуру. Объясненіе разныхъ метеорологическихъ явленій. Происхожденіе грома. Разныя причины, отъ которыхъ могъ бы происходить громъ. Причины молніи и ея вещество. Ея быстрота и сила. Опроверженіе суевѣрія, будто молнія ниспосылается богами. О причинахъ земляныхъ и водяныхъ смерчей. Происхожденіе облаковъ. Происхожденіе дождей и радуги. Причины землетрясеній. Объясненіе, почему море по количеству остается всегда въ одномъ и томъ же положеніи. Причины изверженій Этны. Разныя объясненія разлитій Нила. Объ испареніяхъ, исходящихъ изъ почвы и вредныхъ для животныхъ. Авернскія мѣста и озера. Объ угарѣ. Причины, по которымъ вода въ колодцахъ бываетъ лѣтомъ холоднѣе, а зимою теплѣе, чѣмъ всякая другая вода. Причины колебанія температуры въ источникѣ у Аммонова храма. Источники сладкой воды среди моря. Причины магнитныхъ явленій. О причинахъ различныхъ болѣзней. Вліяніе мѣстности на развитіе и распространеніе болѣзней. Описаніе чумы въ Аѳинахъ.

Нѣкогда городъ Аѳины, носящій столь славное имя,
Жалкому роду людей даровалъ плодоносные злаки
И возродилъ въ людяхъ жизнь, учредивъ между ними законы.
Далъ этотъ городъ еще утѣшеніе сладкое жизни
Тѣмъ, что родился здѣсь мужъ съ многоопытнымъ сердцемъ, который
Все объяснилъ намъ въ рѣчахъ, исходящихъ изъ устъ справедливыхъ,
Слава котораго въ силу божественныхъ стольких открытій
Между людьми и по смерти возносится къ дряхлому небу.
Мужъ этотъ видѣлъ, что смертнымъ вполнѣ предоставлено было
Все, чѣмъ могли бы они цѣлость жизни своей обезпечить,
Все, что потребно въ виду неотложныхъ условій питанья;
Видѣлъ, что люди въ могуществѣ славы, почета, богатства,
Люди, слѣдящіе, какъ возрастаетъ ихъ знатность въ потомствѣ,
Все жъ тѣмъ не менѣе въ сердцѣ своемъ ощущаютъ тревогу,

И сознаютъ, что ихъ жизнь вся наполнена жалобнымъ стономъ.
Онъ понималъ, что вина коренится въ самомъ человѣкѣ,
И что всѣ радости, кои въ него какь въ сосудъ притекаютъ,
Вслѣдствіе многихъ пороковъ его искажаются вѣчно:
Частью на томъ основаньи, что самъ-то сосудъ продырявленъ,
И никакими судьбами его невозможно наполнить,
Частью же въ силу того, что во внутрь попадая сосуда,
Все принимаетъ тотчасъ отвратительный запахъ какой-то.

Такъ справедливою рѣчью своею сердца онъ очистилъ
И положилъ онъ предѣлы для жадности и для боязни.
Высшее благо онъ намъ разъяснилъ, куда должно стремиться,
И показалъ къ нему путь по тропинкѣ удобной и легкой,
Чтобъ подвигаться могли мы въ прямомъ направленьи къ блаженству.
Онъ указалъ также то, что является зломъ въ этомъ мірѣ,
Или изъ самой природы вещей вытекая различно,
Или рождаясь въ природѣ случайно подъ разнымъ вліяньемъ;
И указалъ чрезъ какія врата можемъ зла мы избѣгнуть.
Онъ доказалъ намъ, что родъ человѣческій большею частью
Тщетно вздымаетъ въ груди своей волны тревогъ и страданій.
Такъ какъ подобно дѣтямъ, что дрожатъ и вещей всѣхъ боятся
Въ мракѣ ночномъ, и мы также страшимся иного при свѣтѣ.
А между тѣмъ ничего нѣтъ, чего нужно больше бояться,
Нежели вымысловъ, ночью дѣтей напугать лишь способныхъ.
Нынѣ не стрѣлами дня, не лучами блестящими солнца
Надо въ разсудкѣ у насъ суевѣрій потемки разсѣять,
А разсмотрѣніемъ тщательнымъ и изученьемъ природы.
А потому тѣмъ усерднѣе рѣчь досказать попытаюсь.

Какъ уже сказано, все мірозданье подвержено смерти,
И состоятъ небеса всѣ изъ тѣлъ, получившихъ начало,
И разлагается все, что есть въ небѣ и что непремѣнно
Быть тамъ должно. Нынѣ выслушай то, что сказать мнѣ осталось.
Разъ поощряетъ надежда меня, что взойти мнѣ удастся
На колесницу побѣдную, бури должны всѣ утихнуть;
Снова должно водвориться спокойствіе полное всюду.

Все, что свершается здѣсь на землѣ и на небѣ, порою
Смертныхъ въ испугъ повергаетъ предъ грозной божественной властью,
Вслѣдствіе свойственныхъ имъ колебаній и робости духа,
И съ подавляющей силой къ землѣ ихъ гнететъ, потому что
Склонны они по невѣжеству происхожденье вещей всѣхъ
Къ власти боговъ относить, предоставивъ имъ править всѣмъ міромъ.
Люди приписывать склонны божественной волѣ тѣ вещи,
Въ коихъ не могутъ разсудкомъ своимъ доискаться причины.
Даже и тѣ, кои правильно мыслятъ, что боги проводятъ
Жизнь беззаботно свою, возвращаются вновь къ суевѣрьямъ
Древнихъ религій и власть допускаютъ жестокихъ тирановъ
Въ пору, когда наблюдаютъ явленія разныя въ мірѣ,
А особливо явленія тѣ, что у нихъ происходятъ
Надъ головою въ предѣлахъ эѳирныхъ. Несчастные вѣрятъ,
Что всемогущи ихъ боги. Не знаютъ они что—возможно
Въ мірѣ и что—невозможно, и чѣмъ ограничены свойства
Въ каждомъ предметѣ, какія съ нимъ связаны высшія цѣли.
И еще больше тѣ люди средь мрака блуждать начинаютъ.

Если ты все это не устранишь, не отвергнешь разсудкомъ,
То и святыня боговъ предъ тобою предстанетъ нерѣдко
Вовсе лишенною мира и въ видѣ совсѣмъ недостойномъ.
Не потому, что ты можешь вредить высшей славѣ безсмертныхъ,
Изъ-за чего бъ они въ гнѣвѣ жестоко тебя наказали;
Нѣтъ,потому-что ты самъ о богахъ всеблаженныхъ и мирныхъ
Вымыслилъ, будто вскипаютъ въ нихъ волны грозящія гнѣва.
Ты не приступишь ко храмамъ боговъ съ умиленіемъ сердца;
Не удостоишься ты и того, чтобъ спокойнымъ разсудкомъ
Образы тѣ воспринять, что отъ тѣла боговъ истекаютъ
Въ умъ человѣческій, какъ провозвѣстники божескихъ ликовъ.
Можешь отсюда, понять какъ послѣдуетъ жизнь твоя дальше.

Чтобъ разсужденіемъ вѣрнымъ могли отъ себя отклонить мы
Всѣ суевѣрья такія, сказалъ я ужь многое раньше.
Все жь еще много осталось сказать мнѣ въ стихахъ сладкозвучныхъ,
Именно то, что касается всякихъ небесныхъ явленій.

Бури я долженъ воспѣть и блестящія молніи въ небѣ:
Какъ они дѣйствуютъ и отъ причины какой возникаютъ,
Чтобъ не дрожалъ ты въ безумьи предъ небомъ растерзаннымъ въ клочья,
Не понимая: откуда летучій огонь появился,
По направленью какому проносится, какъ проникаетъ
Въ зданья закрытыя и, разразившись тамъ, вонъ вылетаетъ.
Люди не могутъ постигнуть причины подобныхъ явленій,
И имъ сдается, что это по волѣ боговъ происходитъ.
Ты, Каліопа, искусная муза, услада безсмертныхъ,
Отдохновенье людей, укажи мнѣ стезю, по которой
Должно идти, чтобъ намѣченной цѣли достигнуть,
Чтобы хвалебный вѣнокъ заслужить подъ твоимъ руководствомъ!

Прежде всего потрясается небо лазурное громомъ
Въ силу того, что, по верхнимъ слоямъ небосвода летая,
Тучи эѳирныя борются съ вѣтромъ текущимъ навстрѣчу.
Вѣдь изъ безоблачной части небесъ не исходятъ къ намъ звуки;
Тамъ же, напротивъ, гдѣ тучи скопляются въ массу густую,
Шумно раскаты великіе грома порой раздаются.
Тучи къ тому же не могутъ сравняться по плотности массы
Съ грузными камнями или же съ деревомъ, а въ то же время
И не настолько нѣжны, какъ клубящійся дымъ и туманы;
Иначе вслѣдствіе тяжести внизъ онѣ пали бъ какъ камни,
Или какъ дымъ не могли бы на мѣстѣ одномъ удержаться
И не могли бъ содержать въ себѣ снѣгъ и скопленіе града.

Тучи тѣ звукъ издаютъ надъ широкой поверхностью міра,
Въ родѣ того, какъ протянутый парусъ надъ пышнымъ театромъ
Трескъ издаетъ, когда бьется подчасъ о стропила и мачты.
А иногда, когда сильно свирѣпствуетъ вѣтеръ восточный,
Звукъ раздается такой же какъ, будто бы рвется бумага.
Въ громѣ такіе же звуки порой ты легко распознаешь,
Или же звуки, какъ будто бы вѣтеръ неистово хлещетъ
И ударяетъ по тканямъ развѣшаннымъ или бумагѣ.

Можетъ случиться, что тучи сшибаются между собой,
Но не челомъ о чело, а лишь бокомъ задѣвши другъ друга,
И отъ движенія встрѣчнаго ихъ производится тренье.
Звуки сухіе тогда долетаютъ до слуха и длятся
Вплоть до тѣхъ поръ пока тучи изъ этихъ тѣснинъ не умчатся.

Тѣмъ же путемъ вся земля, потрясенная громомъ великимъ,
Вся содрогается вдругъ отъ внезапнаго этого шума,
Будто бы грани великаго міра готовы распасться.
Это бываетъ, когда свои силы собравъ буйный вѣтеръ
Внутрь облаковъ проникаетъ и въ нихъ все сильнѣй и сильнѣе
Вертится вихремъ могучимъ, все болѣе ихъ напрягая,
И въ облакахъ тѣхъ сгустившихся вдругъ пустоту образуя.
Съ трескомъ вселяющимъ страхъ разрывается облако въ клочья,
Будучи вздуто чрезмѣрно напоромъ и силою вѣтра.
Не удивительно это нисколько. Пузырь даже малый
Часто подобный же звукъ издаетъ при разрывѣ внезапномъ.

Есть объясненье еще, почему дуновеніе вѣтровъ
Шумъ въ облакахъ производитъ. Нерѣдко мы видимъ, что тучи
Въ небѣ идутъ развѣтвляясь и путаясь многообразно.
И издаютъ онѣ звукъ точно листья и вѣтви деревьевъ,
Въ пору когда обдуваютъ ихъ сѣверныхъ вѣтровъ порывы.

Можетъ быть также, что сила могучая вѣтровъ мгновенно,
Прямо ударивши въ тучу, съ налета ее раздираетъ.
Намъ указуетъ дѣйствительность какъ велика сила вѣтра.
Даже и здѣсь на землѣ, гдѣ гораздо слабѣй его сила,
Онъ вырываетъ деревья огромныя съ корнемъ глубокимъ.

Есть въ облакахъ и теченья, которыя, встрѣтясь другъ съ другомъ,
Съ шумомъ великимъ тотчасъ разбиваются, какъ то бываетъ
Въ рѣкахъ глубокихъ и въ морѣ когда разбиваются волны.
Также нерѣдко бываетъ, что молніи жгучее пламя,
Съ тучи на тучу свергаясь, объемлется влагой внезапно;
Вслѣдствіи этого съ шумомъ великимъ огонь потухаетъ.

Тò же мы видимъ когда раскаленное тухнетъ желѣзо,
Если изъ горна его мы опустимъ въ холодную воду.
Если же туча сухая пріемлетъ огонь молньеносный,
То, загорѣвшись тутъ, въ мигъ она съ шумомъ пылать начинаетъ.
Такъ на высотахъ обросшихъ кустами лавровыми пламя
Съ силой неистовой носится вихремъ и всюду блуждаетъ.
Вѣдь ни одинъ изъ предметовъ объятыхъ огнемъ не сгораетъ
Съ шумомъ великимъ такимъ какъ дельфійскіе Фебовы лавры.

Далѣе. Часто крушеніе льда и паденіе града
Шумъ производятъ большой въ высотѣ облаковъ поднебесныхъ.
Вслѣдствіе силъ возрастающихъ вѣтра тѣснясь въ одномъ мѣстѣ
Рушатся горы застывшихъ дождей перемѣшанныхъ съ градомъ.

Молнія блещетъ тогда, когда множество огненныхъ тѣлецъ
При столкновеніи тучъ выдѣляется. Такъ же и камень
Или желѣзо о камень ударившись, свѣтъ производитъ
И вкругъ себя испускаетъ блестящія, яркія искры.
Грома раскаты же обыкновенно пріемлемъ мы слухомъ,
Послѣ того какъ увидѣли молніи блескъ, потому что
Позже доносятся звуки чѣмъ то, что нашъ взоръ поражаетъ.
Въ этомъ легко убѣдишься ты. Если ты издали смотришь
На человѣка рубящаго дерево острымъ орудьемъ,
То поначалу ты видишь удары, а послѣ ужь звуки
Къ слуху доходятъ. Вотъ также и молнію видимъ мы раньше,
Нежели громъ къ намъ доходитъ, хотя одновременно съ молньей
Онъ возникаетъ отъ тѣхъ же толчковъ и по той же причинѣ.

Вотъ еще въ силу чего облака озаряютъ пространство
Свѣтомъ летучимъ, и блещетъ гроза съ рокотаніемъ громкимъ.
Вѣтеръ, когда проникаетъ онъ въ тучу, вращается вихремъ
И, пустоту образуя въ ней, какъ я сказалъ въ предыдущемъ,
Воспламеняетъ движеньемъ ее. Такъ и прочія вещи
Разогрѣваются въ быстромъ движеньи. Становится мягкимъ
Даже и шарикъ свинцовый при долгомъ полетѣ чрезъ воздухъ.
Значитъ, когда разогрѣвшійся вѣтра порывъ разрываетъ

Черную тучу, внезапно она разсѣвать начинаетъ
Множество огненныхъ тѣлецъ. Отъ этого молнія блещетъ.
Вслѣдъ за ней громъ раздается, но медленнѣй къ слуху доходитъ,
Нежели къ нашему слуху доходитъ сверканіе молній.
Ясно, что все здѣсь отъ тучъ происходитъ стѣснившихся въ кучу
И взгроможденныхъ одна на другую напоромъ могучимъ.

Да не введетъ въ заблужденіе то, что намъ снизу замѣтна
Болѣе ширь облаковъ, чѣмъ все верхнее ихъ построенье.
Ты разсмотри облака, когда горнымъ громадамъ подобны,
Силою вѣтра влекутся они по воздушнымъ пространствамъ,
Или когда вокругъ горъ они кучей скопляются тѣсной,
И съ высоты все гнетутъ, взгромоздившись одно на другое
Даже тогда, когда вѣтеръ находится въ полномъ покоѣ.
Уразумѣешь тогда только, какъ велика ихъ громада.
Ты углубленья въ нихъ видишь подобно какъ въ скалахъ висящихъ,
И когда вѣтеръ во всемъ напряженіи силъ наполняетъ
Тѣ углубленья, то, замкнутый тучами, съ шумомъ великимъ
Бѣсится онъ и реветъ на подобіе дикаго звѣря.
Тамъ или сямъ съ облаковъ испускаетъ онъ рокотъ зловѣщій;
Не находя себѣ выхода вертится онъ и при этомъ
Изъ облаковъ извлекаетъ большое количество тѣлецъ,
Кои огонь образуютъ внутри этой печи глубокой
Вплоть до тѣхъ поръ пока облако молніей не разразится.

То̀ же, что жидкій подвижный огонь золотистаго цвѣта
Внизъ къ намъ на землю летитъ, объясняется существованьемъ
Множества огненныхъ тѣлецъ въ самой уже облачной сферѣ.
Такъ что когда облака не содержатъ совсѣмъ въ себѣ влаги,
То принимаютъ блестящій и огненный нѣкій оттѣнокъ.
Многое солнца лучи отъ себя имъ къ тому жь удѣляютъ
И оттого-то они багровѣютъ и свѣтъ испускаютъ.
Стало-быть ясно, что изъ облаковъ подъ вліяніемъ вѣтра
Множество въ кучу скопившихся тѣлецъ такихъ выступаетъ,
Вслѣдствіе коихъ порою сверканье огней происходитъ.

Также когда облака разрѣжаются, пламя сверкаетъ.
Ибо, когда легкій вѣтеръ ихъ разъединяетъ другъ съ другомъ
И разлагаетъ,—понятно, что множество огненныхъ тѣлецъ,
Падая внизъ, производитъ блескъ молніи. Въ случаѣ этомъ
Молнія блещетъ безъ всякаго шума, безъ страшнаго грома.

Мнѣ остается сказать изъ чего состоитъ по природѣ
Молнія. Запахъ тяжелый удушливый сѣры, равно какъ
Огненный слѣдъ, оставляемый молніей, намъ указуютъ
То, что она есть огонь, а не вѣтеръ и также не влага.
Кромѣ того загораются крыши построекъ отъ молньи,
Быстрое пламя ея забирается даже въ постройки.
Молнія есть изъ огней всѣхъ огонь самый тонкій и легкій;
Сущность ея состоитъ изъ мельчайшихъ подвижнѣйшихъ тѣлецъ,
Стало-быть противустать ей ничто въ цѣломъ мірѣ не можетъ.
Молнія черезъ толстѣйшія стѣны домовъ проникаетъ
Такъ же, какъ звуки. Проходитъ она сквозь металлы и камни,
И превращаетъ мгновенно какъ мѣдь такъ и золото въ жидкость.
Молнія дѣйствуетъ такъ, что изъ неповрежденныхъ сосудовъ
Вонъ вытекаетъ вино, ибо сильно она расширяетъ
Стѣнки сосудовъ, чрезъ то эти стѣнки становятся рѣже.
Въ самое даже вино ея жаръ проникаетъ, при этомъ
Тѣльца вина разлагаетъ и дѣлаетъ ихъ подвижнѣе.
То, чего солнечный жаръ и вовѣки не могъ бы достигнуть,
Молніи яркій огонь во мгновенье одно совершаетъ.
Значитъ насколько сильнѣе подвижность ея и вліянье!

Нынѣ изслѣдую, какъ образуется молнія съ силой
Столь поразительной, что даже башни свергать она можетъ;
Можетъ дома сокрушать, разметать въ нихъ стропила и бревна,
Рушить и уничтожать монументы людей знаменитыхъ;
Можетъ людей убивать, повергать можетъ на земь скотину
И вообще можетъ все, что свершается дѣйствіемъ силы.
Но не хочу тебя больше держать на однихъ обѣщаньяхъ.

Надобно думать, что молнія изъ облаковъ происходитъ,

Нагроможденныхъ вверху и густыхъ. Вѣдь при небѣ прозрачномъ
Или при тучахъ сгущенныхъ слегка ничего не бываетъ.
Нѣтъ никакого сомнѣнія, и очевидность намъ кажетъ,
Что при грозѣ въ небосводѣ повсюду скопляются тучи.
Можно подумать что тѣни всѣ, глубь Ахеронта покинувъ,
Тутъ собрались, чтобъ наполнить пустоты огромныя неба.
Вотъ до чего эти скопища тучъ, нависая
Съ вышнихъ предѣловъ небесъ, мрачный ужасъ во всѣхъ поселяютъ,
Если отъ бури неистовой молнья сверкать начинаетъ!

Кромѣ того, иногда какъ потокъ смоляной съ небосвода
Черная туча спускается книзу въ пучины морскія.
Будучи вся преисполнена вдосталь огнемъ и вѣтрами
Издали сумракъ приноситъ она и влечетъ за собою
Мрачную бурю, чреватую молніей и непогодой,
Такъ что на сушѣ порой даже прячется все и трепещетъ.
Стало-быть надъ головою у насъ въ вышинѣ, надо думать,
Бури рождаются. Иначе не ниспадала бъ на землю
Тьма столь густая, когда въ черезмѣрномъ количествѣ тучи
Нагромождаются въ небѣ и солнце отъ насъ закрываютъ.
И не могли бъ съ такой силой дожди удручать нашу землю,
Переполняя потоки, поля заливая водою,
Если бы не состояли изъ тучъ раздробленныхъ въ эѳирѣ.

Ясно теперь, что огнями и вѣтрами міръ переполненъ:
Только изъ нихъ образуется молнья съ раскатами грома.
Какъ я сказалъ, облака въ углубленьяхъ своихъ сохраняютъ
Множество огненныхъ тѣлецъ, которыя необходимо
Здѣсь накопляются въ массу лучами горячаго солнца.
Вѣтеръ, случайно согнавъ облака въ одно мѣсто любое,
Множество огненныхъ тѣлецъ оттуда притомъ выжимаетъ.
Самъ онъ, какъ будто смѣшавшись со всѣми такими огнями,
Втершись въ среду облаковъ высочайшихъ, вращается вихремъ,
И точно въ печи пылающей молнію тамъ высѣкаетъ.
Вѣтеръ двоякимъ путемъ возгорается: частью движеньемъ
Собственнымъ, частью же вслѣдствіе прикосновенья къ огнямъ тѣмъ.

Какъ только онъ накопляется или его задѣваетъ
Пламени натискъ давящій, созрѣвшая такъ сказать молнья
Облако пересѣкаетъ, и мечется съ бѣшенствомъ пламя,
Яркимъ сіяньемъ своимъ освѣщая кругомъ всю окрестность.
Послѣ того раздаются раскаты тяжелые грома,
Точно все небо, распавшись, на землю вдругъ хочетъ валиться.
Трепетъ ужасный всю землю объемлетъ. По цѣлому небу
Дрожь пробѣгаетъ кругомъ, потому что въ то время
Все потрясается силой грозы и движеніемъ звуковъ.
Отъ сотрясенія слѣдуетъ дождь изобильный и крупный;
Кажется, будто эѳиръ превратился всецѣло во влагу
И, низвергаясь съ небесъ, угрожаетъ намъ снова потопомъ.
Вотъ съ какой силой разносится шумъ, когда вѣтеръ бушуетъ
И изъ разорванной тучи свой жгучій ударъ посылаетъ!

Можетъ быть также тотъ случай, что вѣтеръ извнѣ прилетаетъ
И попадаетъ на тучу, въ которой ужь молнья созрѣла.
Вслѣдствіе взрыва въ той тучѣ немедленно падаетъ на земь
Огненный столпъ, на родномъ языкѣ называемый молньей.
То же бываетъ и въ тучахъ другихъ, куда вѣтеръ несется.

Очень возможно, что вылетѣвъ вовсе безъ огненныхъ тѣлецъ,
Вѣтеръ въ пространствѣ большомъ раскаляется быстрымъ движеньемъ,
И на пути своемъ длинномъ теряетъ извѣстныя тѣльца,
Болѣе крупныя, кои не могутъ чрезъ воздухъ проникнуть.
Можетъ быть вѣтеръ при треньи о воздухъ пріемлетъ частицы
Нѣкія мелкія, кои смѣшавшись даютъ ему пламя.
На основаніи томъ на лету также шарикъ свинцовый
Разогрѣвается сильно подчасъ, когда много холодныхъ
Тѣлецъ его отпадаетъ и въ воздухѣ жаръ онъ пріемлетъ.

А иногда, когда дуетъ холодный, безогненный вѣтеръ,
Сила удара сама по себѣ ужь огонь извлекаетъ.
Въ случаѣ томъ при значительной силѣ толчка несомнѣнно
Могутъ зачатки тепла получиться изъ самаго вѣтра,
И изъ предмета того, на которомъ ударъ отразился.

Такъ вылетаетъ огонь при ударѣ желѣза о камень,
Ибо желѣзо хотя холодно отъ природы, а все же
Въ немъ при ударѣ скопляется много искрящихся тѣлецъ.
Стало-быть каждый предметъ загорается пламенемъ, если
Онъ для горѣнья пригоденъ и къ этому есть всѣ условья.
Но невозможно, однако, никакъ допустить, чтобы вѣтеръ,
Дующій съ выси значительной, холоденъ былъ совершенно.
Если въ началѣ пути онъ еще не согрѣтъ теплотою,
Все жь онъ доходитъ къ намъ съ примѣсью жара, слегка подогрѣтый.

Страшная степень подвижности въ молніи, тяжесть ударовъ,
И столь стремительный натискъ, съ какимъ она падаетъ книзу,
Все это тѣмъ обусловлено, что въ облакахъ она раньше
Силу скопляетъ, ее напрягая, чтобъ выйти наружу.
И когда тучи не могутъ противиться больше напору,
То вылетаетъ она и съ разительной скоростью мчится;
Будто бы пущенъ снарядъ изъ метательной крѣпкой машины.

Молнія, кромѣ того, состоитъ изъ частицъ очень малыхъ,
И не легко можетъ что-нибудь противустать ея свойствамъ,
Такъ какъ насквозь проникаетъ она чрезъ мельчайшія поры.
Не замедляется молнія сопротивленіемъ сильнымъ,
А потому она быстростремительно такъ пролетаетъ.
Всякая тяжесть къ тому же по общему свойству предметовъ
Книзу стремится. Когда же толчекъ еще данъ былъ, движенье
Вдвое быстрѣе становится, усугубляется натискъ.
Такъ что еще безпощаднѣе молнія рушитъ ударомъ
Все, что встрѣчается ей на пути и пройдти ей мѣшаетъ.

Скорость движенія въ вещи, катящейся внизъ съ быстротою,
Все прибавляется и по пути возрастаетъ все больше;
Сила напора растетъ, развивается тяжесть удара,
Такъ какъ бываетъ здѣсь то, что первичныя тѣльца, изъ коихъ
Все состоитъ, къ одной цѣли какъ будто всѣ вмѣстѣ стремятся,
И быстротою движенья сбираются въ мѣстѣ единомъ.
Можетъ быть молнія въ воздухѣ также самомъ извлекаетъ

Нѣкія тѣльца, которыя ей быстроты прибавляютъ.

Молнія нѣкія вещи насквозь безъ вреда пробиваетъ,
Такъ какъ огонь ея рѣзвый проходитъ въ любыя отверстья.
Вещи другія она разрушаетъ, когда ея тѣльца
Пересѣкаютъ матерію съ болѣе плотнымъ составомъ.
Молнія съ легкостью мѣдь расплавляетъ и разогрѣваетъ
Золото въ мигъ, такъ какъ сущность ея состоитъ изъ мельчайшихъ
И найтончайшихъ зачатковъ, притомъ въ высшей степени легкихъ.
Эти зачатки свободно внѣдряются въ вещи и сразу
Тутъ разрѣшаютъ всѣ связи и всѣ ослабляютъ скрѣпленья.

Небо, жилище мерцающихъ звѣздъ, равно какъ и почва
Осенью большею частью грозой потрясается всюду,
Или во время когда расцвѣтаетъ весна молодая.
Въ зимнюю пору огня не хватаетъ, а въ лѣтнюю—вѣтровъ,
И облака по составу тогда не достаточно густы.
А въ промежуткахъ межъ лѣтомъ и зимней порою, напротивъ,
Сходятся всѣ тѣ условія, кои для молніи нужны,
Ибо само равноденствіе холодъ со зноемъ мѣшаетъ.
Нужно и то и другое для образованія молній.
Нужно, чтобъ небо въ смятенье пришло, чтобы съ шумомъ великимъ
Вслѣдствіе бурь и огня всколебался неистово воздухъ.
Вмѣстѣ съ началомъ тепла, съ окончаніемъ зимнихъ морозовъ
Время весны настаетъ и различныя эти начала
Между собою бороться должны и смятеніе вызвать.
Также тепло на исходѣ въ смѣшеніи съ первымъ морозомъ
Льется въ то время, которое осенью мы называемъ.
Тоже тогда столкновенія зноя со стужей бываютъ;
Временемъ войнъ потому называются осень съ весною.
Не мудрено если по преимуществу въ тѣ части года
Грозы случаются часто и бури проносятся въ небѣ,
Такъ какъ въ ту пору всколеблено все обоюдной борьбою:
Тутъ силой пламени, тамъ силой вѣтра въ смѣшеніи съ влагой.

Такъ надлежитъ познавать огненосную молніи сущность,

И постигать *отчего* или *какъ* она можетъ возникнуть;
А не развертывать свитки тиренскихъ стиховъ понапрасну,
Чтобы умомъ разгадать божества сокровенныя тайны:
Какъ и откуда подобный летучій огонь появился?
По направленью какому несется онъ? Какъ проникаетъ
Въ зданья закрытыя и, разразившись тамъ, вонъ вылетаетъ?
И, наконецъ, сколь опасенъ намъ съ неба ударъ молньеносный?

Если Юпитеръ самъ или другіе какіе-то боги
Рокотомъ грознымъ блестящіе своды небесъ потрясаютъ,
Или же молнію мечутъ куда имъ приходитъ охота,
То почему божество въ назиданіе строгое смертнымъ
Такъ не устроило, чтобы изъ груди пронзенной ударомъ
Молнію тотъ выдыхалъ, кто грѣхи безъ оглядки свершаетъ?
И почему чаще тотъ, на чьей совѣсти нѣтъ преступленья,
Ниспровергается пламенемъ и совершенно невинный
Гибнетъ, внезапно настигнутый огненымъ вихремъ изъ неба?
Ради чего ударяли бы боги по мѣсту пустому?
Развѣ, чтобъ руки свои упражнять, укрѣплять свои плечи?
Ради чего допускается, чтобы отцовскія стрѣлы
Такъ притуплялись о землю, а не для враговъ сберегались?

Въ силу чего, наконецъ, при безоблачномъ небѣ Юпитеръ
Не испускаетъ ни звуковъ, ни молній на землю не мечетъ?
Не оттого ль, что когда собираются тучи густыя
Внизъ онъ спускается самъ, чтобъ вблизи направлять свои стрѣлы?
Или къ чему ударяетъ онъ въ море? и чѣмъ провинились
Мягкія, жидкія волны предъ нимъ и морскія равнины?

Еслибъ Юпитеръ хотѣлъ, чтобы мы береглися отъ молній,
То почему не даетъ онъ вполнѣ намъ полетъ ея видѣть?
Еслибъ, напротивъ, огнемъ поразить онъ желалъ насъ нежданно,
Ради чего нагонялъ бы онъ трепетъ и тьму поначалу?
Ради чего бъ онъ гремѣлъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ опасность грозитъ намъ?
Можно ль повѣрить, чтобъ онъ низвергалъ одновременно молнью
Съ разныхъ сторонъ? Между тѣмъ, кто дерзнетъ съ очевидностью спорить,

Что возникаетъ порой одновременно много ударовъ?
Да, сплошь и рядомъ бываетъ,—и такъ непремѣнно должно быть—
Что въ одно время свергается множество молній на землю.
Вѣдь и дожди выпадаютъ въ различныхъ мѣстахъ въ одно время.

Въ силу чего, наконецъ, разрушаетъ враждебная молнья
Храмы святые безсмертныхъ, мѣста, гдѣ живутъ сами боги,
И благолѣпныя статуи ихъ на куски разбиваетъ?
И, повреждая ихъ, часто почтенье къ богамъ умаляетъ?
Въ силу чего большей частію молнія цѣлитъ въ вершины?
По преимуществу вѣдь на горахъ ея знаки замѣтны.

Все остальное мы можемъ легко познавать изъ явленій,
Кои у Грековъ престерами звались на томъ основаньи,
Что погружалися въ море они, съ высоты опускаясь.
Именно: часто случается, что, съ небосвода сорвавшись,
Столбъ опускается въ волны морскія, при этомъ волненье
Возлѣ столба воздымается силой неистовой вѣтровъ.
Если же судно бываетъ охвачено этимъ волненьемъ,
То отъ такихъ потрясеній грозятъ ему бѣды большія.
Это случается тамъ, гдѣ усилія вѣтровъ не могутъ
Тучи охваченной ими порвать, а поэтому книзу
Въ видѣ столба ее тащатъ съ небесъ на поверхность морскую.
Будто бы съ неба какой-то кулакъ и какія-то руки
Тучу толкаютъ ту внизъ и ее разстилаютъ по волнамъ,
Но разрывается туча и вотъ, вырываясь оттуда,
Вѣтеръ на морѣ всегда возбуждаетъ большое волненье.
Вихремъ вертясь онъ спускается и одновременно книзу
Тучу съ тягучимъ составомъ ея за собой увлекаетъ.
Какъ только вѣтеръ тяжелую тучу низводитъ на море,
Самъ онъ немедленно въ воду кидается и вызываетъ
Необычайное въ волнахъ кипѣнье съ неистовымъ шумомъ.

Также случается, что облаками окутанный вѣтеръ,
Въ воздухѣ вихремъ вертясь, облаковъ тѣхъ зачатки уноситъ
И образуетъ подобье престера, сходящаго съ неба.

На землю падая этотъ престеръ разрывается тотчасъ,
Бурю и вихрь изъ себя испуская со страшною силой.
Но вообще очень рѣдки такія явленія. Горы
Здѣсь на землѣ имъ мѣшаютъ, поэтому чаще бываютъ
Эти явленья на морѣ просторномъ, открытомъ для неба.

Тучи растутъ, когда много негладкихъ летающихъ тѣлецъ
Тамъ на просторѣ небесъ съ быстротою скопляются въ кучу;
И хотя связь между этими тѣльцами очень ничтожна,
Все жь они держатся вмѣстѣ, цѣпляясь одно за другое.
Прежде всего образуются тутъ облака небольшія,
Кои потомъ межь собою сцѣпляются въ тѣсную кучу
И разростаются, соединяясь подъ натискомъ вѣтра
Вплоть до тѣхъ поръ пока въ нихъ не подымется грозная буря.

Также бываетъ и то, что чѣмъ горы вершинами выше
Къ небу возносятся, тѣмъ онѣ больше покрыты туманомъ,
Тѣмъ постояннѣй окутаны тьмой облаковъ желтоватыхъ
Въ силу того, что когда облака возникать начинаютъ,
Дующій вѣтеръ тотчасъ оттѣсняетъ ихъ къ горной вершинѣ,
Прежде чѣмъ глазъ по причинѣ ихъ тонкости видѣть ихъ можетъ.
И, наконецъ, когда тамъ облаковъ соберется побольше,
Кажется, будто они сгущены или сплочены тѣсно,
Будто бы съ влажныхъ вершинъ они въ область эѳира восходятъ.
То, что высокая мѣстность подвержена болѣе вѣтрамъ,
Чувство само указуетъ намъ при восхожденьи на горы.

Кромѣ того еще множество тѣлецъ природа уноситъ
Съ моря; тому доказательство—платья на берегѣ моря.
Если судить по тому, какъ они въ себя влагу вбираютъ,
Станетъ тѣмъ болѣе ясно, что влага соленая моря
Много содѣйствовать можетъ всегда облаковъ возрастанью,
Такъ какъ всегда и вездѣ одинаково дѣйствіе влаги.
Далѣе мы замѣчаемъ порой какъ изъ рѣкъ и изъ самой
Даже земли поднимаются кверху пары и туманы.
Точно дыханье несутся они, въ высоту устремляясь;

Небо все тьмою они покрываютъ и мало-по-малу,
Соединяясь плотнѣй, въ высотѣ облака приращаютъ.
Звѣздный эѳиръ при теченьи своемъ пригнетаетъ ихъ сверху
И, густоту имъ придавъ, ими кроетъ лазурь небосвода.

Можетъ быть также извнѣ прилетаютъ первичныя тѣльца,
Что облака и летучій туманъ образуютъ на небѣ.
Ранѣе я говорилъ, что въ безсчетномъ количествѣ, въ массѣ
Неизмѣримой первичныя тѣльца плывутъ по вселенной.
Я указалъ сколь подвижны они и съ какой быстротою
Могутъ пройти разстояніе невѣроятно большое.
Стало-быть неудивительно, если въ ничтожное время
Тьма и ненастье, спускаясь порою изъ вышнихъ предѣловъ,
Могутъ покрыть высочайшія горы и море и землю.
Ибо вездѣ, отовсюду по скважинамъ всякимъ эѳира
И такъ сказать чрезъ отдушины всѣ необъятнаго міра
Тѣльца первичныя выходъ и входъ обрѣтаютъ свободно.

Нынѣ скажу, ка̀кимъ образомъ влага дождей возникаетъ
Тамъ, высоко въ облакахъ; отчего, тяготѣя все книзу,
Дождь выпадаетъ на землю. Я прежде всего утверждаю,
Что изо всякихъ вещей вмѣстѣ съ тучами кверху несется
И накопляется тамъ въ высотѣ водяныхъ много тѣлецъ.
Тучи совмѣстно съ дождемъ разростаются въ выси небесной,
Также какъ въ тѣлѣ у насъ образуется потъ вмѣстѣ съ кровью,
Или же всякая влага другая во всѣхъ нашихъ членахъ.
Вѣтры, когда они облако носятъ надъ моремъ широкимъ,
Также порою изъ моря вбираютъ въ себя много влаги,
Какъ и руно шерстяное, висящее около моря.
Въ силу такой же причины повсюду изъ всякихъ потоковъ
Влага возносится. А когда тѣльца воды въ изобильи
Разнымъ путемъ соберутся и массой своей разростутся,
То отъ двоякихъ причинъ облака насыщенныя жаждутъ
Дождь испустить: оттого что къ тому принуждаетъ ихъ вѣтеръ,
И оттого что составъ облаковъ, уплотнившись сильнѣе,
Внизъ ихъ гнететъ съ высоты и дожди проливать заставляетъ.

Кромѣ того, когда тучи рѣдѣютъ подъ натискомъ вѣтра
Или же зной растопляетъ ихъ солнечный, льющійся сверху,
Каплями влагу они дождевую тогда выпускаютъ,
Будто бы тающій воскъ, становящійся жидкимъ отъ жара.
Но подъ вліяньемъ обоихъ причинъ—когда тучи густѣютъ
И когда вѣтеръ влечетъ ихъ—бываютъ дожди проливные.

Обыкновенно дожди продолжаются долго, упорно,
Если одно за другимъ облака и дождливыя тучи
Тянутся и облегаютъ всю мѣстность во всѣхъ направленьяхъ,
И если влагу земля изъ себя испаряетъ обильно.

Если во время ненастія мрачнаго солнце лучами
Прямо напротивъ дождя моросящаго свѣтъ проливаетъ,
То въ облакахъ потемнѣвшихъ являются радуги краски.

Прочее все, что вверху развивается и возникаетъ,
Все вообще, что на небѣ среди облаковъ застываетъ:
Вѣтеръ, и градъ, и снѣга и холоднаго инея иглы,
Мощная сила морозовъ, сурово скрѣпляющихъ влагу
И укрощающихъ всюду движеніе въ водахъ текучихъ,—
Очень легко изучить; и ты можешь постигнуть разсудкомъ,
Какъ это все образуется и отчего возникаетъ,
Если ты здѣсь хорошо распозналъ составныя частицы.

Нынѣ узнай, отчего возникать могутъ землетрясенья.
Прежде всего убѣдись, что земля вся и сверху и снизу
Всюду волнами и вѣтромъ полна, что она заключаетъ
Въ лонѣ своемъ много впадинъ, пещеръ и озеръ разнородныхъ,
Равно какъ много обрывистыхъ скалъ, каменистыхъ утесовъ.
Кромѣ того еще много подъ почвою скрытыхъ потоковъ
Тамъ въ глубинѣ катитъ волны свои и погрузшіе камни.
(Всякій предметъ долженъ быть одинаковъ всегда и повсюду).

Стало быть, предположивъ и признавъ положенье такое,
Ясно, что почва дрожитъ при большихъ сотрясеніяхъ снизу

Тамъ, гдѣ пещеры огромныя рушатся въ ветхость пришедши.
Вѣдь распадаются горы высокія. Отъ потрясеній
Этихъ внезапныхъ далеко повсюду разносится трепетъ.
И основательно, такъ какъ дрожатъ у дороги постройки
Даже отъ стука телѣги и не тяжело нагруженной;
Или дрожатъ, когда дюжіе кони везутъ колесницу,
Коей колеса грохочутъ своею оковкой желѣзной.

Можетъ случиться, что если въ обширныя впадины моря
Падаютъ глыбы большія земли отъ вѣковъ одряхлѣвши,
То, всколебавшись, вода потрясаетъ волненіемъ почву.
Такъ и сосуды не могутъ покойно стоять если влага
Въ нихъ неустойчива отъ колебательныхъ разныхъ движеній.

Кромѣ того еще вѣтеръ, скопившись въ подземныхъ пещерахъ,
Гдѣ-нибудь крѣпко съ одной стороны налегаетъ, при этомъ
Всѣми могучими силами давитъ на стѣны пещеры
И наклоняетъ тамъ землю, гдѣ болѣе дѣйствуетъ сила.
А на землѣ въ это время всѣ сооруженныя зданья,
Тѣ особливо изъ нихъ, что вздымаются къ небу высоко,
Тотчасъ же въ томъ направленіи тоже грозятъ наклониться;
Выпершись балки домовъ нависаютъ готовыя рухнуть.
При созерцаньи какъ рушатся тѣ земляныя громады
Страшно бываетъ сознать, что вся сущность великаго міра
Также конецъ свой найдетъ и погибнетъ въ извѣстное время.
Если бы вѣтры не ослабѣвали, то вещь никакая
Не удержалась бы и отъ крушенья спастись не могла бы.
Нынѣ же попеременно они то слабѣютъ, то крѣпнутъ,
И отражаясь съ другой стороны, какъ бы дуютъ обратно.
А потому разрушеніемъ чаще земля угрожаетъ,
Чѣмъ разрушаетъ на дѣлѣ. Склонившись она поддается
Вспять и отъ тяжести снова пріемлетъ свое положенье.
Вотъ потому-то колеблются зданья: высокія—больше
Среднихъ, а среднія—болѣе низкихъ, а низкія—мало.

Есть и другая причина великихъ такихъ потрясеній.

Вѣтры и воздуха мощныя силы, скопившись обильно
Или извнѣ, или какъ-нибудь даже изъ самой же почвы,
Тамъ подъ землею въ пустоты врываются вдругъ и при этомъ
Съ грохотомъ грознымъ ревутъ и въ обширныхъ подземныхъ пещерахъ
Носятся, вихремъ вертясь; а потомъ съ возбужденною силой
Вонъ вырываются кверху и плотно сомкнутую землю
Вдругъ разверзаютъ, большую разсѣлину въ ней образуя.
Такъ было въ Тирскомъ Сидонѣ и такъ въ Эгіонѣ случилось
Пелопонезскомъ. Вотъ здѣсь при своемъ изверженіи воздухъ
Отъ сотрясенья земли причинилъ городамъ этимъ гибель.
Кромѣ того еще множество зданій упало отъ сильныхъ
Землетрясеній, и много другихъ городовъ богатѣйшихъ
Вмѣстѣ съ гражданами внизъ погрузилось въ пучину морскую.

Если воздушный напоръ или силы неистовыхъ вѣтровъ
Сами не могутъ прорваться, то въ частыхъ отверстіяхъ почвы
Распредѣляются и производятъ трясенье и трепетъ.
Тѣмъ же путемъ и ознобъ, проникая во внутрь нашихъ членовъ,
Ихъ потрясаетъ и насъ противъ воли дрожать заставляетъ.
Жители по городамъ ощущаютъ двоякіе страхи:
Чтобы не рушилась крыша надъ ними, и чтобы внезапно
Почва сама подъ ногами у нихъ не открыла провала;
Чтобы природа, разверзнувъ широко разсѣлину эту,
Тутъ же въ смятеньи ее не наполнила грудой обломковъ.

Стало-быть ясно отсюда, что люди хотя почитаютъ
Небо и землю во вѣкъ обреченными къ жизни нетлѣнной,
Все-жь иногда приближеніе нѣкой опасности сильной
Въ людяхъ рождаетъ отчасти какое-то чувство боязни,
Какъ бы земля изъ-подъ ногъ у нихъ не унеслася внезапно
Въ пропасть, и какъ бы во слѣдъ за землей не умчалась туда же
Вся совокупность вещей, цѣлый міръ превращая въ обломки.

Нынѣ скажу почему не бываетъ въ моряхъ приращенья.
Странно по первому взгляду, что море не можетъ стать шире
Даже при томъ изобиліи влаги, которое вѣчно

Въ видѣ потоковъ и рѣкъ отовсюду туда притекаетъ.
Къ этому дождь ты прибавь и немало летучихъ осадковъ,
Часто спадающихъ и орошающихъ море и землю,
И во вниманье возьми родники. Но все это не можетъ
Даже на каплю одну увеличить объема у моря.
Значитъ не надо дивиться, что не разростается море.

Солнечный жаръ у морей отнимаетъ большую часть влаги.
Вѣдь наблюдаемъ мы, какъ насыщенныя влагою ткани
Дѣйствіемъ жгучихъ, палящихъ лучей высыхаютъ на солнцѣ.
Море во всей ширинѣ подвергается дѣйствію солнца,
А потому какъ бы ни было мало количество влаги,
Съ каждаго мѣста долой уносимой лучами, а все же
Жаръ на пространствѣ большомъ у морей много влаги отъемлетъ.

Далѣе: вѣтры, сметая морскую поверхность, способны
Также унесть за собою большое количество влаги.
Видимъ нерѣдко мы, что въ одну ночь высыхаетъ дорога,
И что комки размягченныя грязи становятся тверды.

Кромѣ того, какъ я раньше сказалъ, облака точно также
Влаги не мало вбираютъ въ себя отъ поверхности моря
И разсѣваютъ ту влагу по цѣлому кругу земному
Въ видѣ дождей на землѣ или тучъ увлекаемыхъ вѣтромъ.

Такъ какъ земля, наконецъ, представляется пористымъ тѣломъ
И прикасается къ морю, его берега окаймляя,
Необходимо изъ почвы вода протекать должна въ море,
Равно какъ въ почву изъ моря соленая влага сочится.
Да, пропускается соль черезъ почву; матерія влаги
Снова назадъ притекаетъ къ источникамъ рѣкъ и оттуда
Прѣснымъ потокомъ струится уже на поверхности почвы
Тамъ, гдѣ по руслу однажды вода себѣ путь проложила.

Въ силу причины какой изъ отверстія горъ вродѣ Этны
По временамъ столь стремительно вонъ извергается пламя,

Я изложу теперь. Не изъ угрозы простой создалось тутъ
Буйство огня, захватившаго всѣ сицилійскія пашни
И на себя обратившаго взоры туземныхъ народовъ.
Люди, увидѣвъ, какъ небо заискрилось вдругъ передъ ними,
Стали питать въ своемъ сердцѣ тревогу о томъ, каковыми
Быть должны новшества тѣ, что создать замышляетъ природа.

Долженъ быть взглядъ твой на эти предметы широкъ и возвышенъ,
И далеко во всѣ стороны долженъ глядѣть ты на вещи.
Долженъ ты помнить, что вся совокупность вещей необъятна;
Долженъ постигнуть, что небо въ сравненіи съ цѣлой вселенной
Есть только малая часть, составляя едва ту же долю
Какъ и одинъ человѣкъ по сравненью со всею землею.
Разъ положенья такія ты зрѣло и вѣрно обсудишь
И ихъ постигнешь, то многому ты перестанешь дивиться.

Развѣ изъ насъ удивляется кто-нибудь если въ немъ члены
Жаромъ порою объяты горячешнымъ при лихорадкѣ,
Или иное страданье его угнетаетъ въ болѣзни?
Часто внезапно вспухаетъ нога или одолѣваютъ
Боли зубныя и даже къ глазамъ приступаетъ страданье.
Если священный огонь *) появился, онъ жжетъ, разливаясь
Всюду по тѣлу, и тутъ заползаетъ во всякія члены.
Не удивляйся тому, такъ какъ много есть въ мірѣ зачатковъ.
Много такого тутъ есть на землѣ и на небѣ, откуда
Зло къ намъ идетъ и откуда болѣзни въ насъ могутъ развиться.
Стало-быть также въ землѣ и на небѣ вездѣ, надо думать,
У безконечной природы найдется всего въ нужной мѣрѣ,
Чтобы внезапно всю землю въ движенье привесть сотрясеньемъ,
Чтобы стремительно вихри носить по землѣ и по морю,
Этну наполнить огнемъ и по небу разсѣивать пламя.
Все это часто бываетъ. Пылаютъ небесные своды
И поднимаются бури при сильномъ скопленіи влаги
Тамъ, гдѣ зачатки воды воедино сбираются въ массѣ.

---

*) Sacer ignis—гангрена, Антоновъ огонь.

«Но» говорятъ намъ, «стремительность пламени здѣсь чрезвычайна» *).
Можетъ быть. Всякій потокъ представляется намъ величайшимъ
Если дотоль еще бо̀льшаго мы не видали; равно какъ
Дерево и человѣкъ и другія подобныя вещи
Кажутся очень большими тому, кто не видѣлъ найбольшихъ.
А между тѣмъ небеса и земля и морскія пространства
Суть ничего по сравненью со всею громадной вселенной.

Впрочемъ теперь изложу какимъ образомъ жаркое пламя,
Вдругъ разъярившись, наружу течетъ изъ обширныхъ отверстій
Этны. Подъ Этною прежде всего пустоты очень много;
Вся та гора почти зиждется на каменистыхъ пещерахъ.
Всюду въ пещерахъ такихъ заключается вѣтеръ и воздухъ.
Воздухъ приходитъ въ движенье, тогда поднимается вѣтеръ;
Тамъ же, гдѣ воздухъ нагрѣлся, свирѣпствуя, онъ раскаляетъ
Вкругъ отъ себя земляныя всѣ части и скалы. Оттуда
Онъ высѣкаетъ палящій огонь съ его пламенемъ быстрымъ
И, поднимаясь наверхъ, чрезъ отверстія прямо бросаетъ
Вдаль раскаленное пламя, причемъ разсѣваетъ далеко
Пепелъ, и много выноситъ густѣйшаго чернаго дыма.
Камни чудовищной тяжести воздухъ наверхъ выпираетъ.
Не сомнѣвайся-же въ томъ, что тутъ дѣйствуетъ воздуха сила.

Море у самой подошвы горы на большомъ разстояньи
Волны свои разбиваетъ и водъ укрощаетъ приливы,
Такъ что отъ моря въ горѣ этой тянутся кверху пещеры
И подъ отверстіемъ верхнимъ проходятъ. Что здѣсь проникаетъ,
Воздухъ во внутрь,—признавать вынуждаетъ сама очевидность.
Также какъ то̀, что отсюда онъ вонъ вылетаетъ, возноситъ
Пламя, кидаетъ каменья и тучи песку поднимаетъ.
А на высокой вершинѣ находятся кратеры, какъ ихъ
Тамъ называютъ, но мы признаемъ въ нихъ отверстья и жерла.

---

*) Этотъ стихъ заключенъ въ ковычки согласно изданію Bernays'a. Иначе мысль, выраженная тутъ—непонятна.

Вещи есть нѣкія, гдѣ указанье единой причины
Намъ недостаточно. Много причинъ можетъ быть, но одна лишь
Есть настоящая. Если ты видишь вдали бездыханный
Трупъ человѣка, ты долженъ назвать всѣ причины, отъ коихъ
Смерть происходитъ, но будетъ одна лишь изъ нихъ настоящей.
Умеръ ли тотъ человѣкъ отъ оружія, или болѣзни,
Или отъ лютаго холода, или быть можетъ отъ яда?
Знаемъ мы только, что вѣрно одно что-нибудь въ этомъ родѣ.
Слѣдуетъ то же сказать о другихъ всевозможныхъ явленьяхъ.

Лѣтней порой поднимается Нилъ; а въ Египетскихъ земляхъ
Только единая эта рѣка всѣ поля заливаетъ.
Нилъ орошаетъ Египетъ подчасъ среди самаго лѣта,
Въ силу того Аквилона, что лѣтней порой противъ устья
Дуетъ и носитъ названье тогда Этезійскаго вѣтра.
Вѣтеръ напротивъ теченія дуетъ, поэтому воду
Вверхъ оттѣсняетъ, скопляетъ въ рѣкѣ и стоять заставляетъ.
Да, несомнѣнно, что весь этотъ вѣтеръ, несясь отъ созвѣздій
Хладнаго полюса, дуетъ въ то время напротивъ теченья.
Нилъ же течетъ изъ горячей страны то-есть съ юга
И получая начало въ странѣ подъ полуденнымъ кругомъ,
Межъ племенами людей почернѣвшихъ отъ зноя струится.

Можетъ быть также и то, что песковъ накопленье большое
Устье само замыкаетъ для выхода водъ, когда море,
Вѣтромъ волнуемо, кучи песку въ эту рѣку кидаетъ.
Этимъ стѣсняется сильно свободное водъ истеченье,
И уменьшается въ волнахъ стремленье идти по наклону.

Или быть можетъ большіе дожди у источниковъ Нила
Льются въ ту пору, когда Этезійскія съ сѣвера вѣтры
Всѣ облака отовсюду къ источникамъ тѣмъ направляютъ.
Очень понятно. Когда облака въ полуденныя страны
Загнаны и накопляются тамъ, то высокія горы,
Стоя у нихъ на пути, ихъ сгущаютъ и сильно сжимаютъ.

Очень возможно, что Нилъ наполняется изъ Эѳіопскихъ
Горъ высочайшихъ, когда отъ лучей растопляющихъ солнца
Бѣлыя книзу снѣга изобильно сбѣгаютъ въ долины.

Нынѣ тебѣ разскажу объ Авернскихъ краяхъ и озерахъ
И о тѣхъ свойствахъ особенныхъ, кои они заключаютъ.
Прежде всего ихъ назвали Авернскими *), имя же это
Дано имъ, такъ какъ они всякимъ птицамъ неблагопріятны.
Птицы, откуда бы ни прилетали онѣ въ эти страны,
Въ воздухѣ плавать забывъ, опустивъ паруса своихъ крыльевъ,
Шею склоняютъ свою и стремглавъ тотчасъ падаютъ книзу:
Или на землю, когда таковою окажется мѣстность,
Или же въ воду, когда тамъ Авернскаго озера ложе.

Мѣсто у Кумъ есть такое, гдѣ полныя запахомъ сѣры
Горы дымятся, обильно источники теплые льются.
Есть и въ Аѳинскихъ стѣнахъ на вершинѣ Акрополя мѣсто
Около самаго храма Паллады благой Тритониды,
Мѣсто, куда никогда своихъ крыльевъ не кажутъ вороны,
Даже когда алтари воскуряютъ обильныя жертвы.
Да, избѣгаютъ вороны всѣ мѣста того не отъ гнѣва
Грознаго дѣвы Паллады, какъ пѣли поэты у грековъ,
Но вынуждаются къ этому самой природою мѣста.
Въ Сиріи, какъ ходятъ слухи о томъ, можно также увидѣть
Мѣсто такое, гдѣ нѣкая сила упасть заставляетъ
Четвероногихъ, какъ только они туда вступятъ ногами,
Будто бы руки безсмертныхъ ихъ тутъ убиваютъ внезапно.

Эти явленья творятся порядкомъ естественнымъ всюду,
А отъ причины какой—указуетъ ихъ происхожденье.
Да не подумай ты какъ-нибудь, будто бы Оркуса двери
Въ этихъ мѣстахъ установлены, будто къ брегамъ Ахеронта
Маны ведутъ чрезъ нихъ души умершихъ людей подъ землею;
Будто олени съ ногами крылатыми, какъ полагаютъ,

*) Т.-е. адскими.

Змѣй ядовитыхъ породу изъ норъ извлекаютъ ноздрями.
Сколь далеко это все отступаетъ отъ вѣрнаго взгляда
Долженъ ты знать. Попытаюсь сказать я о самомъ предметѣ.

Прежде всего повторю то, что раньше уже говорилъ я.
Много различнаго рода вещей на землѣ существуетъ;
Многія для человѣка полезны, другія, напротивъ,
Въ немъ вызываютъ болѣзни и смерть его могутъ ускорить.
Я указалъ уже выше, что многія вещи пригодны
Въ жизни животнымъ однимъ, а другимъ же пригодны другія
Вслѣдствіи разницы въ свойствахъ вещей, а равно и несходства
Въ формахъ первичныхъ зачатковъ и въ связяхъ ихъ между собою.
Къ слуху доносится множество звуковъ противныхъ, а также
Въ ноздри подчасъ пробирается острый вредительный запахъ.
Многихъ предметовъ не слѣдуетъ трогать и нужно глазами
Ихъ избѣгать; есть не мало предметовъ на вкусъ непріятныхъ.
Видѣть легко, наконецъ, что на свѣтѣ для чувствъ человѣка
Многія вещи весьма омерзительны, вредны и тяжки.
Такъ, существуютъ деревья со столь удручающей тѣнью,
Что она боль головную порой у того вызываетъ,
Кто отдыхаетъ подъ нею, на травахъ зеленыхъ простершись.
А на высокихъ горахъ Геликона есть дерево также,
Запахомъ сквернымъ цвѣтовъ наносящее смерть человѣку.
Вещи подобныя всѣ изъ земли выростаютъ конечно,
Такъ какъ земля постоянно рождаетъ и распредѣляетъ
Множество разнообразныхъ зачатковъ въ смѣшеніи разномъ.

Если свѣтильникъ недавно загашенный острую копоть
Въ ноздри людей испускаетъ, то въ сонъ ихъ она повергаетъ,
Пѣну изъ устъ выпускать заставляя какъ будто въ болѣзни.
А отъ бобровой струи можетъ женщина чувства лишиться.
Если во время кровей она нюхаетъ это снадобье,
Съ рукъ ея нѣжныхъ работа изящная вдругъ выпадаетъ.
Многое кромѣ того отягчаетъ суставы и члены
И даже душу подчасъ въ самыхъ нѣдрахъ ея разслабляетъ.
Такъ, если плотно покушавъ ты долго порой остаешься

Въ ваннѣ горячей и моешься, то очень просто ты можешь
Тутъ въ этой самой горячей водѣ обрѣсти свою гибель.
Углей тяжелый угаръ и ихъ запахъ легко проникаютъ
Въ мозгъ человѣка, который воды передъ этимъ не выпилъ;
Если же чадъ этотъ распространяется рѣзче по дому,
Запахъ угара *) смертельный ударъ наносить даже можетъ.
Развѣ не видишь, что въ самой землѣ зарождается сѣра?
Что испускаетъ смола земляная **) противный свой запахъ?
Тамъ, гдѣ желѣзомъ въ землѣ разрываются скрытые ходы,
Тамъ, гдѣ лежатъ въ глубинѣ серебра или золота жилы,
Сколько тяжелаго запаха снизу рудникъ выдыхаетъ!
Сколько напасти тотъ золотоносный рудникъ испускаетъ!
Какъ искажаетъ онъ лица! какую даетъ имъ окраску!
Развѣ не видишь, не слышишь ты, какъ преждевременно гибнутъ
Люди, которыхъ великая власть вынуждаетъ къ работѣ
Этой тяжелой, какъ малы въ нихъ жизненной силы запасы?
Стало-быть всѣ испаренья такія земля выдыхаетъ
И испускаетъ наружу въ открытое вольное небо.

Такъ и Авернскія страны должны подвергать всѣхъ пернатыхъ
Силѣ погибельной, что изъ земли поднимается въ воздухъ,
И такъ сказать отравляетъ пространство извѣстное неба.
Какъ только птица въ такія мѣста свой полетъ направляетъ,
Сразу она цѣпенѣетъ, объятая скрытой отравой,
Такъ что изъ мѣстъ испареньемъ отравленныхъ падаетъ на-земь.
Разъ же свалилась она, та же самая сила отравы
Жизни остатки послѣдніе всюду изъ членовъ уноситъ.

---

*) Эти два стиха совершенно искажены. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ мы читаемъ odor vini вмѣсто odor viri, какъ будто Лукрецій приводитъ еще примѣръ виннаго угара независимо отъ предыдущаго примѣра. Однако на связь этихъ двухъ стиховъ съ предыдущими стихами, гдѣ говорится объ угольномъ чадѣ, указываютъ частица at и нарѣчіе въ сравнительной степени fervidior vis, а о винѣ и винныхъ испареніяхъ тутъ нѣтъ и рѣчи. Поэтому надо думать, что редакція Bernays'а правильнѣе другихъ. Любопытный комментарій объ этомъ у Lachmann'а.

**) Bitumen—асфальтъ при изверженіи вулкановъ, а можетъ быть нефть.

Но испаренія лишь одуряютъ вначалѣ пернатыхъ.
Только потомъ, когда птицы упали ужь въ самый источникъ
Этой отравы, они окончательно духъ испускаютъ
Вслѣдствіе скопищъ обильныхъ такихъ вредоносныхъ вліяній.

Также бываетъ, что сила Авернскихъ такихъ испареній
Воздухъ весь между землею и птицами прочь разгоняетъ,
Такъ что пространство почти остается пустымъ въ этомъ мѣстѣ.
Со стороны какой-либо сюда прилетѣвшая птица
Тотчасъ съ напраснымъ усердіемъ крыльями бьетъ. Измѣняютъ
Силы ей всѣ при стараньи на крыльяхъ своихъ удержаться.
Очень понятно. Не будучи въ силахъ держаться на крыльяхъ,
Валятся птицы,—ихъ тяжесть къ тому принуждаетъ въ природѣ—
И, сквозь пространство пустое стремглавъ съ высоты устремляясь,
Духъ испускаютъ онѣ изъ отверстій и поръ на всемъ тѣлѣ.

Влага въ колодцахъ, затѣмъ, холоднѣе становится лѣтомъ,
Ибо земля отъ тепла разрѣжается, такъ что зачатки
Жара, какіе находятся въ ней, удаляются въ воздухъ.
А потому чѣмъ сильнѣе земля распаляется зноемъ,
Тѣмъ холоднѣе бываетъ вода ея въ нѣдрахъ сокрытыхъ.
Отъ холодовъ же земля уплотняясь ссѣдается сильно
И застываетъ какъ будто. При сжатіи этомъ въ колодцы
Жаръ вытѣсняется тотъ, что въ землѣ образуется самой.

Есть возлѣ храма Аммона источникъ, который бываетъ
Холоденъ днемъ и становится теплымъ во время ночное.
Сильно дивятся источнику этому люди и мыслятъ,
Будто отъ солнца палящаго онъ нагрѣвается быстро
Тою порой, когда ночь укрываетъ потемками землю.
Но разсужденія ихъ чрезвычайно далеки отъ правды
Вотъ почему. Если солнце открытую влаги поверхность
Не въ состояніи сверху нагрѣть никакими судьбами
Даже при зноѣ, которымъ оно въ высотѣ обладаетъ,
Какъ бы могло оно снизу сквозь плотное тѣло земли всей
Воду нагрѣть и горячихъ паровъ своихъ зной сообщить ей?

Солнце чрезъ стѣны строенія даже едва въ состояньи
Путь проложить теплотѣ при посредствѣ лучей раскаленныхъ.

Что за причина тогда? Безъ сомнѣнія этотъ источникъ
Болѣе рыхлой землей окруженъ, чѣмъ земля остальная;
Много къ тому же въ ней огненныхъ тѣлецъ по близости влаги.
Здѣсь, когда ночь опускаетъ росу и летучія тѣни,
Тотчасъ земля холодѣетъ внутри и сжимаетъ составъ свой.
Вслѣдствіе этого почва, какъ будто въ рукѣ ее сжали,
Теплыя тѣльца, какія въ ней есть, вытѣсняетъ въ источникъ,
Дѣлая влагу тѣмъ теплою для осязанья и вкуса.
Послѣ того, когда солнца лучи растворяютъ тамъ почву
И разрѣжаютъ ее, заливая тепломъ испареній,
Снова зачатки тепла возвращаются въ прежнее мѣсто,
И изъ воды отступаетъ ея теплота снова въ землю.
Вотъ потому среди дня тотъ источникъ бываетъ прохладенъ.

Солнца лучи золотые къ тому же вліяютъ на влагу
И при трепещущемъ свѣтѣ ихъ также и влага рѣдѣетъ,
И выпускаетъ она потому тепловые зачатки,
Кои содержитъ въ себѣ. Такъ морозъ изъ себя выпускаетъ
То, что содержитъ и, связи ослабивъ всѣ, ледъ растопляетъ.

Кромѣ того существуетъ холодный источникъ, въ которомъ
Пакля огнемъ загорается, пламени тамъ захвативши.
Факелы тамъ начинаютъ свѣтиться, въ водѣ зажигаясь
И уплывая туда, куда гонитъ движеніе вѣтра.
Не удивительно это. Въ водѣ очень много зачатковъ
Огненныхъ, и изъ земной глубины поднимается кверху
Множество тѣлецъ огня, подступая къ источнику всюду.
Эти зачатки наружу должны выдѣляться и въ воздухъ
Вонъ вылетать, потому и не можетъ нагрѣться источникъ.

Нѣкая сила притомъ заставляетъ извѣстныя тѣльца
Вонъ вырываться чрезъ воду и сверху скопляться. Источникъ
Въ морѣ Арадскомъ одинъ существуетъ. Со сладкой водою

Онъ вытекаетъ, соленую влагу кругомъ разгоняя.
Есть и другія на свѣтѣ мѣста, гдѣ поверхность морская
Можетъ полезною быть моряку истомленному жаждой,
Такъ какъ тамъ сладкія воды текутъ среди влаги соленой.
Стало-быть могутъ такимъ же путемъ прорываться въ источникъ
Тѣльца огня и наполнить собою здѣсь паклю; когда же
Много скопляется ихъ или въ факелъ они попадаютъ,
То они очень легко загораются, ибо немало
Огненныхъ тѣлецъ находится въ факелѣ самомъ и въ паклѣ.
Не замѣчаешь ли, что если къ лампѣ свѣтящей средь ночи
Ты приближаешь фитиль незадолго предъ этимъ погасшій,
То зажигается раньше фитиль, чѣмъ къ огню прикоснуться.
То же и въ факелахъ. Многія вещи въ сосѣдствѣ съ огнями
Раньше горѣть начинаютъ, чѣмъ эти огни къ нимъ коснуться.
Стало-быть то же бываетъ въ источникахъ, надобно думать.

Мнѣ остается сказать, по какому закону природы
То̀ происходитъ, что камень притягивать можетъ желѣзо.
Камень же этотъ по имени мѣсторожденья магнитомъ
Названъ былъ въ Греціи, такъ какъ онъ найденъ въ предѣлахъ Магнстовъ.
Люди весьма удивляются камню такому. Онъ часто
Цѣпь представляетъ изъ звеньевъ, держащихся сами собою.
Можешь увидѣть ты пять такихъ звеньевъ, порой даже больше.
Распредѣленныя рядомъ, качаясь отъ легкаго вѣтра,
Звенья такія свисаютъ одно подъ другимъ прилѣпившись.
Камень одинъ отъ другого всю силу и цѣпкость пріемлетъ,
И эти свойства присущи магнитному камню повсюду.

Установить нужно многое въ этого рода вопросахъ,
Прежде чѣмъ до настоящей причины добраться ты сможешь.
Къ ней подходить тебѣ слѣдуетъ длинными очень путями.
Такъ что прошу: напряги ты сильнѣе свой слухъ и вниманье!
Прежде всего отъ любаго предмета какой мы встрѣчаемъ
Вѣчно должны истекать, отлетать, разсѣваться повсюду
Тѣльца, которыя рѣжутъ глаза намъ и трогаютъ зрѣнье.
Запахи также всегда отъ извѣстныхъ вещей истекаютъ;

Холодъ отъ рѣкъ истекаетъ, отъ солнца—тепло, а отъ моря—
Соли притокъ, разъѣдающій жадно прибрежныя зданья;
И непрестанно по воздуху разные звуки несутся.
Въ ротъ попадаетъ нерѣдко намъ жидкость соленаго вкуса,
Если мы бродимъ по-близости моря; когда же порою
Смотримъ мы какъ растираютъ полынь, то мы чувствуемъ горечь.
Стало-быть такъ отъ вещей всякихъ нѣчто всегда истекаетъ,
Носится и разсѣвается всюду по всѣмъ направленьямъ.
Ни перерыва, ни отдыха нѣтъ истеченіямъ этимъ,
Такъ какъ вѣдь чувствуемъ мы непрерывно, и мы постоянно
Видимъ и нюхаемъ вещи и слушаемъ разные звуки.

Я повторяю и напоминаю, что вещи имѣютъ
Пористый нѣкій составъ,—въ пѣснѣ первой я выяснилъ это,—
Такъ какъ особенно важно намъ свѣдѣнье это въ вопросахъ,
Къ коимъ теперь приступить я намѣренъ, хотя оно важно
Также въ другихъ отношеніяхъ. Надо признать, что на свѣтѣ
Нѣтъ ничего, гдѣ-бъ тѣла съ пустотой не являлись въ смѣшеньи.

Прежде всего наблюдаемъ, что верхніе камни въ пещерахъ
Влагой покрыты и капли воды черезъ скалы сочатся.
Такъ же и потъ вытекаетъ повсюду изъ нашего тѣла;
Волосы и борода на извѣстныхъ мѣстахъ выростаютъ;
Пища сочится по жиламъ и все въ насъ роститъ и питаетъ
Вплоть до ногтей и до крайнихъ конечностей нашего тѣла.
Мы ощущаемъ, что черезъ металлы тепло или холодъ
Могутъ проникнуть. Вѣдь холода и теплоты прониканье
Чувствуемъ мы, когда полные кубки въ рукахъ своихъ держимъ.
А черезъ камни закрытыхъ домовъ голоса проникаютъ;
Запахи, холодъ и жаръ отъ огня точно также проходятъ.
Пламени жаръ, наконецъ, сплошь и рядомъ пронизывать можетъ
Панцырь желѣзный, кругомъ облегающій тѣло у Галла.
Сила болѣзни снаружи внѣдряется въ насъ отовсюду;
А непогоды, возникшія здѣсь на землѣ и на морѣ,
Осуществляютъ вездѣ свое право на землю и море.
Стало-быть нѣтъ ничего, въ чемъ бы не было пористо тѣло.

Надо прибавить, что тѣльца, которыя всюду отъ каждой
Вещи исходятъ, не всѣ одинакимъ надѣлены свойствомъ,
И что къ вещамъ они разнымъ относятся не одинако.
Солнце—начать съ того—сушитъ и дѣлаетъ твердою землю,
Между тѣмъ ледъ растопляетъ оно и всегда побуждаетъ
Къ таянью снѣгъ высоко взгроможденный на горныхъ вершинахъ.
Воскъ, наконецъ, размягчается, если въ теплѣ побываетъ.
Жидкой становится мѣдь отъ огня, растопляется злато,
Между тѣмъ мясо и кожа, свернувшись, сжимаются плотно.
Влага желѣзу каленому твердость даетъ, въ то же время
Мясо и кожу мягчитъ; теплота же ихъ дѣлаетъ тверже.
Зелень маслинъ столь плѣняетъ козловъ бородатыхъ, какъ будто
Нектаромъ смазана или амброзія въ ней истекаетъ;
А для людей ничего нѣтъ противнѣе зелени этой.
Отъ майорана свинья убѣгаетъ и очень боится
Мази его, такъ какъ это есть ядъ для щетинистыхъ тварей,
А между тѣмъ у людй подкрѣпляетъ онъ видимо силы.
Грязь же, напротивъ, для насъ представляется очень противной,
Между тѣмъ въ ней себѣ свиньи находятъ большую пріятность
И ненасытно валяются въ ней, погружаясь всѣмъ тѣломъ.

Прежде чѣмъ я приступлю къ разсужденью о самомъ предметѣ,
Мнѣ остается сказать то, что нужно къ его разъясненью.
Много отверстій во всякихъ вещахъ существуетъ, при этомъ.
Эти отверстья природой различной должны отличаться,
И изъ нихъ каждому разные ходы и свойства присущи.
Свойственны разнообразныя чувства созданьямъ живущимъ,
И проявляетъ себя въ своей области каждое чувство.
Въ мѣсто одно проникаютъ, какъ видимъ мы, звуки; въ другое—
Вкусы веществъ или разные запахи отъ испареній.
Дальше. Одно вещество проникаетъ сквозь камни, другое—
Только сквозь дерево. Сквозь серебро или золото можетъ
Третье пройти, а иное пройти сквозь стекло даже можетъ.
Тутъ теплота пропускается, тамъ пропускается образъ,
И вещества здѣсь одни проникаютъ быстрѣй чѣмъ другія.
Ясно теперь, что все это зависитъ отъ свойства отверстій

Черезвычайно различныхъ, какъ нѣсколько выше сказалъ я,
Въ силу несходства состава вещей и различія въ тканяхъ.

Разъ подтверждаются предположенія наши такія,
Разъ они прочно поставлены и разработаны вѣрно,
Все остальное легко объяснить и открыть ту причину,
Въ силу которой желѣзо притянуто можетъ быть камнемъ.
Прежде всего непремѣнно отъ камня того истекаетъ
Тѣлецъ первичныхъ порывъ, разгоняющій силой ударовъ
Воздуха столбъ, расположенный между желѣзомъ и камнемъ.
Какъ только это пространство пустѣетъ и мѣсто въ срединѣ
Опорожняется, тотчасъ первичныя тѣльца желѣза
Внутрь пустоты той врываются вмѣстѣ, притомъ происходитъ,
Что вслѣдъ за ними кольцо *) само тащится въ цѣломъ составѣ.
Нѣтъ въ мірѣ вещи другой, состоящей изъ тѣлецъ первичныхъ,
Гдѣ бы частицы держалися крѣпче взаимною связью,
Нежели въ твердомъ желѣзѣ, внушающемъ ужасъ холодный.
Значитъ, какъ сказано выше, тѣмъ менѣе нужно дивиться
Если частицамъ желѣза нельзя въ пустоту устремляться
Кучей большой безъ того, чтобъ кольцо не тянулось за ними.
Такъ и бываетъ. Кольцо приближается къ камню, доколѣ
Не подойдетъ здѣсь вплотную, связуясь невидимой связью.
Это бываетъ всегда такъ; и гдѣ бы ни образовалось
Мѣсто пустое въ томъ случаѣ—по сторонамъ или сверху—
Свойственно тѣльцамъ всегда въ пустоту по сосѣдству стремиться,
Такъ какъ съ другой стороны ихъ толкаетъ напоръ; а иначе
Собственной волей они не могли бы подняться на воздухъ.
Вотъ что добавлю еще. Проявленію сказанной силы
И появленью движенья не мало способствовать можетъ
Именно то, что когда предъ кольцомъ разрѣжается воздухъ
И оттого расширяется больше пустое пространство,
Тотчасъ случается, что позади находящійся воздухъ
Сзади подталкивать будто и двигать впередъ начинаетъ.
Каждую вещь покрываетъ ударами воздухъ окрестный,

*) Само собою разумѣется желѣзное кольцо.

Но въ этомъ случаѣ воздухъ толкаетъ желѣзо въ одномъ лишь
Томъ направленьи, куда его та пустота увлекаетъ.
Воздухъ помянутый мною, чрезъ частыя поры желѣза,
Внутрь проникая тончайшимъ путемъ въ наймельчайшія части,
Гонитъ, толкаетъ, какъ вѣтеръ толкаетъ подъ парусомъ судно.

Всякія вещи должны наконецъ содержать въ себѣ воздухъ.
Ибо изъ пористыхъ тѣлъ состоятъ онѣ всѣ и при этомъ
Воздухъ всѣ вещи собой окружаетъ и ихъ облегаетъ.
Стало быть воздухъ, который скрывается въ нѣдрахъ желѣза,
Вѣчно колеблется тутъ въ возбужденномъ движеньи, а также
Это кольцо безъ сомнѣнья внутри безпокоитъ толчками.
Ясно, конечно, что онъ устремляется въ томъ направленьи
И къ тому мѣсту, куда и стремленье кольца тяготѣетъ.

Также бываетъ, что поперемѣнно порода желѣза
Можетъ отъ камня отскакивать или къ нему привлекаться.
Я наблюдалъ, какъ волнуются, прыгаютъ въ мѣдномъ сосудѣ
Самофракійскія кольца желѣзныя или опилки,
Въ случаѣ если подъ этимъ сосудомъ есть камень магнитный.
Вотъ до чего убѣжать отъ него они видимо жаждутъ!
Мѣдь, находясь въ серединѣ, приводитъ здѣсь все въ безпорядокъ
Въ силу того, несомнѣнно, что токи отъ мѣди сначала
Овладѣваютъ путями открытыми всѣми въ желѣзѣ.
Послѣ того, когда поры въ желѣзѣ полны совершенно,
Токи несутся магнитные, но имъ нельзя ужь проникнуть,
Стало-быть токъ отъ магнита, наткнувшись въ движеньи, толкаетъ
Эти опилки желѣзные и отъ себя отгоняетъ
Если чрезъ мѣдь онъ идетъ, а безъ мѣди онъ ихъ поглощаетъ.

Въ этомъ явленіи остерегись удивляться, что токи
Камня-магнита вліять на другія тѣла неспособны.
Вещи однѣ, какъ-то золото, слишкомъ устойчивы въ силу
Тяжести ихъ, а другія составомъ неплотны и токи
Не задѣвая ихъ, не вызывая движенья, проходятъ.
Къ этому роду матерію дерева можно причислить.

Среднее мѣсто межъ тѣмъ и другимъ занимаетъ желѣзо.
Если-жь въ себя оно нѣкія тѣльца отъ мѣди пріемлетъ,
То отъ себя его токи магнитнаго камня толкаютъ.

Все же явленіе это не такъ ужь далеко отъ прочихъ
Всякихъ явленій. Могу я напомнить немало предметовъ
Этого рода, которые такъ тяготѣютъ другъ къ другу.
Камни къ примѣру ты видишь скрѣпленные только известкой;
Дерево клеемъ бычачьимъ столь прочно связуется вмѣстѣ,
Что отъ изъяна въ слоеньи скорѣе столы могутъ треснуть,
Нежели можетъ ослабнуть скрѣпленье бычачьяго клея.
Винныя жидкости могутъ свободно смѣшаться съ водою,
А въ то же время смола или легкія масла не могутъ.
Краска пурпурная раковинъ соединяется плотно
Съ тканью льняною, и ты никогда не отмоешь ту краску
Какъ бы ты ткань обновить ни старался потокамъ Нептуна,
Даже хотя-бъ океанъ на нее свои волны всѣ вылилъ.
Вещь не одна только золото съ золотомъ соединяетъ *),
Съ мѣдью же мѣдь только бѣлый свинецъ воедино скрѣпляетъ.

Мало-ль вещей еще можно найдти? Но къ чему то послужитъ?
Ни для тебя не нужны извороты длиннѣйшіе вовсе,
Ни также мнѣ не годится столь много усердія тратить.
Но остается мнѣ многое въ краткихъ словахъ обобщить здѣсь.
Если два тѣла другъ съ другомъ встрѣчаются, такъ что при этомъ
Выпуклость въ тѣлѣ одномъ пустотѣ соотвѣтствуетъ, сущей
Въ тѣлѣ другомъ, то межъ ними прочнѣйшая связь возникаетъ.
Связь такова здѣсь какъ будто крючки зацѣпившись за петли
Держатся между собой въ сочетаньи извѣстномъ, какое
Можемъ увидить мы между желѣзомъ и камнемъ магнитнымъ.

Нынѣ скажу отчего происходятъ болѣзни; откуда
Недугоносныя силы способны столь быстро навѣять

*) Этотъ стихъ искаженъ и въ каждомъ изданіи имѣетъ различный смыслъ. Стихъ переведенъ здѣсь дословно по редакціи Lachmann'а.

Гибельный смертный исходъ на стада и на родъ человѣка.
Какъ я сказалъ уже раньше, зачатки вещей всевозможныхъ
Сверху летаютъ. Одни изъ нихъ жизни способствуютъ нащей,
Наоборотъ же, другіе несутъ намъ болѣзнь и погибель.
Въ случаѣ томъ, когда эти послѣдніе, массой скопившись,
Въ небѣ метаться начнутъ, то становится воздухъ заразнымъ.
Сила болѣзней различныхъ и всякой заразы несется
Или извнѣ, какъ летятъ облака и туманы по небу,
Или нерѣдко, сама отъ себя возникая изъ почвы,
Вдругъ поднимается тамъ, гдѣ земля въ состоянье гніенья
Приведена черезмѣрною влагой и дѣйствіемъ солнца.

Развѣ не видишь ты, что перемѣны воды или неба
Вредны тому, кто приходитъ изъ дальней отчизны въ чужбину,
Такъ какъ ему совершенно здѣсь не соотвѣтствуетъ климатъ?
Надо представить, сколь разнится сильно Британское небо
Съ небомъ Египта, въ которомъ склоняется*) ось міровая;
Или сколь разнится небо Понтійское съ небомъ Гадеса,
Или же съ небомъ людей, почернѣвшихъ отъ жгучаго зноя.
Разное видимъ мы по четыремъ направленіямъ свѣта:
Вѣтры изъ странъ четырехъ и четыре дѣленія неба.
Также наружность и цвѣтъ у людей различаются очень
И удручается каждое племя особой болѣзнью.

Такъ есть болѣзнь вблизи Нила по имени элефантіазисъ**);
Въ среднемъ Египтѣ бываетъ она и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.
Въ Аттикѣ ноги хвораютъ, глаза же страдаютъ въ Ахайѣ.
Такъ что для разныхъ частей или членовъ всегда одна мѣстность
Больше вредна чѣмъ другая: такъ дѣйствуетъ воздухъ различный.

---

*) Глаголъ c l a u d i c a t—(хромаетъ, спотыкается) обозначаетъ то, что солнце колеблется здѣсь между тропикомъ рака и козерога.

**) Elephas, Elephantiasis—слоновая проказа, ничего общаго неимѣющая съ проказой, лепрой древнихъ и новыхъ временъ. Elephas заключается въ необычайномъ утолщеніи той части тѣла, которая поражена этой болѣзнью. Большею частью страдаютъ ноги (стопа и нижняя часть голени). При этомъ нога такъ распухаетъ, что становится похожею на ногу слона. Отсюда и названіе.

А потому если въ небѣ отъ насъ отстоящемъ далеко
Воздухъ, въ смущенье придя, начинаетъ порой колебаться,
То постепенно ползетъ онъ подобно туманамъ и тучамъ,
Все возмущая кругомъ и повсюду внося измѣненье.
Къ нашему небу дойдя, этотъ воздухъ его измѣняетъ
И его дѣлаетъ сходнымъ съ собой, но для насъ непривычнымъ.
Ядъ этотъ быстро возникшій съ заразой развившейся вновѣ
Падаетъ въ воды и въ самые даже плоды проникаетъ
Или же въ пищу другую людей или въ кормъ для животныхъ.
А иногда остается зараза та въ воздухѣ самомъ;
Такъ что, когда мы вдыхаемъ въ себя этотъ смѣшанный воздухъ,
Необходимо должна пробираться болѣзнь въ наше тѣло.
Вслѣдствіе той же причины чума на быковъ нападаетъ,
И постигаетъ недугъ всякихъ блеющихъ тварей лѣнивыхъ.
Вовсе неважно приходимъ ли сами мы въ мѣстности, кои
Вредны для насъ и мѣняемъ ли сами покровъ небосвода,
Или, напротивъ, природа несетъ нездоровый къ намъ воздухъ
И образуетъ что-либо несродное нашимъ привычкамъ
И повредить намъ могущее быстрымъ своимъ появленьемъ.

Нѣкогда въ силу причинъ тѣхъ болѣзни и воздухъ заразный
Предали гибели всѣ поселенія въ царствѣ Кекропса,
Опустошили дороги и въ городѣ гражданъ сгубили.
Моръ, перенесенный изъ отдаленныхъ предѣловъ Египта,
Черезъ моря, черезъ много воздушныхъ пространствъ пролетѣвши,
Тяжестью всей своей легъ на народъ Пандіона; при этомъ
Толпами стали валиться тамъ жертвы болѣзни и смерти.

Въ самомъ началѣ болящіе жаръ въ головѣ ощущали;
Оба ихъ глаза, наполнившись кровью, огнями сверкали.
Послѣ того почернѣвшая кровь извергалась изъ горла,
Голосовые пути же отъ язвъ становилися уже.
Истолкователь же мысли—языкъ, истекая весь кровью,
Ослабѣвалъ, становился тяжелымъ, шершавымъ на ощупь.
Сила болѣзни, затѣмъ, чрезъ отверстіе рта проникала
Въ нѣдра груди и скоплялась въ самомъ недугующемъ сердцѣ,

Такъ что поистинѣ связи всѣ съ жизнью въ то время слабѣли.
Вмѣстѣ съ дыханіемъ ротъ испускалъ отвратительный запахъ,
ъ отъ брошенныхъ трупвъ гніющихъ.
какъ и цѣлое тѣло
Ослабѣвали, уже находясь на порогѣ могилы.
Спутникомъ вѣчно несмѣннымъ такихъ нестерпимыхъ страданій
Былъ здѣсь томительный страхъ, выражавшійся плачемъ и стономъ.
Ночью и днемъ нападавшіе приступы частой икоты
Нервныя схватки въ больныхъ вызывали и члены сводили
Ужь безъ того истомленныя, ихъ разслабляя все больше.

Впрочемъ замѣтить нельзя было здѣсь, чтобы чье-либо тѣло
Разгорячалося жаромъ чрезмѣрнымъ у кожныхъ покрововъ;
Тѣло на ощупь руки только теплымъ казалось скорѣе,
И покраснѣвшимъ повсюду, какъ то при ожогахъ бываетъ.
(То же мы видимъ когда растекается въ членахъ гангрена).
Между тѣмъ внутренность вся до костей въ человѣкѣ пылала.
Пламя какъ будто въ печи изнутри пожирало желудокъ;
Не было вещи на свѣтѣ столь легкой и тонкой, чтобъ пользу
Членамъ принесть въ этомъ случаѣ. Часто больные на вѣтеръ
Или на холодъ страдавшіе члены свои выставляли,
Или же, къ рѣкамъ сбѣгаясь, кидались нагими въ ихъ волны.
Было немало людей, что съ зіяющимъ ртомъ подходили
Къ водамъ колодцевъ и въ ихъ глубину съ высоты низвергались.
Неутолимая, жгучая жажда притомъ изсушала ихъ тѣло,
Такъ что казались имъ каплей дождя изобильныя воды.

Не было отдыха бѣдствіямъ тѣмъ. Въ истомленьи валялись
Долу тѣла; медицина межь тѣмъ лепетала во страхѣ,
Такъ какъ больные, принявшіе столько страданія раньше
Все же вращали глазами въ предчувствіи близкой кончины.
Кромѣ того много признаковъ смерти еще подавалось:
Духъ приходилъ въ замѣшательство вслѣдствіе горя и страха,
Хмурились брови, а взглядъ становился свирѣпымъ и острымъ.
Далѣе слухъ потревоженный полонъ былъ звуковъ, дыханье
Вдругъ становилось то частымъ, то рѣдкимъ, но очень тяжелымъ;

Потная влага, лоснясь, потекать начинала по шеѣ,
Оскудѣвая слюна становилась соленою, жидкой,
Цвѣта шафраннаго, трудно изъ устъ выдѣляемой съ кашлемъ.
Холодъ не медлилъ сводить жилы рукъ и подергивать члены,
И отъ конечностей ногъ проникать постепенно все выше.
А, наконецъ, съ наступленьемъ послѣдняго часа сжимались
Ноздри слегка, обострялась конечность передняя носа;
Послѣ впадали глаза и впадали виски; холодѣла
Жесткая кожа, зіяли уста и чело напрягалось.
Нѣсколько позже затѣмъ коченѣли умершіе члены.
Такъ на восьмомъ восхожденьи лучистаго солнца, порою
И на девятомъ, больной разставался съ свѣтильникомъ жизни.

Тотъ же, кому удавалося какъ-нибудь смерти избѣгнуть,
Все же впослѣдствіи долженъ былъ ждать разложенья и смерти
Съ мерзкими язвами въ тѣлѣ и съ чернымъ поносомъ желудка.
А иногда у него съ головною мучительной болью
Много испорченной крови изъ вздутыхъ ноздрей выходило;
Изъ человѣка при этомъ всѣ силы его вытекали.
Послѣ того, какъ скопленіе острое крови нечистой
Прочь изливалось, болѣзнь уходила въ суставы и нервы,
Даже порой уходила она въ дѣтородныя части.
Тяжкимъ объятые страхомъ предъ хладной границею смерти
Многіе жили, оружьемъ лишивъ себя члена мужскаго.
Были такіе подчасъ, что безъ рукъ и безъ ногъ оставались
Все же въ живыхъ, а другіе отчасти лишалися зрѣнья.
Вотъ съ какой силой тогда нападалъ на нихъ страхъ передъ смертью!
А на иныхъ находило къ тому же такое забвенье
Прошлыхъ событій, что сами себя узнавать не умѣли.

Множество труповъ въ то время лежало одинъ сверхъ другого
Безъ погребенья, но все же и птицы и хищные звѣри
Прочь уходили далеко, чтобъ рѣзкаго смрада избѣгнуть,
Или, отвѣдавши тѣлъ, въ ожиданіи смерти валились.
Впрочемъ въ ту мѣстность и птица тогда ни одна не являлась
Даже случайно, а хищные звѣри изъ лѣса средь ночи

Не выходили. Но много звѣрей отъ болѣзни той чахло;
По преимуществу вѣрные псы отъ нея издыхали.
Съ болью они на дорогахъ простертыя духъ испускали,
Такъ какъ заразная сила изъ членовъ ихъ жизнь исторгала.

Но для спасенія общаго не было средство извѣстно.
То, что подчасъ *одному* помогало съ живительнымъ вздохомъ
Воздухъ устами впивать и увидѣть опять небосводы,
Гибельно было и вѣрную смерть причиняло *другому*.

Въ этихъ событьяхъ одно вызывало великую жалость,
Именно то, что когда себя кто-нибудь видѣлъ объятымъ
Страшной болѣзнью, то къ смерти считалъ ужь себя осужденнымъ.
Изнемогая душевно лежалъ онъ съ тоскою на сердцѣ
И испускалъ онъ дыханье, увидѣвъ обрядъ погребальный.
Вотъ еще что прибавляло одно погребенье къ другому:
Ни на мгновеніе не прекращала зараза болѣзни
Отъ одного заболѣвшаго передаваться другому;
Будто бы въ стадѣ рогатыхъ быковъ и овецъ шерстоносныхъ.

Тотъ, кто изъ жадности къ жизни чрезмѣрной, изъ страха предъ смертью
Даже и близкихъ своихъ навѣщать избѣгалъ и боялся,
Позже немного казнился лихою постыдною смертью,
Кинутый всѣми, безъ помощи, при равнодушіи общемъ.
Тотъ же, кто помощь готовъ былъ подать, погибалъ отъ заразы
И отъ работы, къ которой его побуждала и совѣсть
И умоляющій голосъ въ смѣшеніи съ жалобнымъ стономъ.
Лучшихъ людей постигала вотъ этого рода кончина.
Безъ провожатыхъ, на спѣхъ погребенья обряды свершались.
Каждый въ народѣ свершалъ погребеніе собственныхъ близкихъ,
И возвращался назадъ удрученный слезами и грустью.
Многихъ людей послѣ этого горе въ постель повергало;
И невозможно найти человѣка, котораго слезы,
Смерть и болѣзнь не коснулись бы въ то злополучное время.

Кромѣ того и пастухъ, и хозяинъ рогатой скотины

И землепашецъ дородный, ходящій за согнутымъ плугомъ,
Изнемогали, валяясь въ домахъ своихъ сбитые въ кучу
И становились добычею смерти отъ бѣдности или болѣзни.
Могъ бы тогда ты увидѣть дѣтей бездыханныхъ, лежащихъ
На бездыханныхъ же трупахъ родителей, также обратно,
Мать и отца, испускающихъ духъ свой надъ трупомъ ребенка.
Было не малой бѣдой также то, что съ полей всѣхъ окрестныхъ
Въ городъ стекались большою толпой поселяне больные,
И собиралися въ немъ отовсюду изъ мѣстъ зараженныхъ.
Зданья закрытыя, площади тѣми людьми наполнялись.
При тѣснотѣ этой, кучами смерть громоздила здѣсь трупы.
Многіе люди, томимые жаждой, на улицахъ всюду
Съ корчами въ тѣлѣ лежали, ко влагѣ фонтановъ прильнувши,
Но черезмѣрная сладость воды имъ спирала дыханье.
Тамъ или сямъ въ многолюдныхъ мѣстахъ и на улицахъ шумныхъ
Ты увидалъ бы какъ члены у тѣлъ ужь почти бездыханныхъ
Гибли въ ужасной грязи и покрытые рубищемъ рванымъ.
Сверху костей у людей тѣхъ болталась лишь кожа и та ужь
Вся почти въ язвахъ гніющихъ, покрытая слоями грязи.

Смерть, наконецъ, наполняла скопленіемъ тѣлъ бездыханныхъ
Храмы святые боговъ. Небожителей свѣтлые домы
Вдругъ оказалися обремененными грудою труповъ
Тамъ, гдѣ хранители дали убѣжище пришлому люду.
Ибо религія или святыни цѣнились не много,
Преобладало же всюду тогда настоящее горе.
Въ городѣ не соблюдался тотъ прежній обрядъ погребенья,
Съ коимъ народъ этотъ въ землю привыкъ хоронить своихъ мертвыхъ.
Все трепетало въ смущеньи глубокомъ и каждый въ печали
Самъ хоронилъ своихъ близкихъ, какъ средства ему позволяли.
Многое тутъ вызывалось нуждою и смертью внезапной.
Такъ сплошь и рядомъ иные съ великими криками клали
Единокровныхъ своихъ на костры для людей постороннихъ
И зажигали костры эти, предпочитая сражаться
До крови часто, чѣмъ безъ погребенія трупы оставить.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	I—XVI
Книга первая	1— 34
Книга вторая	35— 70
Книга третья	71—104
Книга четвертая	105—144
Книга пятая	145—189
Книга шестая	190—229

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ".

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ (1903 г.).

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Обложка работы художника Фидуса. Ц. 2 р. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. 1889—1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Стихи 1897—1903 г. (Книга III и IV). Ц. 1 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая), въ 4-хъ частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Бердслея. Ц. 75 к.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго размѣромъ подлинника И. И. Рачинскій. Ц. 2 р. 50 к.

Ст. Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ въ трехъ частяхъ. 1) На распутьи. 2) Мимоходомъ. 3) Въ Мальстремѣ. Переводъ М. Н. Семенова. М. 1903. Ц. 2 р. 40 к. (Печатается 2-е изданіе).

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя жизни Пушкина, собранныя Н. Лернеромъ. М. 1903. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле стиховъ, писемъ и рисунковъ Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверные Цвѣты. Третій Альманахъ. Обложка воспроизводитъ гравюру Отто Веніуса въ рамкѣ Л. Бакста. М. 1903 г. (Распродано).

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года 1901, 1902, 1903. Ц. 3 р.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій со статьей о жизни и творчествѣ Ив. Коневского. Ц. 2 р.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Ц. 1 р. 50 к. (Выдетъ въ началѣ 1904 г.).

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ (Выйдетъ въ началѣ 1904 г.).

ИЗДАНІЯ 1900—1902 г.

Генрикъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. Изданіе второе. М. 1900. Ц. 50 коп. (Осталось самое ограниченное число экземпляровъ).

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 1 р.

Александръ Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловія Ив. Коневского и Валерія Брюсова. М. 1900 г. Ц. 60 к. (Распродано).

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.